

168 535
с. 1

М. Книж.
Моск.

НОВЫЯ ИДЕИ въ ПЕДАГОГИКѢ

12/IVIII

Неперіодическое изданіе, выходящее
подъ редакціей Г. Г. ЗОРГЕНФРЕЯ.

СБОРНИКЪ № 1.

Самоуправлениe въ школахъ.

Изд-ство „Образованіе“ СПб.
1912.

Издательство „ОБРАЗОВАНИЕ“, СПб., Николаевская, 9.—Телефонъ № 75-51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКЪ.

НеперIODическое издание, выходящее подъ ред. заслужен. проф. И. И. Боргмана.

Издание сборниковъ «Новыя идеи въ физикѣ» имѣть цѣлью ознакомление русскихъ читателей съ различными, существующими въ настоящее время, воззрѣніями по наиболѣе важнымъ вопросамъ физики. Каждый отдельный сборникъ будетъ посвященъ выясненію одного или двухъ основныхъ вопросовъ и будетъ заключать въ себѣ статьи, наиболѣе доступныя для лицъ, не обладающихъ большими знаніями по математикѣ, въ которыхъ авторы разсматриваютъ эти вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Сборникъ № 1. Строение вещества.—Ж. Перренъ. Броуновское движение и молекулы.—Э. Роттерфордъ. Современное состояніе атомической теоріи въ физикѣ.—И. Боргманъ. Возникновеніе электронной теоріи вещества.—Л. Кельвинъ. Эпиниус атомизированный.—Л. Кельвинъ. З мелкія статьи, относящіяся къ модели радиоактивныхъ атомовъ.—Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Распределеніе корицей въ атомѣ. Второе дополненіе издания. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 2. Энергия и матерія.—П. Ленардъ. Энергия и матерія.—Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и энергией по новѣйшимъ изслѣдованимъ въ области электричества.—М. И. Якобсонъ. Определеніе отношенія массы къ вѣсу въ случаѣ радиоактивного вещества (извлеч. изъ статьи Л. Саутернса).—Н. Кемпбеллъ. Энергия.—М. Планкъ. Положеніе новѣйшей физики по отношенію къ механическому міровоззрѣнію. Ц. 80 к.

Сборникъ № 3. Принципъ относительности.—В. Бургансъ. Опытные изслѣдования по вопросу о взаимнѣ движеніи вещества на эфирѣ.—І. Классенъ. Принципъ относительности въ современной физикѣ.—А. Эйтштейнъ. Принципъ относительности и его слѣдствіе въ современной физикѣ.—Дж. Льюисъ и Рич. Тольманъ. Принципъ относительности и не-иентонная механика. Ф. Франкъ. Принципъ относительности и изображеніе физическихъ явлений въ четырехмерномъ пространствѣ. Ц. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книги признаны подлежащими внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученническихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сборникъ № 4. Дѣйствія свѣта.—† П. И. Лебедевъ. О давленіи свѣта.—П. И. Лазаревъ. О связи оптическихъ свойствъ вещества и фотохимического эффекта.—Б. С. Шевцовъ. Флюресценція и фосфоресценція.—А. Ф. Гоффе. Фотоэлектрическія явленія. (Печатается).

Сборникъ № 5. Природа свѣта.—П. С. Эренфестъ. Групповая скорость свѣта.—Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлого свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперсія свѣта.—А. Эйтштейнъ. О развитіи нашихъ воззрѣй на сущность и строеніе лученспускания.—Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Теорія структуры электрическаго поля и ея приложеніе къ Рентгеновскимъ лучамъ и свѣту. Цѣна 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМИИ.

НеперIODическое издание, выходящее подъ ред. профессора Л. А. Чугаева.

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы.—В. А. Яковлевъ. Вантъ-Гоффъ.—Л. А. Чугаевъ. Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохиміи.—Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи.—В. А. Кистяковскій. Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа.—А. А. Байковъ. Принципъ подвижного равновѣсія.—С. Аррениусъ. Свободная энергія.—Л. А. Чугаевъ. Структурно-стереохимические представления въ области неорганической химіи. Цѣна 80 к.

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные приложenіямъ термодинамики къ химії, радиоактивныхъ веществъ, валентности и химическаго строенія и химії высокихъ химическихъ температуръ.

168 535

НОВЫЯ ИДЕИ Х ВЪ ПЕДАГОГИКЪ

НеперIODическое издание, выходящее подъ редакціей

Г. Г. Зоргенфрея.

СБОРНИКЪ № 1.

САМОУПРАВЛЕНИЕ ВЪ ШКОЛАХЪ.

Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНИЕ“, СПб.

1912.

999/3

Предисловие.

Задача нашихъ сборниковъ — знакомить широкие слои русского интеллигентнаго общества съ новыми проблемами въ педагогикѣ. Материаломъ явятся переводные, компилятивныя и оригинальныя статьи, въ которыхъ не будетъ навязываться читателю одинъ определенный взглядъ, а, по возможности, будетъ освещаться вопросъ съ разныхъ точекъ зренія. При выборѣ материала, конечно, приходится считаться и съ тѣмъ, что уже имѣется на русскомъ языкѣ.

Г. Зоренфрей.

15 Апрѣля, 1912.

СПб.

Оглавление.

Самоуправлениe въ школахъ.

стр.

I. Требование воспитательной школы.	
1. Зачѣмъ намъ воспитательная школа?	1
2. Взаимное довѣріе, какъ основа воспитанія	3
3. Задача школьнаго воспитанія	11
II. Средства и пути.	
1. Самоопредѣленіе и самодѣятельность въ предѣлахъ преподаванія	17
2. Школьная жизнь, какъ исходный пунктъ для образования характера	26
3. Духъ класса	36
4. Американскій школьній городъ	39
5. Какъ надо смотрѣть на школьній городъ и чому мы можемъ научиться отъ него?	45
III. Мои собственные опыты надъ самоуправлениемъ.	
1. Упражненія въ самообладаніи, какъ предварительная ступень	53
2. Проведеніе системы	59
3. Значеніе для воспитанія гражданскаго	72
4. Возраженія и условія	80
IV. Самоуправлениe въ средней школѣ.	
1. Докладъ Штейнеке	91
2. Докладъ Зибурга	127
3. Къ вопросу о самоуправлениi въ сред. школѣ	159

I.

Предисловіе.

По предложению начальства Цюрихского Школьного Совета я разработалъ рефератъ о „самоуправлениі учениковъ“, который въ отпечатанномъ видѣ былъ разосланъ всѣмъ подписчикамъ „Листка учебнаго вѣдомства“ (учителямъ и учебному начальству), а въ засѣданіи Цюрихскаго Совета 26 сентября 1911 года послужилъ предметомъ преній.

Многія свѣдущія лица предлагали мнѣ сдѣлать эти очерки доступными для болѣе широкаго круга читателей. Я рѣшился послѣдовать этому приглашенію, тѣмъ болѣе, что трудъ мой встрѣтилъ неожиданное сочувствіе среди цюрихскихъ учителей. По желанію издателя я значительно расширилъ рефератъ; само собою разумѣется, что это вызвало нѣкоторую переработку его.

Къ идеѣ самоуправлениія (*selfgovernment*) въ общемъ все еще относятся съ недовѣріемъ. Ужъ не имѧ ли, подъ которымъ мы хотѣли бы его провести, даетъ по-водѣ къ предубѣжденію? Въ самомъ дѣлѣ со стороны легко можетъ показаться, что дѣло идетъ о томъ, чтобы устранить учителей, а поддержаніе порядка предоставить исключительно на усмотрѣніе и ответственность учениковъ. Но, конечно, это не такъ; о самоуправлениі въ собственномъ смыслѣ слова тутъ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому выраженіе *самоуправление*, которое можетъ указывать только на школьную дисциплину, по-

коящуюся на одномъ только демократическомъ основании, выбрано до иѣкоторой степени неудачно; но такъ какъ въ специальной литературѣ это выраженіе вошло уже въ общее употребленіе, то и намъ здѣсь приходится примѣнять его.

Пусть эта работа послужить къ тому, чтобы исправить ошибочныя мнѣнія и завербовать новыхъ друзей идеи самоуправлениія, которое я узналъ и привыкъ цѣнить, какъ превосходное средство для развитія чувства солидарности и для проложенія путей къ самовоспитанію.

Помѣщенные въ текстѣ примѣры изъ практики имѣютъ второстепенное значеніе; они служать только къ тому, чтобы лучше освѣтить главное—трактуемый здѣсь принципъ. И все-таки, несмотря на то, что какъ разъ эти примѣры могли бы вызвать справедливую критику, я не могъ отъ нихъ отказаться. Мы охотно и плодотворно задумываемся надъ тѣмъ, что предъ нами въ конкретномъ видѣ; а общія теоріи, которыхъ къ тому же каждый обыкновенно понимаетъ по своему, оставляютъ насъ равнодушными.

Юл. Геппъ.

Цюрихъ, октябрь 1910.

Юганий Геппъ.

I. Требование воспитательной школы.

1. Зачѣмъ намъ воспитательная школа?

Мы стоимъ посреди преобразовательного движения, посреди борьбы, имѣющей цѣлью дать нашей школѣ болѣе рациональную организацію, болѣе современное и подходящее къ дѣтской природѣ содержаніе. Прежде всего требуются чисто виѣннія преобразованія (учебный планъ, расписаніе уроковъ, уменьшеніе состава классовъ). Если бы только недостатокъ денегъ не составлялъ такого сильнаго тормаза! Но школа нуждается еще и во внутреннемъ преобразованіи и развитіи, и это рѣшительно важнѣе.

Уже болѣе поколѣнія сошло въ могилу съ тѣхъ поръ, какъ введено всеобщее обученіе, а народная школа получила ту организацію, которую она въ общихъ чертахъ сохраняетъ еще и теперь. До того времени молодежь росла почти исключительно возлѣ родителей. Средоточиемъ человѣческой дѣятельности были: въ городѣ ремесленныя мастерскія, а въ деревнѣ—тихіе крестьянскіе дома. Тамъ можно было рядомъ съ школой занять дѣтей самымъ разнообразнымъ интереснымъ и здоровымъ трудомъ. За работой самымъ естественнымъ образомъ передавались отъ родителей дѣтямъ знанія, наблюденія, привычки и взгляды на жизнь, въ чемъ и заключалась вся суть воспитанія.

Сельская община тоже была могучимъ и цѣннымъ

факторомъ воспитанія. Въ чисто крестьянскихъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не скучено въ слишкомъ большія группы, она и теперь еще имѣть значеніе. Старь и младь отлично тамъ знаютъ другъ друга; и семейная хроника каждого болѣе или менѣе известна. Общественное мнѣніе деревни зорко слѣдитъ за всѣмъ, часто предохраняетъ отъ нравственного паденія и не терпитъ „паршивой овцы“.

Въ наше время проблема воспитанія уже не такъ проста. Большинство городовъ и много деревень стали промышленными центрами. Отъ такой перемѣны прежде всего потеряла свое воспитательное значеніе семья. Отецъ работаетъ здѣсь, мать—тамъ. Изъ 44 мальчиковъ послѣдняго моего класса только 14 были такъ счастливы, что у нихъ мать не уходила на заработки и могла посвятить все свое время и силы своимъ дѣтямъ; у 7 только были отцы, которые зарабатывали свой хлѣбъ въ семье (большей частью беря работу на дому). Нужно-ли послѣ этого удивляться, что у большинства дѣти проводятъ свободное время на улицѣ, безъ всякаго присмотра и портятся? Кто можетъ подавить вліяніе магазинныхъ оконъ, грязной литературы, сенсаціонной прессы, автоматическихъ буфетовъ, кафешантаныхъ театровъ и дурного товарищества, а съ момента профессиональной работы и трактиръ?

Измѣнившіяся со временемъ отношенія сказываются также и на школѣ. Дисциплинарныя и воспитательныя задачи народной школы стали теперь, какъ это свидѣтельствуютъ всѣ старѣшіе учителя, куда шире и труднѣе, особенно въ промышленныхъ мѣстностяхъ. Многое, что было первѣйшей задачей родителей, какъ напр., пріученіе къ порядку, вѣрность въ мелочахъ, приличие, услужливость, точность, правдивость,—все это большинству дѣтей прививается только въ школьнное время съ большимъ терпѣніемъ и затратой силъ и времени. По-

этому, если будущее создастъ болѣе естественный и здоровый соціальный строй, то никто не будетъ такъ радъ этому, какъ учителя.

А покуда намъ приходится считаться съ дѣйствительностью, которая вынуждаетъ насъ для воспитанія дѣтей сдѣлать больше, чѣмъ до сихъ поръ. Общество и государство, повидимому, считаютъ это вполнѣ естественнымъ, и къ прежнимъ воспитательнымъ задачамъ школы постоянно прибавляютъ новые. То вмѣняютъ учителямъ въ обязанность внушать молодежи осторожность по отношению къ трамваю, проводамъ высокаго напряженія или инымъ путямъ сообщенія; то учителя обязаны содѣйствовать борьбѣ противъ туберкулеза, алкоголя или порчи зубовъ; то школа раскрывай двери ручному труду, задачамъ охраны родины, а то даже изволъ рѣшать половій вопросъ!

Мы можемъ относиться къ этимъ требованіямъ, какъ намъ угодно, и школа можетъ быть и не быть въ состояніи оправдать возлагаемыя тутъ на нее надежды,—независимо отъ всего этого ясно одно: чѣмъ менѣе является зрѣлой по отношению къ своимъ воспитательнымъ обязанностямъ семья, тѣмъ болѣе такихъ обязанностей падаетъ на школу, тѣмъ добросовѣстнѣе должны взяться за воспитаніе характера мы, учителя! Пусть намъ не все дано совершить, мы все-таки попытаемся сдѣлать то, что возможно въ рамкахъ нашей работы.

2. Взаимное довѣріе, какъ основа воспитанія.

Кто хочетъ воспитывать, тотъ непоколебимо долженъ быть убѣжденъ въ возможности успешнаго воспитанія. Призваніе педагога только тогда можетъ удовлетворять насъ, когда мы одушевлены твердой увѣренностью, что наша работа будетъ плодотворна, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Эта увѣренность тѣмъ больше говоритъ

за себя, что и великие умы человечества,—Платонъ, Кантъ и другіе,—трудились надъ облагороженіемъ человеческаго рода, одушевленные той же увѣренностью.

Затѣмъ надо, чтобы воспитатель и воспитанникъ понимали другъ друга. Въ этомъ отношеніи многое въ нашихъ школахъ еще требуетъ улучшения. Развѣ не стоитъ призадуматься надъ тѣмъ, какъ мало работаютъ ученики по собственному влечению или убѣжденію, какъ много въ ихъ трудахъ вынужденаго, вымученного? Развѣ не часто прибѣгаютъ дѣти къ хитрости и лжи изъ страха передъ учителемъ? Станутъ они готовить уроки, если ихъ не наказывать за лѣнность? Станутъ они дѣлать гимнастическія упражненія безъ понужденія? Станутъ они писать чисто, если изъ-за этого не сбавлять имъ отмѣтку? Но какъ же тогда учителю пріобрѣсти самое интимное и глубокое вліяніе на ученика, коль скоро взаимныя отношенія у нихъ далеко не дружественны? Вѣдь только толькъ вліяетъ на молодежь, кто пользуется ея довѣріемъ и самъ ей платить тѣмъ же. Въ родительскомъ домѣ—мы разумѣемъ нормальныя отношенія—взаимное довѣріе является чѣмъ-то само собой понятнымъ: вѣдь ребенокъ врастаетъ въ семью безсознательно и безотчетно. Въ школѣ совсѣмъ иначе. Въ школьнѣмъ возрастѣ дѣти уже обладаютъ извѣстной способностью сужденія, и не безъ нѣкотораго раздумья вступаютъ они въ активное или пассивное общеніе съ своими новыми воспитателями. Довѣріе дѣтей во все не достается намъ, учителямъ, само [собою]: мы должны его завоевывать.

Многимъ учителямъ приходится попадать въ положеніе Гельмгольца. Говорять, что послѣдній при своихъ акустическихъ изслѣдованіяхъ выработалъ такое умѣніе различать обертоны, которые своимъ числомъ, высотой и силой обусловливаются у различныхъ инструментовъ особымъ тембръ основного звука, выработалъ такое совершенство слуха, что онъ болѣе не могъ посѣщать концерты:

путаница и нагроможденіе этихъ звуковъ портили всякое наслажденіе для его черезчуръ чувствительного уха. Такъ и намъ, педагогамъ, надо остерегаться, чтобы вѣчно не слышать только мѣшающихъ обертоновъ, и не позволять имъ покрывать хороший основной тонъ.

Бываютъ учителя, которые никогда не могутъ простить ребенку, если онъ въ чемъ-нибудь провинился. Постоянно они встречаются его съ недовѣріемъ; за всякой дѣтской рѣзвостью чудится имъ злое; всякий невинный смѣхъ возбуждаетъ ихъ подозрѣнія; быть можетъ, они даже записываютъ въ книжку проступки своихъ воспитанниковъ. Но въ правѣ ли мы всегда предполагать только дурная намѣренія у нехорошихъ дѣтей? Знаемъ ли мы, что мы заглушаемъ въ нихъ чувство чести, безпрестанно ставя имъ на видъ ихъ дурное поведеніе? Не исказляемъ ли мы дѣйствительность, когда бранимъ нашихъ учениковъ, всѣхъ безъ разбора—шайкою?

Кто такъ поступаетъ, тотъ злоупотребляетъ силою по отношенію къ слабому. У ребенка нѣтъ никакого адвоката, который могъ бы защитить его право. Ему остается только съ проклятиемъ швырнуть въ уголъ ранецъ и книги, когда къ этому представится возможность. Въ подходящую минуту можно, конечно, властнымъ словомъ предупредить безпорядокъ или грубость; но отъ постояннаго порицанія и ворчанія, отъ безпрерывнаго присмотра и опеканія ни одинъ человѣкъ не станетъ лучше¹⁾, наоборотъ, скорѣй даже остановится въ развитіи самыхъ цѣнныхъ способностей.

Мнѣ помнится, какъ въ одномъ курсѣ объ уходѣ за молодежью (Цюрихъ 1908) лекторъ при общемъ одобрѣніи провозгласилъ: „Шалуны—славные ребята; они разбьютъ со сбѣду стекло, но они же спасутъ упавшее въ воду дитя!“ Если онъ этимъ хотѣлъ сказать, что иногда

¹⁾ Cp. Schweiz. Lehrerzeitung 1908, стр. 255 и слѣд.

въ самыхъ необузданныхъ, самыхъ предпріимчивыхъ натурахъ много остается неиспользованной силы, которую только надо было направить въ хорошую сторону,—то въ этомъ онъ безусловно правъ. Такие ученики рѣдко выходятъ изъ школы съ хорошими аттестатами. Пожалуй даже мы оттого бываемъ часто недоволены ими, что сами мы не настолько выше ихъ, чтобы они охотно подчинялись нашему влиянию. Элленъ Кей, вѣроятно, не совсѣмъ неправа, когда говоритъ: „Самый тихій, самый послушный ребенокъ—въ школѣ самый лучшій ученикъ, а самыя безличныя и безцѣнныя дѣти всегда ставятся въ примѣръ; такъ уже въ школѣ искажаются понятія цѣнности“. „Если относиться къ людямъ такъ, какъ они есть, это значитъ дѣлать ихъ хуже; если же обращаться съ ними какъ будто они то, чѣмъ должны быть, это значитъ вести ихъ туда, куда слѣдуетъ“ (Гете). Такъ и къ малодоступнымъ натурамъ будетъ относиться съ доброжелательностью, любовью, а вовсе не съ равнодушіемъ или явнымъ порицаніемъ и холоднотою. Кто не увѣренъ въ нашей любви и участіи, тотъ пропустить наши совѣты мимо ушей.

Уже Лютеръ говорилъ, что надо такъ наказывать, чтобы возлѣ розги было яблоко. Конечно, даже наказаніе должно быть актомъ любви. Послѣ очищающей грозы должно засиять солнце; только тогда все случившееся принесетъ пользу. Ни одинъ ученикъ не долженъ терять увѣренности, что воспитатель смотритъ дальше минутного прискорбнаго заблужденія и, несмотря на все, надѣется еще на что-то въ немъ такое, что способно къ развитію и достойноуваженія.

Вотъ, напримѣръ, блѣдный, выросшій въ неблагопріятной обстановкѣ школьникъ. Духомъ и тѣломъ онъ очень слабъ, единствено въ чистописаніи оказывается онъ замѣтные успѣхи. Я такъ и отмѣчаю это въ свидѣтельствѣ для отмѣтокъ. Что же тогда дѣлаетъ малышъ? Онъ

пристаетъ ко мнѣ съ просьбой: „Дайте мнѣ бумаги и задайте мнѣ что-нибудь по чистописанію; мнѣ хотѣлось бы выучиться красиво писать“. Мнѣ, конечно, не важно, чтобы онъ еще красивѣе сталъ писать. Гораздо важнѣе, что онъ дарить меня довѣріемъ и надѣется на мою справедливость. Къ этой успѣшной работе мнѣ остается только приложить рычагъ. Какъ только мы станемъ считать ребенка способнымъ къ хорошему, онъ тѣтчасъ будетъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ, стараться заслужить наше довѣріе.

Это довѣріе, конечно, ни въ коемъ случаѣ не должно быть слѣпымъ, безразличнымъ и не должно также вырождаться въ исканіе популярности или фамильярность. Ребенокъ долженъ знать, что учитель зорко смотритъ за нимъ, и настолько зорко, что готовъ даже признать простыя усиія стремиться къ добру. Вѣдь нась, взрослыхъ ничто такъ не поощряетъ, какъ довѣріе. Тѣмъ сильнѣе огорчаетъ и парализуетъ ученика непризнаніе его добрыхъ намѣреній.

Наша профессія требуетъ, чтобы мы жили для дѣтей, какъ это дѣлалъ Песталоцци. Молодежь должна видѣть въ нась не только наставниковъ и учителей, но также друзей и просто людей. Мы не смѣемъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока въ каждомъ ребенкѣ, даже самомъ распущенномъ, не найдемъ такое мѣстечко, где бы могло найти откликъ доброе, ласковое слово. Любовь, она и въ учителя должна быть движущей силой!

Какъ разъ у городского учителя, особенно у начинаящаго, проскальзываетъ иногда такое чувство, будто онъ долженъ исполнять преимущественно полицейскія обязанности, повелѣвать, предупреждать, ограждать, охранять, употреблять рѣзкія слова, окрикивать, фильтровать, устраниить, пресѣкать, подавлять, искоренять, гнать и понуждать. Просто бѣжать хочется. А вѣдь мы желали бы вести къ добру, утѣшать, ободрять, признавать, сѣять,

поливать, прививать, поощрять, строить, облагораживать, образовывать, развивать.

Конечно, мало такихъ учителей, которымъ удается заставить всѣхъ учениковъ видѣть въ своемъ учителѣ друга, желающаго имъ только добра. Возьмемъ, пожалуй, порядочнаго мальчика. Его поведеніе не оставляетъ желать лучшаго, не удается только установить взаимнаго расположения, настоящаго довѣрія другъ къ другу. Я увѣренъ, что при должномъ поощреніи—или и безъ этого—изъ него выйдетъ славный малый. И вотъ я чувствую, что принесу только вредъ, когда вздумаю чрезмѣрныи усердіемъ, навязанной помощью, а то и наказаніями достичнуть того, чего такъ не добился. Если въ такихъ случаяхъ доброта не помогаетъ, то простымъ принужденіемъ выигрываешь еще меньше. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ наша настойчивость можетъ даже повести къ тому, что воспитанникъ совсѣмъ перестанетъ задумываться надъ самимъ собой и изъ-за нашей некорректности перестаетъ замѣчать собственныхъ ошибки.

Недавно одинъ товарищъ сообщилъ мнѣ такое наблюденіе. Дѣвочка, въ которой онъ уже отчаялся, перемѣнила мѣсто жительства. Черезъ нѣкоторое время онъ узналъ, что съ перемѣнной обстановки его прежняя воспитанница измѣнилась къ лучшему. Новому учителю удалось найти ключъ, которымъ онъ открылъ дремавшія до той поры силы. Также и наоборотъ, каждому учителю, конечно, приходилось дѣлать отрадныи наблюденія надъ учениками, которые поступали къ нему въ классъ съ дурною репутацией. Еслибъ не другія послѣдствія, я бы предложилъ въ такихъ случаяхъ, когда учителъ и ученикъ не могутъ установить взаимнаго пониманія, переводить послѣднаго въ другой классъ.

И наша природа ставитъ намъ известныи граници. Мы не можемъ выбирать симпатичныхъ для нась учениковъ; въ классъ попадаютъ самыи разнообразныи натуры,

и поэтому мы не можемъ быть все для всѣхъ. Отсюда и выходитъ, что даже и у справедливыхъ людей бываютъ совершенно различные отзывы объ одномъ и томъ же учителѣ.

Если-бы только и большой составъ классовъ не мѣшалъ намъ устанавливать болѣе естественныи отношенія къ ученикамъ и воспитывать всякаго сообразно съ его индивидуальностью! Мы, конечно, знаемъ, что твердое дерево требуетъ иного обращенія, нежели мягкое; бываютъ растенія, которыя пробуждаются отъ первого яснаго весеннаго дня, тогда какъ для расцвѣта другихъ нужна вся сила польскаго солнца; что бываютъ дѣти—тепличныи растенія, которыя гибнутъ отъ холоднаго вѣтра, и сильныи натуры, которыя только и крѣпнутъ подъ открытымъ небомъ въ вѣтеръ и непогоду. Мнѣ лично кажется однако весьма затруднительнымъ допускать въ отдѣльныхъ случаяхъ особы отношенія и притомъ избѣжать упрека въ пристрастіи. Тутъ нужно такое искусство, что и за всю жизнь не научишься. Наше школьнное воспитаніе—массовое воспитаніе; поэтому ради послѣдовательности мы часто не можемъ отдѣляться отъ той шаблонной справедливости, которая мѣритъ на одинъ аршинъ различныи вещи.

При всемъ томъ одинъ изъ высшихъ принциповъ долженъ у насъ гласить: соблюдай строжайшую справедливость! Иначе мы никогда не добьемся, чтобы ученики питали къ намъ полное довѣріе. Именно мальчики ни въ чемъ такъ не чувствительны, какъ въ вопросахъ права и справедливости. Вотъ примѣръ изъ практики.

Мои пятиклассники получили отмѣтки за первую четверть. Вполнѣ точной оцѣнки учениковъ не могло еще быть, такъ какъ я знакомъ былъ съ своими мальчуганами всего только четверть года. На слѣдующее утро я хотѣлъ начать урокъ, и вдругъ вижу, что Т. Д. горько плачетъ. Миѣ тотчасъ стало ясно, что онъ увѣренъ, что къ нему были несправедливы. На мой вопросъ онъ от-

вѣчаетъ: „У моего сосѣда по геометріи $3\frac{1}{2}$, а у меня только тройка, между тѣмъ я заслуживаю лучшей отмѣтки, чѣмъ онъ“. Я никакъ не могъ припомнить, чѣмъ онъ лучше сосѣда. Съ другой стороны я сказалъ себѣ: въ общемъ это слабый ученикъ; однако нѣтъ ничего невозможного въ томъ, чтобы я подъ впечатлѣніемъ посредственныхъ успѣховъ его по другимъ предметамъ, именно языкамъ, немножко низко оцѣнилъ его по геометріи. Я успокоилъ его, замѣтивъ ему, что если бы онъ выказалъ значительное преимущество передъ сосѣдомъ, то я и самъ бы замѣтилъ это. „Не теряй мужества! За признаніемъ дѣло не станетъ, если ты будешь настойчивъ!“ Въ теченіе года обнаружилось, что былъ правъ онъ, а не я. Когда мы задолго передъ экзаменомъ занимались повтореніемъ, я задалъ двумъ ученикамъ решить на классной доскѣ такую задачу: построить треугольникъ, у которого сторона — 60 сантиметровъ, а прилежащіе углы — 40 и 70 градусовъ. При этомъ я спросилъ остальныхъ учениковъ: какой это будетъ треугольникъ? Д. одинъ сумѣлъ мнѣ сразу отвѣтить и доказать, что получится равнобедренный остроугольный треугольникъ. Хорошая отмѣтка за вторую четверть побудила его весь годъ лѣзть изъ кожи. Мое довѣріе усилило его уверенность въ своихъ силахъ. И онъ не забылъ отблагодарить меня: это было видно въ томъ усердіи, съ какимъ онъ стремился оказать примѣрные успѣхи по другимъ предметамъ. Очевидно, уже въ первую четверть учебнаго года онъ чувствовалъ, что можетъ кое-чѣмъ выдвинуться по геометріи. Отклони я его жалобу, какъ неосновательную, быть-можетъ, его способности и теперь лежали бы втунѣ.

О чѣмъ люди рассказываютъ, когда зайдетъ разговоръ объ ихъ школьнай жизни? О невинныхъ и иныхъ шалостиахъ, а часто и о мнимыхъ обидахъ и несправедливостяхъ. Чѣмъ непогрѣшимѣе и неприступнѣе мы будемъ

держать себя, тѣмъ больше шансовъ, что наскѣ ждеть такая критика. Ученикъ тоже долженъ имѣть свое мнѣніе и возможность его высказывать, даже если оно и противоположного характера; только оно у него должно быть обоснованнымъ. Неуступчивость же — слабое средство для поддержанія авторитета. И учитель можетъ ошибаться. Поэтому намъ нужно учиться свободно признаваться въ допущенной несправедливости. Одна единственная несправедливость, которой, учитель, можетъ-быть, и вовсе не сознавалъ, можетъ повести къ тому, что кто-нибудь много лѣтъ будетъ съ ненавистью вспоминать о своемъ давнишнемъ воспитателѣ. Откровенное объясненіе можетъ творить чудеса. Тутъ научаются взаимному пониманію, учитель знакомится съ дѣтскими, незрѣлыми взглядами учениковъ, а они — съ болѣе высокой точкой зрѣнія взрослаго. Если при этомъ и выйдетъ иногда какая-нибудь неловкость, зато никогда не пропадетъ основное настроеніе взаимнаго довѣрія.

Какъ много вообще пользы можетъ принести довѣріе къ хорошимъ сторонамъ въ ребенкѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Линдсей, дѣтскій судья въ Денверѣ, С.-А. С. III. Каждый воспитатель съ большой пользой прочтетъ его книжечку „Задача дѣтскаго суда“¹⁾. Подобно Линдсейю всѣ учителя должны бы имѣть нѣчто, что заставляетъ ученика обнаруживать лучшую сторону своей души. Подобно ему вездѣ надо бы отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ строить на почвѣ взаимной любви. Гдѣ это такъ, тамъ послушаніе, тамъ и довѣріе.

3. Задача школьнаго воспитанія.

Педагогика не знаетъ болѣе высокой и достойной стремленія цѣли, какъ вести молодыхъ людей къ сво-

¹⁾ „Die Aufgabe des Jugendgerichtes“, немецк. переводъ д-ра А. Пауль, изд. Э. Зальцеръ, въ Гейльброннѣ.

бодѣ, развивать въ нихъ личность. Правда, школьное воспитаніе подчинено прежде всего цѣлямъ регламентированного преподаванія; но оно должно быть такъ устроено, чтобы изъ него возникало самовоспитаніе. Вся наша педагогическая работа должна быть одушевлена стремлениемъ дать воспитаннику возможность найти самого себя, „выбирая добро и отвергая зло“ (Рейнъ). Но какъ добиться добровольного подчиненія? Какъ это устроить, чтобы воспитанникъ уразумѣлъ необходимость самовоспитанія? Какъ создать влеченіе къ истинѣ, къ внутреннему совершенствованію? Все это вопросы, на которые такъ трудно отвѣтить, что они будутъ волновать умы до тѣхъ порь, пока вообще будуть говорить о воспитаніи. Тѣмъ не менѣе каждый воспитатель долженъ задумываться надъ этими конечными цѣлями своей работы, такъ какъ собственный опытъ показываетъ, что изъ насъ можетъ создать истиннаго человѣка только та работа, которую мы сами выполняемъ надъ нашимъ „я“, а не извѣдущее воспитаніе.

Воспитаніе къ свободѣ, т. е. къ установленію самому себѣ законовъ, никогда еще не было такъ необходимо, какъ теперь. Чтобы итти прямой дорогой, на это теперь, надо безусловно куда больше силы воли, чѣмъ прежде. Въ господствѣ надъ природой мы ушли замѣчательно далеко; наука и техника создаютъ намъ неслыханные раньше удобства. Но развѣ увеличились и силы разумнаго самоограниченія? Развѣ необузданная алчность не охватываетъ все болѣе широкіе круги? Новое время, конечно, увеличило нашу виѣшнюю мощь, но оно оказалось не въ силахъ дать намъ внутренней свободы. Мы устранили много учрежденій, для многихъ служившихъ прежде важной опорой, не позаботившись ихъ чѣмъ-либо замѣнить. Церковь и государство лишились большей части своей опекающей силы, исчезли и другія старыя преграды (вспомнимъ, напр., школьнное дѣло).

Посколько это закрыло путь большому произволу, мы радуемся такой перемѣнѣ. Горько однако признаться, что стремленіе современной культуры подвергать сомнѣнію и устранять всякую традицію и авторитетъ внесло въ школьнную молодежь какой-то новый духъ. Напрасно стараніе нынѣ создать изъ ребенка существо тихое и скромное. Молодое поколѣніе хочетъ какъ можно раньше сбросить всякую опеку. Идеи самоопредѣленія проникли до младшихъ ступеней школы. Да и со стороны семьи теперь рѣдко внушаютъ ребенку, что онъ самъ виноватъ въ конфликѣ со школой, что для него же будетъ лучше, если онъ научится сдерживать себя и переносить.

Мы хорошо сдѣлаемъ, если обратимъ вниманіе на эти знаменія времени. Коль скоро въ нашихъ прежнихъ дисциплинарныхъ средствахъ нѣть больше силъ, коль скоро патріархальные формы расшатаны, то значитъ надоковать новое оружіе, лучше отвѣчающее современному духу. Во всякомъ случаѣ нѣть смысла сентиментально обращать взоры назадъ, къ утраченному.

Прежде всего мы должны сознать, что стремленіе къ самостоятельности, особенно у мальчика, является естественной необходимости. Мы не смѣемъ подавлять здоровое по существу своему стремленіе къ свободѣ; наша задача только въ томъ, чтобы направить его на истинный путь. Если мы его вообще не станемъ признавать, то воспитанники почувствуютъ себя непонятными, замкнутся въ себя, и наши добрыя намѣренія потерпятъ крушеніе.

Если мы будемъ руководиться отмѣченнымъ взглядомъ, то не станемъ обращаться въ школѣ съ дѣтьми какъ съ подчиненными, для которыхъ первый долгъ — слѣпое повиновеніе. Скорѣе мы будемъ видѣть въ нихъ молодыхъ людей, которые черезъ двѣнадцать, десять, восемь, а то и менѣе лѣтъ должны стать взрослыми, способными, разсудительными, самостоятельными, любящими

трудъ людьми, и которые нуждаются въ нашей помощи на пути къ этой высокой цѣли.

Къ сожалѣнію, всѣмъ попыткамъ дать мѣсто развитію индивидуальности, здоровому самоопределѣнію и свободѣ движеній мѣшаетъ всегда большое число учениковъ нашихъ классовъ, являющееся почти непреодолимымъ препятствіемъ. Дайте намъ небольшіе классы, и смолкнетъ большая часть требованій реформы!

Но намъ нужно углубляться и въ самихъ себѣ. Намъ, учителямъ, очень полезно отъ времени до времени давать себѣ отчетъ, къ чему собственно ведетъ наша работа, и находятся ли наши школьнія мѣропріятія въ согласіи съ намѣченной цѣлью.

Мы привыкли видѣть, чтобы работа исполнялась только по указкѣ, и трусливо устранимъ учениковъ отъ всякаго самостоятельнаго участія въ поддержаніи порядка; мы не умѣемъ воспитывать молодыхъ людей къ тому, чтобы они сами вырабатывали для себя законы и дисциплину; и поэтому намъ приходится слишкомъ часто прибѣгать къ некрасивому, самовластному принужденію.

Многіе учителя интересуются проблемой воспитанія гораздо менѣе, нежели проблемой преподаванія, ибо имъ очень и очень часто приходится испытывать, что ихъ работу оцѣниваютъ только количествомъ знанія, которое могутъ показать ихъ ученики. И тогда все ихъ вниманіе устремляется къ тому, чтобы не осрамиться на экзаменѣ, и дѣятельность, которую слѣдовало бы посвятить воспитанію, остается въ пренебреженіи.

Такое стремленіе къ желанію показать себя легко приводитъ къ тому, что о достоинствахъ дисциплинарныхъ мѣръ судятъ только по скорости, съ какою они устанавливаютъ внешній покой.

Ради безупречного въ любую минуту показного порядка запрещаютъ всякое свободное движеніе, а послушаніе смѣшиваютъ съ отказомъ отъ собственной воли.

Конечно, въ извѣстномъ возрастѣ умѣство и механическое, авторитетное пріученіе. Воспитаніе свободы возможно только тогда, когда уже рѣшенъ вопросъ о послушаніи. Пока дѣтамъ недостаетъ разсудительности, они слѣпо должны подчиняться волѣ и разуму своихъ воспитателей, даже если бы для проведения такого режима потребовалась неумолимая строгость.

Однако дисциплинарныя мѣры, чрезвычайно пригодныя въ младшихъ классахъ, часто переносятся на высшія ступени школы и даже старшихъ учениковъ водить на помочахъ, точно это какія-то неразумныя, сами ступить не умѣющія, созданія. Въ такихъ случаяхъ принужденіе легко вызываетъ тайное сопротивленіе; и порядокъ держится только, пока на лицо его блюститель, преподаватель. Слѣпое полицейское подчиненіе не можетъ однако имѣть ничего общаго ни съ чѣмъ, возвышающимъ душу и побуждающимъ къ самовоспитанію.

По мѣрѣ того, какъ въ мужающемъ юношѣ растетъ стремленіе освободиться отъ всякаго стѣсненія, мы должны менять тактику нашего вліянія. Мы должны придать нашимъ отношеніямъ такой характеръ, чтобы быть для юноши скорѣе старшимъ другомъ и помощникомъ, готовымъ дать отеческій совѣтъ. Мы должны ему дать понять, что простое „слѣданіе“ (Folgen) нашимъ указаніямъ — этимъ нѣмецкимъ словомъ отлично выражается низшая ступень повиновенія — должно вырасти до самосознанія, самопровѣрки и самонужденія, слѣпое послушаніе должно стать зрячимъ.

По мѣрѣ того, какъ растетъ его вмѣненость, онъ долженъ пріучаться къ личной отвѣтственности. Его поступки все болѣе и болѣе должны отвѣтить его собственной волѣ, должны быть имъ самимъ обдуманы и становиться разумными. Для воспитателя это значитъ: всякий разъ, какъ твой воспитанникъ достигнетъ слѣдующей, болѣе высокой ступени развитія, ты долженъ отка-

заться отъ извѣстной доли своего господства надъ нимъ! Это, пожалуй, очень не понравится тому, кто съ чувствомъ иѣкотораго удовольствія разыгрываетъ роль неограниченаго властителя въ маленькомъ царствѣ школьнаго класса. Однако рѣшающимъ является не то, что намъ нравится, а то, что полезно для вѣренныхъ намъ дѣтей. Сдѣлать воспитанника независимымъ отъ насъ — вотъ наша цѣль. Воспитаніе — это путь къ самостоятельности, путь къ свободѣ. Поддержка, оказываемая воспитателемъ мужающему юношѣ, должна превращаться въ лучшую внутреннюю опору въ немъ самомъ¹⁾.

Чѣмъ старше и разумнѣе становятся воспитанники, тѣмъ болѣе должна быть у нихъ развита самостоятельность. Однако они не только должны дѣлаться независимыми отъ воспитателя; показать имъ, что прежде всего господство надъ самимъ означаетъ истинную свободу, и затѣмъ научить ихъ побѣждать самихъ себя, — вотъ великая задача воспитанія.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другихъ средствъ устранить всѣ тѣ „затрудненія и конфликты“, которые возникаютъ между воспитателемъ и воспитанникомъ, когда послѣдній начинаетъ дѣлаться мужчиной. Д-ръ Месмеръ²⁾ также очень и очень настаиваетъ на томъ, что самостоятельность есть цѣль, которую воспитаніе всегда должно имѣть въ виду. Школьное воспитаніе, по его мнѣнію, имѣть лишь преходящій характеръ; на него всегда надо смотрѣть, какъ на временную подпорку, которая должна упасть.

Какъ разъ самые энергичные и выдающіеся изъ современныхъ педагоговъ готовы пойти навстрѣчу стремленію къ самоопределѣнію и открыть широкій просторъ развитію личности. Итакъ, мы уже можемъ поставить вопросъ, не подлежитъ ли пересмотру наше понятіе объ

¹⁾ Ср. Генрихъ Лотцкій: „Душа твоего ребенка“. Пер. съ нѣм. Е. Максимовичъ. Подъ ред. и съ пред. П. И. Ковалевскаго. 1912 г.

²⁾ Messmer: „Grundzüge einer allgemeinen Pädagogik und moralischen Erziehung“. 3 Bde.

учительскомъ авторитетѣ, а дисциплина — преобразованію въ духѣ болѣе современному, у насъ вѣдь осталось именно „въ области воспитанія, домашняго и школьнаго, отъ старой абсолютистической системы больше, чѣмъ это можетъ мириться съ духомъ новаго времени“¹⁾.

II. Средства и пути.

1. Самоопределѣніе и самодѣятельность въ предѣлахъ преподаванія.

„Еще больше обращайте вниманія на стремленіе дѣтей къ дѣятельности!“ — взываютъ къ намъ. Это требование не ново, однако никогда не трудились надъ его осуществленіемъ такъ энергично, какъ въ наше время. Особенно въ преподавательской практикѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, сознаютъ, что на ребенка надо смотрѣть какъ на дѣятельное, активное существо, и что въ силу этого учитель ничего не долженъ дѣлать за учениковъ тамъ, гдѣ они сами могутъ что-нибудь выполнить.

Поэтому мы приносимъ радость дѣтямъ, когда предоставляемъ имъ елико возможно большее самостоятельности. „Всякое ученіе гроша не стоитъ, если теряется бодрость и радость“ (Песталоцци). А гдѣ ученикамъ нѣтъ случая примѣнять на дѣлѣ собственную волю, гдѣ никогда не считаются съ ихъ желаніями и гдѣ слишкомъ часто урѣзываютъ ихъ право самоопределѣнія, тамъ исчезаетъ радостное настроение, да и правдивость и настоящая свобода не могутъ проявляться.

Какъ часто и къ намъ примѣнимо²⁾: „Школа не желаетъ никакой свободы. Ей нужно, чтобы ребенокъ только то говорилъ, только то писалъ, только то дѣлалъ

¹⁾ Paulsen: „Moderne Erziehung und geschlechtliche Sittlichkeit“. Seite 20.

²⁾ Scharrelmann: „Goldene Heimat“. Seite 12.

и только то воспринималъ, что въ силу своего болѣе глубокаго пониманія считаетъ нужнымъ взрослый, т. е. учитель. Она болѣзнико хощетъ уберечь ребенка отъ всякихъ ошибокъ и заблужденій въ мысляхъ, рѣчи и поступкахъ. Вслѣдствіе этого, она стремится установить контроль и надзоръ за всѣми проявленіями мыслей и чувствъ ребенка; но, окружая дитя постояннымъ принужденіемъ, она развиваетъ въ немъ упрямство, по крайней мѣрѣ, постоянно вызываетъ пассивное сопротивленіе, и такимъ образомъ возникаютъ безчисленные конфликты между учителемъ и ученикомъ и тысячи маленькихъ разногласій, которыя унижаютъ наше преподаваніе¹⁾. Нужно ли послѣ этого удивляться, если молодежь подростаетъ въ ложномъ убѣждѣніи, будто съ школьнымъ воспитаніемъ непремѣнно связаны гнетъ, травля, побои?

Нашъ учебный планъ и наше учебное начальство даютъ безусловно широкій просторъ для созданія свободной, естественной и соотвѣтствующей дѣтской природѣ школы (мои опыты, относящіеся сюда, касаются цюрихской начальной школы).

Это можно пояснить нѣсколькими примѣрами. (Впрочемъ, всякий, кто у себя, въ своей обстановкѣ задумается надъ этою проблемою, замѣтитъ тѣ пункты, гдѣ онъ можетъ улучшить въ указанномъ направлении свой старый способъ преподаванія).

Вотъ, напримѣръ, послѣ урока исторіи подходить ученикъ съ вопросомъ: „А вы намъ этого не прочтете (Присоединеніе Цюриха къ Швейцарскому союзу по книгѣ „Freundliche Stimmen an Kinderherzen“, выпускъ 155-ый)?“ Это прекрасный поводъ использовать самодѣятельность при изученіи фактическаго материала. Я ему предлагаю: „Сдѣлай это самъ! Я дамъ тебѣ время отлично приготовиться къ слѣдующему уроку“.

У меня въ ящикѣ лежитъ цѣлая коллекція открытокъ и картинокъ (изъ разныхъ журналовъ), которая со-

бранны учениками, чтобы оживить реалии.—Надо всячески создавать удобные случаи, чтобы сдѣлать изъ учениковъ сотрудниковъ.

На старшихъ ступеняхъ идея самодѣятельности учениковъ при изученіи реалий можетъ быть проведена гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ начальной школѣ. Въ самомъ дѣлѣ, на урокахъ исторіи развѣ всегда только одинъ учитель долженъ разсказывать? Если у меня есть хорошая книга, дающая характерныя картины изъ исторіи, отчего мнѣ не поручить какому-либо ученику приготовить рефератъ, и затѣмъ поупражнить классъ въ отвѣтахъ на основаніи прослушаннаго реферата ихъ товарища? ¹⁾ Матеріалъ для такихъ упражненій находится во множествѣ дѣтскихъ журналовъ; для географіи хорошо имѣть подъ рукой путешествія и т. п., напримѣръ, А. Баумгартера „Воспоминанія объ Америкѣ“.

Мысль Шрага ²⁾ также легко осуществима и въ семинаріи. Когда меня въ свое время—это было въ концѣ прошлаго столѣтія—въ первомъ классѣ семинаріи нашъ учитель географіи подзадоривалъ приготовить къ слѣдующему уроку рефератъ о моемъ родномъ кантонѣ Шаффгаузенѣ, то мысль, чтобы самъ ученикъ читалъ рефератъ, была такъ нова, что всѣ мои товарищи по классу вмѣстѣ со мной приняли это предложеніе за шутку, и я не сталъ готовиться. Въ какой мѣрѣ можно семинаристовъ дѣлать сотрудниками преподавателя, лучше всего показываетъ въ своихъ книгахъ д-ръ Месмеръ.

Въ обученіи ручному труду (да и въ другихъ предметахъ) можно съ пользой занять учениковъ, предоставивъ имъ самимъ разобрать и оцѣнить исполненія работы.

¹⁾ Въ петербургскихъ гимназіяхъ рефератный способъ изученія какого-нибудь отдѣла или предмета пріобрѣлъ полныя права гражданства. Ред.

²⁾ Dr. Schrag: „Die Schule von Waldheim“, стр. 9.

При этомъ можно направлять ихъ внимание на существенное, исправлять ихъ суждения и подогрѣвать ихъ усердіе.

Въ ариѳметикѣ надо пріучать учениковъ самихъ преодолѣвать трудности. Вотъ, напримѣръ, решаютъ задачи. Подходитъ ученикъ: Господинъ учитель, у меня не выходитъ задача! — „Ничего, выйдетъ—гласить отвѣтъ—пойди на мѣсто и обдумай еще разъ всю задачу!“ Въ рѣдкихъ случаяхъ послѣ этого потребуется еще помошь. Если же придется учителю вмѣшаться, то онъ указываетъ трудности и даетъ наставленіе, какъ ихъ въ слѣдующий разъ одолѣть (общая формула и т. п.). Есть еще и такой выходъ: посылаютъ кого-либо изъ лучшихъ учениковъ къ классной доскѣ и предлагаютъ попробовать записать тамъ трудное решеніе. Если другіе догнали его, то читаютъ задачу по книгѣ и вслухъ обсуждаютъ ее, затѣмъ подвергаютъ разбору решеніе на доскѣ. Предоставленіе учениковъ ихъ собственнымъ силамъ не исключаетъ возможности позволить слабымъ ученикамъ сразу заявлять, какъ только они встрѣтятъ затрудненіе. Только условіе: никоимъ образомъ никогда не стыдить за то, что они просятъ объяснить неясное или непонятное. Только такъ ученикъ пойметъ: „Я учусь не для учителя, а для себя; я самъ виноватъ, если учитель идетъ впередъ, когда я еще не понялъ пройденного“.

Естественное право ученика во всякое время обращаться къ учителю и по всѣмъ прочимъ своимъ дѣламъ. Я не знаю ничего, что въ большей мѣрѣ, чѣмъ это право, могло бы сдѣлать дружескимъ наше отношеніе къ ученику и позволило бы въ большей мѣрѣ приобрѣсти вліяніе на него. Разумѣется, мы должны умѣть различать, откровенно ли дитя посвящаетъ насъ въ свои интересы, и вполнѣ ли его слова соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Безъ разочарованій здѣсь, конечно, никогда не обойдется.

Преподаваніе языковъ страдаетъ, быть-можетъ чаще

всего оттого, что ученикъ слишкомъ пассивенъ, слишкомъ много повторяетъ чужія слова. Его рѣчь должна больше выражать то, что въ нѣмъ происходитъ и его занимаетъ¹⁾. Въ виду этого Толстой въ своей пробной школѣ ввелъ полную свободу рѣчи и неограниченное право обращаться съ вопросами²⁾. Если только очень немногимъ дано подражать такимъ художественнымъ натурамъ, какъ Шаррельманъ, Гансбергъ, Б. Otto, Толстой и др., то намъ можно все-таки учиться у нихъ. Какъ основательны бываютъ, напр., ученические вопросы, въ этомъ каждый можетъ убѣдиться въ любой день. Если послѣ обсужденія статьи „Исторія наперстка“ одинъ изъ умнѣйшихъ мальчиковъ спрашивается: „А глазки у наперстка дѣлаютъ для украшенія?“, то это показываетъ, что взрослому кажется само собой понятнымъ многое такое, что для дѣтей не такъ просто. Поэтому послѣдніе должны имѣть право прерывать преподаваніе на непонятномъ мѣстѣ; они должны привыкнуть тотчасъ же заявлять, если у нихъ возникаетъ противорѣчіе, если слово учителя вызываетъ въ ихъ памяти согласное или противное наблюденіе. Во всякомъ случаѣ ученики только тогда привыкнутъ спрашивать о причинахъ явленій и о цѣли тѣхъ или иныхъ учрежденій, когда мы сами всегда будемъ неутомимо ставить имъ вопросы „зачѣмъ? почему?“.

Насколько дѣтскіе вопросы могутъ оживлять преподаваніе, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ послѣднюю зиму общій интересъ къ кометамъ далъ удобный поводъ заняться статьею о звѣздахъ въ хрестоматіи для 6-го класса. Вотъ какіе тогда между прочимъ возникли вопросы: отчего звѣзды падаютъ на землю? отчего же не падаетъ съ неба радуга? Живутъ ли на звѣздахъ люди?

¹⁾ Ср. Münch: „Zukunftspädagogik“, стр. 152. русс. пер. „Будущая школа“ пер. Кондратьева.

²⁾ Толстой: „Педагогическая сочиненія“.

Откуда знают названия звезды? Почему луна похожа на человеческое лицо? Может ли солнце освещать луну и тогда, когда она прячется за тучи? Откуда знают, что земля вращается? Правда ли, что въ маѣ погибнет земля? Не опасно ли для земли, если она столкнется съ кометой? Откуда знают астрономы, что комета Юганнисбергера— новая звезда? и т. д. Не на всѣ вопросы могъ я отвѣтить; во многомъ я долженъ быть указать ученикамъ на старшіе классы, гдѣ имъ будетъ дано, соотвѣтственно ихъ болѣе зрѣлому уму, лучшее и подробное объясненіе.

Когда эта жажды спрашиванія находитъ настоящую пищу, то легче всего поддерживается охота къ учению, размышленію и изслѣдованию. Поэтому я думаю, что на- сажденіе подобной жажды отвѣтовъ на всякие вопросы составляетъ тоже одну изъ задачъ подготовки къ стар- шимъ классамъ.

Учениковъ легко пріохотить (именно, если препода- ваніе ведется такъ, что побуждается къ этому) къ тому, чтобы они дѣлали сообщенія о своихъ собственныхъ наблю- деніяхъ надъ природой, объ экскурсіяхъ по городу и обращались иногда за объясненіями. Равнымъ образомъ они всегда рады, когда учитель объявляетъ, что къ слѣдующему уроку каждый долженъ имѣть что-нибудь для рассказа. Они охотно сообщаютъ пережитое ими самими, или, особенно зимою, когда на сцену выступаютъ дѣтскія библіотеки, рассказываютъ коротенькия повѣсти (преимущественно сказочки или отрывки изъ болѣе длинныхъ рассказовъ). Всякий готовится серьезно, чтобы его слушали внимательно, потому что критика товарищей строже, чѣмъ критика учителя. Развѣ такимъ путемъ дѣти не учатся родному языку? Развѣ можно придумать лучшее упражне- ніе въ связномъ изложеніи? Развѣ тутъ не приходится дѣтямъ трудиться надъ объединеніемъ важнаго, вычерки- ваніемъ второстепенного, т. е. производить работу мысли? Однимъ словомъ, развѣ я здѣсь не достигаю тѣхъ же,

если не большихъ результатовъ, чѣмъ на обыкновенномъ урокѣ языка?

И что дурного, если дѣти иногда прочтутъ стихо-твореніе, котораго нѣть въ учебнике, которое они вычи-тали сами, или, быть-можетъ, выбрали съ помощью матери?

При обученіи чтенію дѣло не сводится къ одному только усвоенію знаній и упражненію въ грамматикѣ; ребенокъ долженъ также учиться опредѣленно относиться къ содержанію. Какъ много областей открывается ему по-томъ при помощи печати и книгъ! А учился ли онъ когда-нибудь обрабатывать новый материалъ? Но мы и въ этомъ дадимъ ему наилучшую подготовку, если не-престанно будемъ давать ему поводъ высказаться и само-стоятельно и связно пересказать прочитанное.

Если какой-либо ученикъ мастеръ толково и вкратцѣ излагать разныя события изъ своей жизни, то намъ не-чего жалѣть времени на развитіе этой способности. По- добное усердіе и умѣнье въ одной области — навѣрно плодотворно повлияетъ и на всю остальную жизнь въ школѣ. Любить какой-либо ученикъ рисовать: мы его будемъ поощрять, выдавал даромъ бумагу. Онъ радъ будеть трудиться, сверхъ обязательныхъ уроковъ, въ той области, гдѣ ему улыбается роль знатока. Такой славный рисовальщикъ или усердная сочинительца могутъ иной разъ увлечь и товарищѣ къ добровольной работѣ.

Когда такой ученикъ подходитъ къ тебѣ съ сияющимъ лицомъ и показываетъ что-нибудь, родившееся изъ его собственной инициативы, то не скучись признаніемъ! По-думай только, какъ онъ старался и какъ онъ далекъ отъ сознанія несовершенствъ своей работы!

Дай ему пережить радость успѣха, давай ему по- чаще возможность вкусить счастье чувствовать себя „мо- лодцомъ“! Быть можетъ самое лучшее въ его картинѣ — хорошее намѣреніе. Конечно, онъ долженъ знать, что можно нарисовать и еще лучше, чѣмъ онъ, но только

не подавляй его воодушевленія безжалостной критикой знатока, не напускай на себя важнаго вида специалиста. Взгляни, съ какимъ сердечнымъ довѣріемъ смотрить на тебя молодой художникъ! Ему хочется, чтобы на его работу взглянули серьезно, а у тебя она вызываетъ только улыбку? Какъ неловко, какъ безтактично часто мы себя держимъ! За такой макулатурой часто кроется какой-либо задатокъ, въ родѣ незамѣтной почки, въ которой живетъ сила, способная при должномъ уходѣ развить ее въ роскошный цветокъ. И вотъ твоя холодность дѣйствуетъ на подобіе мороза. Мальчуганъ бросаетъ свои опыты, и то, что робко выглядывало на свѣтъ Божій,—умираетъ.

Только—условіе: не надо требовать больше, чѣмъ могутъ дать дѣти, не требовать того, чего у нихъ нѣтъ; ибо

„Не можемъ дѣтей мы по прихоти нашей создать;
Какими ихъ даль Богъ, такими и будемъ любить;
Ихъ надо въ свободѣ лелѣять и въ правдѣ вскормить.
Однимъ—та, другимъ же иная совсѣмъ благодать“.

[Гете].

Намъ дано только развивать готовые задатки. Создавать же новые способности выше нашихъ силъ.

Итакъ, если мы будемъ, съ одной стороны, давать себѣ отчетъ въ природныхъ способностяхъ ребенка, то, съ другой стороны, получимъ полную возможность отъ поры до времени требовать ихъ примѣненія, вплоть до напряженія послѣдней жилочки. Особенно городская молодежь совсѣмъ не знаетъ постоянства; она легко теряетъ изъ виду ранѣе поставленную цѣль; быстрая смѣна гораздо болѣе по вкусу ей. Поэтому мы будемъ пріучать воспитанниковъ къ устойчивымъ стремлѣніямъ; каждый день будемъ ихъ удерживать за серьезнай работой, показемъ имъ, что безъ страданія, безъ самоопредѣленія никто еще не дѣлся настоящимъ мужчиной¹⁾.

¹⁾ Срв.: Паульсенъ: *ibid*, стр. 89 и слѣд.

Тѣхъ, кто поспособнѣе, будемъ вдохновлять сдѣлать что-либо помимо обязательной работы; будемъ вызывать въ нихъ увѣренность, что они многое могутъ сдѣлать, что имъ не слѣдуетъ избѣгать трудностей; ибо „если слабому гранитная скала—непреодолимое препятствіе на его пути, то сильному это только ступень, которая поднимаетъ его еще выше“. (Льюисъ).

Но мы не имѣемъ права навязывать всѣмъ одинъ шаблонъ. Какъ противно было бы такое однообразіе! Мы обязаны до извѣстной степени считаться съ различіемъ дарованій и давать нѣкоторый просторъ для оригинальности, индивидуальности. Наша школа слишкомъ однообразна; она слишкомъ часто апеллируетъ къ подражательной наклонности; между тѣмъ лица съ творческими задатками имѣютъ не менѣе права на вниманіе, чѣмъ надѣленныя репродуктивными способностями.

Пусть, держась такого взгляда, мы и придемъ иной разъ къ чему-либо, не предусмотрѣнному въ учебныхъ планахъ: это ничего не значитъ. Дѣло въ томъ, что нужно „будить и укрѣплять сознаніе учениковъ, будить ихъ жажду знанія и знакомить ихъ съ умственными рычагами и примѣненіемъ ихъ въ какой-либо области человѣческой дѣятельности. Гдѣ и надѣть какимъ матеріаломъ совершаются такая работа, это безразлично для успѣховъ воспитанія“¹⁾). Конечно, не слѣдуетъ эти слова понимать буквально, до крайности; однако въ нихъ много правды. Не „что“ и „много ли“, но какъ училъ ученикъ является рѣшающимъ моментомъ въ послѣдующей жизни.

Итакъ, пойдемте ежедневно въ школу съ намѣреніемъ принести съ собой какъ можно больше счастья и радости, а не быть рабами учебнаго плана. Будемъ стараться, чтобы ученики и потомъ вспоминали школу, какъ счастливую пору своей жизни. Недавно въ „Швей-

¹⁾ Gurlitt: „Die Schule“, стр. 36.

царскомъ листкѣ обь охранѣ здоровья и защитѣ дѣтей" стояла замѣтка, какъ изъ всѣхъ студентовъ въ Берлинѣ, коимъ была предложена анкета, лишь двое швейцарцевъ засвидѣтельствовали, что съ удовольствіемъ вспоминаютъ свое школьнное время. Это грустный знакъ для школы. Зато два швейцарца меня радуютъ.

2. Школьная жизнь, какъ исходный пунктъ для образованія характера.

Воспитываютъ не долгія разслѣдованія, не строгія нотаціи и выговоры, не внушительныя предостереженія и не та манера запугиванія, которой хотѣлось бы заранѣе сдѣлать невозможными всякие проступки. Песталоцци указываетъ намъ иной путь. Въ одной главѣ его книги „Лингардъ и Гертрудъ“ прекрасно описано, какъ Гертрудъ въ субботу вечеромъ собираетъ вокругъ себя своихъ дѣтей, чтобы дать имъ поводъ вникнуть сердцемъ во всѣ ихъ важныя и поучительныя ошибки и проступки, случившіеся за недѣлю, и отсюда направить ихъ къ Богу и его заповѣдямъ. Только такое естественное, свободное и непринужденное отношеніе, какъ его рисуетъ Песталоцци, образуетъ настоящую основу для плодотворнаго воспитанія.

Нельзя ли и въ школѣ создать нечто подобное? Вспомнимъ только время нашего юношества. Что сильнѣе запечатлѣлось въ нашей памяти изъ всего, что мы видѣли и слышали въ классѣ? Какъ разъ тѣ, проникнутыя особымъ настроениемъ минуты, когда учитель дѣлился съ нами, своими учениками, занимавшими его мыслями, или вызваннымъ настоящей обстановкой наблюденіемъ. Какъ электрическая волна передавалось дѣтямъ движение души учителя; контактъ отъ человѣка къ человѣку былъ установленъ. Съ обѣихъ сторонъ забывалась всякая школьньяя процедура; и что тогда учитель, пользуясь подходя-

щимъ настроениемъ учениковъ, говорилъ намъ, то становилось такимъ переживаніемъ, которое вліяло на послѣдующую нашу жизнь.

Никогда нельзя забывать, что преподаваніе и воспитаніе не одно и то же! Только то, что захватывается всего человѣка, окажетъ прочное вліяніе на его поведеніе, а вовсе не то, что говорить лишь его уму! Какъ часто школьнное преподаваніе ограничивается простымъ подчеркиваніемъ идеаловъ и цѣлей на выдающихся людяхъ и событияхъ! Ученикъ однако долженъ знать путь къ этому идеалу со всѣми его терніями, а учитель долженъ умѣть у молодого юноши привести въ движение самыя сокровенные силы, чтобы онъ научился побѣждать тѣ трудности, на которыхъ онъ наткнется, когда захотеть свое поведеніе привести въ согласіе съ воспринятымъ ученикомъ.

Такъ давайте и въ школѣ, подобно Гертрудѣ, оглядываться назадъ, спокойно и серьезно заводить съ дѣтьми рѣчь о ихъ повседневныхъ событияхъ. Размѣняемъ на мелкую монету великія истины и принципы жизни, завѣщанные намъ въ краткихъ сентенціяхъ опытомъ тысячелѣтій, приведемъ ихъ въ связь съ разнообразными переживаніями нашихъ учениковъ. Научимъ ихъ всѣ свои поступки и отвѣты мѣрить тѣми нормами, которыя мы познаемъ на урокахъ Закона Божія, исторіи и языковъ; поможемъ имъ въ открытой, серьезнѣйшей бесѣдѣ—а когда нужно, такъ и съ глазу на глазъ—понять послѣдствія своего поведенія для нихъ самихъ и для ихъ близкихъ! Переведемъ имъ на языкъ силы и свободы такія требованія, какъ постоянство въ работѣ, вѣрность въ маломъ и т. п.! Покажемъ мальчику, какая это трусость позво-лить товарищамъ соблазнить себя къ непослушанію или неумѣстнымъ выходкамъ, противъ своего собственнаго убѣженія, и какое мужество—одушевлять того, кто, разъ онъ призналъ что-либо хорошимъ и справедливымъ, от-

стаиваетъ это, несмотря ни на какія насмѣшки! Покажемъ ему, что въ его стремлениі къ независимости, къ силѣ воли и мужеству, ничто ему такъ не поможетъ, какъ побѣда въ мелочахъ! ¹⁾.

Вотъ съ какой высокой точки зрѣнія должны мы говорить о маленькихъ событияхъ дѣтской жизни. Я подчеркиваю: съ высокой точки зрѣнія! Наше вліяніе часто рушится отъ того, что къ нашей воспитательной работе присасывается жало педантизма, шаблонной регламентаціи и полицейского принужденія.

Я, конечно, понимаю, что одними своими силами школа никогда не достигнетъ цѣли этихъ стремленій; она является только однимъ изъ факторовъ воспитанія, и далеко не решающимъ. Тѣмъ не менѣе я убѣждены, что ея воспитательное значеніе еще будетъ выше, если учитель, въ своихъ заботахъ о выработкѣ у воспитанниковъ воли и характера, больше будетъ исходить изъ круга мыслей и опыта ребенка. Для бесѣдъ въ этомъ родѣ могутъ дать поводъ самые ничтожные случаи ²⁾.

У меня былъ урокъ ручного труда. Я раздалъ ученикамъ начатые въ прошлый урокъ ящички, они кончили ихъ. На слѣдующее утро до меня доходитъ, что С. недоволенъ, что онъ даже говорилъ: „Это несправедливо, мнѣ не достался мой ящикъ; это уже не первый разъ; я началъ разъ портретъ, а другой его окончилъ и присвоилъ себѣ“. Я подозвалъ С. и III., обладателя спорного ящика. Тутъ и выяснилось дѣло. Восемь дней тому назадъ III. не было въ классѣ, а С. былъ и сработалъ

¹⁾ Большой заслугой д-ра Фр. В. Ферстера является то, что онъ въ своихъ книгахъ „Jugendlehre“ и „Schule und Charakter“ сдѣлалъ весьма цѣнныя предложения для преобразованія школьнаго воспитанія въ этомъ духѣ.

²⁾ Конечно, при такой бесѣдѣ учитель долженъ быть одинъ со своими учениками. Присутствіе постороннихъ лицъ низведетъ все это къ фальшивой рисовкѣ, и то, что должно ити отъ сердца къ сердцу, останется безъ всякаго дѣйствія.

половину ящика, но въ концѣ урока забыть написать на немъ свою фамилію. Вчера они оба помѣнялись ролями: С. отсутствовалъ, а III. появился снова. Я не обратилъ на это вниманія въ моментъ раздачи работъ, и оставшійся у меня ящикъ С., не помѣченный ничѣмъ именемъ, просто отдалъ стоявшему тутъ III. Онъ, ни слова не сказавъ, взялъ и оставилъ у себя. С. такимъ образомъ лишился своей работы. Такъ какъ съ нимъ это уже не первый разъ случилось, я понималъ его обиду. Ученики обвиняли меня въ несправедливости, поэтому я разбиралъ это дѣло при всемъ классѣ. Открытыми преніями учениковъ было установлено, что притязанія С. основательны на ящикѣ. Но такъ какъ и III. надѣялся работать, имъ предложено было помириться. „Однако неучтиво, даже трусливо,— услышалъ онъ отъ своихъ товарищей — браниться за спиной“. Ученики находили, что недовольный долженъ былъ явиться ко мнѣ, тогда онъ не судилъ бы несправедливо. Принимая во вниманіе обстоятельства, III. отказался отъ ящика въ пользу С.

Другой разъ дѣло было на масляницѣ. Начальство распорядилось, что въ такой-то день должны быть занятия. И вотъ изъ глубины класса послышалось слѣдующее замѣчаніе: ну, учитель можетъ дѣлать, все, что хочетъ.

Они подразумѣвали, что я могъ бы, еслибы захотѣлъ, отпустить ихъ послѣ 12 часовъ. Я охотно выслушиваю такія откровенные заявленія, лишь бы соблюдаласьличная форма, потому что они даютъ поводъ исправлять дѣтскіе предразсудки, ошибочные мнѣнія. Я объяснилъ имъ, что въ настоящее время они бы радовались; но что черезъ 20 лѣтъ они будутъ судить иначе; они скажутъ: „Да, нашъ учитель при всякомъ удобномъ случаѣ насытъ освобождалъ отъ занятій, и отлынивалъ отъ работы“. И у меня есть начальство и предписанія, которымъ я подчиняюсь; но прежде всего я отвѣтственъ передъ своею совѣстью.

С. является въ классъ аккуратно на дѣй—на три минуты послѣ звонка. Онъ слышитъ, какъ сосѣди хихикаютъ и шепчутъ: „соня“. Что мнѣ дѣлать? Долженъ ли я его просто наказать? Этимъ ему не поможешь, ибо я знаю, что для мальчика нѣтъ болѣе жестокаго наказанія, какъ быть посмѣшищемъ передъ товарищами; но и это не принесло пользы. Мнѣ пришлось бы повторять наказаніе, усиливать. Наконецъ,—хотя бы право и было на моей сторонѣ,—это подействовало бы на него ожесточающимъ, удручающимъ образомъ. Онъ съ горечью потомъ вспоминалъ бы о своемъ воспитателѣ, который не умѣлъ ему помочь ничѣмъ, кромѣ страхомъ и принужденіемъ. Поэтому я отзываю его въ сторону и объясняю, какъ онъ мѣшає преподаванію своимъ постояннымъ опаздываніемъ, а отъ товарищей дождался прозвища „сони“; что для него дѣло не столько въ томъ, чтобы рано вставать, сколько въ его безалаберности, съ которой онъ долженъ порвать; что порядокъ и точность значатъ полжизни. Конечно, онъ и самъ хочетъ, чтобы этотъ стыдъ прекратился. Я хочу ему помочь. Пусть онъ до 12 часовъ обдумаетъ, какими средствами онъ могъ бы самъ себя обуздать. Онъ мнѣ тогда сказалъ, чтобы я его задерживалъ на лишній урокъ, во время занятій съ параллельнымъ классомъ (четыре раза по часу въ недѣлю у меня бываетъ только поль-класса). Я согласился, хотя и не ожидалъ такого предложения; при этомъ я сразу выразилъ надежду, что мнѣ никогда не придется примѣнять предложенного средства. На слѣдующее утро онъ явился на нѣсколько минутъ раньше звонка. И теперь еще я вижу его сіяющее лицо, которое говорило мнѣ, что въ немъ пробудилось чувство чести и сила самообладанія. Это помогло ему отдохнуть отъ дурной привычки.

Черезъ недѣлю я объявилъ ему, что доволенъ имъ и вполнѣ увѣренъ, что отныне онъ удержится безъ гро-

зящаго наказанія. Весна съ ея раннимъ началомъ занятій (7 часовъ) принесла ему суровое испытаніе; онъ его выдержалъ, хотя и не блестяще.

Уважаемый читатель можетъ думать такъ или иначе, только я хотѣлъ этимъ послѣднимъ примѣромъ показать, что надо избѣгать грубой силы и внѣшнаго принужденія, какъ не вызывающихъ морального поведенія поступка, и давать дѣтямъ болѣе педагогической помощи.

Намъ надо бесѣдовать съ дѣтьми и словомъ и дѣломъ доказывать, что и они и мы преслѣдуемъ одну и ту же цѣль. Они мало-по-малу поймутъ наши намѣренія; хоть и медленно, они все-таки со временемъ научатся самъ присматриваться къ своему повседневному поведенію въ школѣ и дома; чужой, извнѣ, отъ воспитателя идущій контроль разовьется въ самоконтроль.

Послушаемъ также указанія пастора д-ра Пфистера. Онъ подчеркиваетъ, что всякое этическое побужденіе должно приводить къ извѣстному, хоть малому, дѣянію. „Какъ опасно,—говорить онъ¹⁾,—постоянно слушать нравственные требования во имя Бога, безъ того чтобы тотчасъ же примѣнить ихъ на дѣлѣ. Ничто такъ не деморализируетъ, какъ слушаніе христіанскихъ проповѣдей, за которымъ не слѣдуетъ никакого христіанского поступка.

Мы привыкаемъ къ сильнымъ проповѣдямъ, мы топнемъ — въ морѣ хорошихъ намѣреній, мы дѣлаемся благочестивы — въ мысляхъ... Будемъ лучше остерегаться слишкомъ часто натягивать лукъ попусту, когда не приходится стрѣлять. Будемъ остерегаться большого разбѣга, когда не придется дѣлать большаго прыжка. Всякая моральная эмоція, зарываемая въ песокъ, есть кража нравственной энергіи. Я отнюдь не думаю, чтобы нужно было всякую проповѣдь моментально переводить въ дѣло. Впрочемъ, идеаломъ это безусловно является. Однако до-

¹⁾ Pfister: „Religionspädagogisches Neuland“ стр. 10.

вольно часто изъ нравственного побуждения должно исходить хотя и очень скромное дѣяніе и при этомъ какъ можно скорѣе. Случится ребенку хоть въ одномъ рядѣ случаевъ полученные импульсы превратить въ продуктивную работу, въ этические поступки, тогда онъ почувствуетъ, что и другія эмоціи говорять ему о самыхъ священныхъ, самыхъ важныхъ его обязанностяхъ".

Это слова, которыя имѣютъ значение и для учителя. Тотъ еще не педагогъ, кто ограничивается тѣмъ, что проповѣдуетъ мораль, кто довольствуется тѣмъ, что ему отвѣчаютъ ее. Кто хочетъ добиться болѣе глубокаго и прочного вліянія, тотъ будетъ думать, какъ бы все это провести въ жизнь, чтобы изъ знанія вытекало умѣніе.

Пфистеръ дѣлаетъ цѣлый рядъ практическихъ предложенийъ. Подъ его вліяніемъ я усиленно, напримѣръ, старъ обращать вниманіе на вопросъ о карманныхъ деньгахъ учениковъ. Наша городская молодежь имѣеть въ своемъ распоряженіи порядочно денегъ. Одинъ изъ моихъ учениковъ показывалъ мнѣ свою сберегательную книжку: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ внесъ 132 франка собственнаго заработка. Другой пріобрѣлъ разсыльной службой въ конторѣ своего отца, по словамъ послѣдняго, за одинъ годъ еще большую сумму. Такимъ дѣтямъ, которыя очень многочисленны въ торговыхъ кварталахъ города, деньги даютъ известную силу. Кто ихъ учитъ разумному употребленію этихъ денегъ? Конечно, родительскій домъ прежде всего долженъ быть приучать дѣтей къ разумному употребленію денегъ. Однако я наблюдалъ, что много моихъ учениковъ не имѣли дома копилки и не пользовались хорошо организованной школьнной кассой. Родители отбираютъ у нихъ всѣ деньги, и они поэтому утаиваютъ порядочную часть своихъ маленькихъ доходовъ. А кондитерскія и всякаго рода автоматы отнимаютъ у нихъ и это. Мальчики покупаютъ еще фейерверкъ, порохъ, даже патроны и огнестрѣльное

оружіе. Эта картинка, вырѣзанная изъ современной общественной жизни, нарисованная на основаніи точныхъ данныхъ опыта, лишній разъ доказываетъ, во-первыхъ, что нынѣшняя молодежь, въ противоположность прежней, часто имѣеть въ своемъ распоряженіи такія вещи, которыя предъявляютъ къ ихъ силѣ воли и нравственной энергіи самыя высокія требования, а, во-вторыхъ, что родители часто слишкомъ мало понимаютъ свои задачи или даже ничего не вѣдаютъ, что ихъ дѣти на улицѣ творятъ.

Что же школа должна или можетъ дѣлать въ этомъ случаѣ? Не много; но и оставаться простой зрительницей она тоже не смѣеть. Я поступалъ слѣдующимъ образомъ. Одинъ мальчуганъ былъ, напримѣръ, замѣченъ въ тотъ моментъ, когда онъ на урокѣ сунулъ въ ротъ паточный леденецъ. На прошлой недѣлѣ другой уличенъ былъ въ кражѣ со взломомъ; раньше онъ плутовскимъ образомъ доставалъ себѣ деньги, которыя тратилъ, вмѣстѣ съ единомышленниками изъ товарищей, на билеты для прогулочныхъ поѣздокъ, на закуски, сласти и т. п. Будь онъ старше, ему пришлось бы познакомиться съ тюрьмой. Я разбиралъ оба случая передъ всѣмъ классомъ. Случай со взломомъ былъ извѣстенъ всѣмъ товарищамъ, и я могъ это сдѣлать, не поступаясь педагогическими требованиями. (Конечно, позже было также и объясненіе съ глазу на глазъ).

Я обрисовалъ моимъ ученикамъ ходъ развитія этого мальчика, какъ онъ мало-по-малу опустился до рабства страсти лакомиться и, чтобы можно было еще больше предаваться своимъ маленькимъ удовольствіямъ, сдѣлался взломщикомъ. Я объяснилъ также, что многіе виноваты въ томъ, что случилось. Кто всегда хвастаетъ передъ товарищами своими карманными деньгами и показываетъ имъ дурной примѣръ лакомства, тотъ дразнитъ бѣдныхъ, побуждаетъ ихъ тянуться за нимъ. Кто, даже хоть и въ

шутку, подзадориваетъ другихъ „стибрить“ что-нибудь (украсть), тотъ дѣлается соучастникомъ, когда тѣ исполняютъ дурные совѣты. Я уговаривалъ ихъ сдерживать себя, когда имъ захочется транжирить деньги; совѣтовать имъ или покупать на эти деньги сберегательныя марки (школьной сберегательной кассы; само собой разумѣется, что въ свою очередь надо часто обращать ихъ вниманіе на цѣль кассы и поощрять вклады), или же вносить ихъ въ кошельку, которую я имъ устрою. Только тотъ будетъ свободнымъ человѣкомъ, кто не даетъ прихотямъ тираннизировать себя. Кто еще мальчикомъ поддается всякому соблазну, тотъ и послѣ покажетъ мало стойкости, и т. д. Какъ только въ кассѣ составится известная сумма, классъ можетъ рѣшить, какъ поступить съ деньгами. (Сборъ въ пользу учрежденія въ память Песталоцци въ Нейгофѣ не заставилъ насъ долго искать подходящаго примѣненія).

Мы не можемъ ограничиваться поощреніемъ сбереженій, развитіемъ чувства хозяйственности. Какъ-разъ разсужденія о деньгахъ даютъ поводъ присоединить упражненія въ самоодолѣніи и альтруизмѣ. Такъ, недавно мой нынѣшній классъ (специальный классъ) устроилъ маленький сборъ, чтобы больной ученицѣ нашей школы доставить радость поднесеніемъ цветовъ. На урокѣ родного языка было написано подходящее письмо. Лучшая работа была присоединена къ букету въ качествѣ привѣтствія отъ класса. Деньги на это пошли только самолично сбереженные. Мальчики, которые приняли участіе и въ сборѣ, добровольно передали дѣвочкамъ дальнѣйшее исполненіе принятаго рѣшенія. У послѣднихъ послѣ 12-ти былъ урокъ рукодѣлія. Они рѣшили выбрать изъ своей среды, какъ онѣ потомъ, на слѣдующее утро рассказывали мнѣ, шесть дѣвочекъ, которыхъ до самой перемѣны будутъ прилежнѣе и скромнѣе, чтобы онѣ купили горшокъ цветовъ и отнесли больной. Такъ и сдѣ-

лали. Къ вечеру больной воспаленіемъ легкихъ Мартѣ былъ доставленъ горшокъ цветущей гвоздики.

Во всякомъ случаѣ нельзя слишкомъ много надѣяться на то вліяніе, которое мы можемъ оказывать на жизнь учениковъ внѣ школы. Уже одинъ опытъ внутри школьнаго стѣнъ часто даетъ намъ понять скорѣе безсилѣ, нежели силу воспитателя. Что жизнь ребенка служить неисчерпаемымъ источникомъ примѣненія нашей педагогической работы, можетъ показать еще слѣдующій примѣръ:

По поводу одного типичнаго случая распущенности я предложилъ моимъ мальчуганамъ указать случаи для упражненія въ самообладаніи, какіе могутъ представиться на улицѣ и дома. Вотъ, что они между прочимъ упомянули.

Когда идешь съ пятакомъ въ кошелекъ мимо про- давца каптановъ, и они такъ вкусно пахнутъ, то почти невозможно не купить ихъ.

Когда проснешься утромъ, то приходится взять себя въ руки и оставить постель, иначе придешь въ школу слишкомъ поздно¹⁾.

Мама печеть пирожное; когда она за чѣмъ-нибудь выйдетъ изъ кухни, меня беретъ искушеніе обмокнуть палецъ въ тесто.

Я не долженъ роптать, когда мама не пускаетъ меня на улицу поиграть съ товарищами.

Надо владѣть собой, и на Рождество не сразу сѣѣдать всѣ сладости.

Одинъ серьезно, безъ фразы сказалъ слѣдующее: Когда я на улицѣ, и вдругъ позвонитъ мать — я рѣшилъ всякой разъ сейчасъ же послушаться.

Когда приходишь изъ школы, не надо спрашивать у матери, что къ обѣду, или даже приподнимать крышку съ костриюли.

¹⁾ Этотъ разговоръ случился въ концѣ ноября, какъ-разъ когда начало занятий было перенесено съ 8 на половину 9-го; эта перемѣна всякой разъ ведеть — по крайней мѣрѣ по моему наблюденію — къ тому, что ученики еще больше опаздываютъ.

Мой учитель музыки каждый разъ задаетъ мнѣ къ слѣдующему уроку. Но во время упражненій мнѣ всегда хочется перелистывать ноты и играть что-либо другое. И тогда я ничего не знаю къ слѣдующему уроку.

Послѣдний примѣръ тогда же послужилъ поводомъ къ подробному разсужденію о послѣствіяхъ (потера времени, денегъ, тунеядство и т. д.), которые проис текаютъ изъ недостатка самообладанія.

3. Духъ класса.

Задачей всякаго учителя является изучать взаимное вліяніе, которое оказываютъ дѣти другъ на друга, и которое мы не можемъ достаточно учесть; надо искать его причины и дѣйствие. Всякій воспитатель долженъ быть бы кое-что понимать въ психологіи толпы. Многіе слишкомъ мало принимаютъ во вниманіе, что передъ ними не только отдельные ученики, но также и классъ, который, какъ цѣлое, въ свою очередь является индивидуумомъ съ особыми свойствами.

Школьное воспитаніе есть массовое воспитаніе; наши классы походятъ скорѣе на миниатюрныя государства, чѣмъ на семью. Нынѣ вездѣ, гдѣ люди подчинены общему руководству, образуется своеобразный коллективный духъ, который дѣлается тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ однороднѣе масса, чѣмъ болѣе сходится она въ возрастѣ и воззрѣніяхъ на жизнь.

Поэтому въ фабричной жизни, въ казармахъ, а особенно въ школьныхъ классахъ и заведеніяхъ, какъ-разъ самая благопріятная почва для образования общественнаго духа. Однаковыя цѣли, однаковыя переживания и ежедневное общеніе другъ съ другомъ въ играхъ и работѣ всего прочнѣе связываютъ молодыхъ людей. Чѣмъ выше школьная ступень, тѣмъ яснѣе выраженъ характеръ воли у массы, тѣмъ рѣзче разница между ея цѣ-

лями и цѣлями того авторитета, который воплощается въ учителяхъ. Каждому воспитателю известно, что мальчики во многихъ случаяхъ больше смотрѣть на общественное мнѣніе въ классѣ, нежели на сужденіе учителя. Какъ только мальчики достигнутъ известнаго возраста, они ставить на первый планъ уваженіе со стороны товарищей. Стоитъ кому-нибудь потерять довѣріе своихъ товарищей по играмъ, или онъ даже исключенъ изъ ихъ общества, то это дѣйствуетъ на него сильнѣе, чѣмъ самое строгое наказаніе учителя. Онъ изо всѣхъ силъ будетъ исполнять точно установленный большинствомъ порядокъ, чтобы снова попасть въ кругъ товарищей, безъ которыхъ онъ жить не можетъ.

Какъ рано духъ класса можетъ уже проявлять самостоятельность въ хорошемъ смыслѣ слова, видно изъ прекраснаго примѣра, помѣщенного въ послѣднемъ „Новогоднемъ Листкѣ“, издаваемомъ въ пользу сиротскаго дома въ Цюрихѣ. Вотъ что разсказывается д-ръ Ф. Мейеръ въ своихъ юношескихъ (1833—1842) воспоминаніяхъ о гимназистахъ, по своему возрасту подходившихъ къ нынѣшнимъ нашимъ второклассникамъ:

„У насть былъ товарищъ, хорошо развитой физически и умственно, во многихъ отношеніяхъ симпатичный, но иногда дѣлавшійся очень грубымъ: тогда онъ находилъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы пугать и мучить слабыхъ. Особенно доставалось одному ученику, къ которому мы всѣ были очень расположены: физической силой онъ не могъ съ нимъ помѣряться и становился мишенью его издѣвательствъ. Изъ насть тоже никто въ отдельности не могъ съ нимъ равняться, да онъ не особенно и боялся хорошей встрѣчки, а намъ не хотѣлось больше терпѣть его тираннія. Однажды, когда Б. не было въ классѣ, мы приняли рѣшеніе больше съ нимъ не разговаривать и немедленно стали приводить въ исполненіе такое постановленіе. Вотъ онъ появляется въ классѣ,

обращается къ кому-то—никакого отвѣта. Онъ къ другому, тотъ отворачивается. Онъ проситъ перо, карандашъ—и его словно нѣтъ: никто не видить, не слышитъ. Такъ длилось не долго: необузданный мальчуганъ притихъ и обратился—къ тому товарищу, который все-таки былъ ему близокъ, съ просьбой объяснить такое поведеніе класса и указать, какъ ему слова вернуться въ кругъ товарищѣй. Послѣ этого совѣщенія рѣшено, что Б. долженъ попросить прощенія у маленькаго Г. и впредь воздерживаться отъ всякаго насилия надъ нимъ или надъ другими; дасть онъ такое обѣщаніе и исполнить его, тогда получить прощеніе. И вотъ, до тѣхъ поръ неодолимый Б., съ большою радостью подчинился этимъ условіямъ и больше уже никогда не пробовалъ вызвать нерасположеніе класса".

Сколько бѣды можетъ причинить этотъ духъ класса, когда тонъ ему задаютъ дурные элементы, видно изъ слѣдующаго случая. Одинъ мой сослуживецъ, котораго я высоко цѣню, шель однажды въ классъ послѣ какого-то небольшого совѣщенія въ учительской. По дорогѣ ему докладываютъ, что его ученики пустили фейерверкъ: подожгли лягушку и „швермеръ“ (змѣйка). Запахъ пороха подтверждаетъ сообщеніе. Горѣлые спички на полу образуютъ дальнѣйшія вещественные доказательства. Всѣ заявляютъ, что не дѣлали и не видѣли, какъ зажигали фейерверкъ. Такъ и осталось; послѣ уроковъ новыя разслѣдованія не дали ничего. Черезъ недѣлю предали дѣло забвѣнію.

Тутъ стоитъ сила противъ силы: съ одной стороны—учитель, съ другой—классъ. Если подобные случаи повторяются, то авторитетъ учителя долженъ пострадать. Дурной ученикъ становится смѣльче, потому что „нельзя же выдавать“, и хороший ученикъ находится подъ его тираніей. Нѣкоторымъ ученикамъ, получившимъ хорошее домашнее воспитаніе, конечно, не по себѣ. Они чувствуютъ

нарушеніе долга и неправду при замалчиваніи проступка. Они страдаютъ подъ гнетомъ своихъ менѣе совѣстливыхъ товарищѣй. Но выступить противъ нихъ они не смѣютъ (проблема, которая и потомъ въ жизни повторяется въ тысячу вариацій). Въ результатѣ должно возникнуть мнѣніе: все позволено, только не попадайся!

Итакъ, классный духъ обладаетъ огромной силой. Нежели нельзя, по образцу первого примѣра, направить ее къ добру? Что, если бы удалось такъ организовать общественное мнѣніе класса, чтобы оно препятствовало дурнымъ элементамъ играть руководящую роль? Что, если бы при помощи хорошихъ элементовъ можно было бы классный духъ заставить служить нашимъ высшимъ цѣлямъ? Дѣйствительно, ничѣмъ такъ не измѣряется достоинство нашей педагогической работы, какъ характеромъ, которымъ выражается классный духъ. Гдѣ большинство учениковъ одушевлено всегда иными стремленіями, чѣмъ учитель, тамъ вообще и рѣчи быть не можетъ о какомъ-либо успѣшиомъ воспитаніи.

Изъ Америки идетъ нынѣ пропаганда идеи школьнаго города, идеи, которая ставить цѣлью утилизировать общественное мнѣніе класса на пользу порядка и добрыхъ правовъ, привлечь ученика къ работѣ бокъ о бокъ съ учителемъ на пользу школьнай общинѣ и подготовить его къ вступленію въ гражданское общество.

Со всѣхъ сторонъ мы слышимъ призывъ, что наша школа еще болѣе, чѣмъ теперь, должна стать школой воспитательной. Поэтому нашъ долгъ—испытать предложения и средства, которыя, судя по опыту другихъ, могутъ повысить воспитательное значеніе школы.

4. Кое-что о школьнномъ городѣ.

Идею, которая лежитъ въ основѣ School-city-system, пытался осуществить уже Валентинъ Троцендорфъ въ своемъ учебномъ заведеніи. Этотъ современникъ Рефор-

мациі впервые узналъ и организовалъ ту воспитательную силу, которую оказываютъ другъ на друга молодые люди, когда живутъ вмѣстѣ. Онъ въ широкихъ размѣрахъ и съ успѣхомъ пытался сдѣлать воспитанниковъ отвѣтственными за порядокъ въ домѣ. Такъ—называемые экономы сдѣлили за чистотой въ классахъ. Они отвѣчали также за то, чтобы все шло въ порядкѣ во время вставанія и чтобы всѣ носили чистое платье. Эфоры поддерживали приличіе во время єды. Квесторы завѣдывали работами питомцевъ. Школьный магистратъ могъ даже судить и наказывать провинившихся учениковъ¹⁾.

Нѣчто подобное находимъ мы у швейцарца Планты въ основанномъ имъ въ 1761 г. пансіонѣ близъ Кура. По древне-римскому образцу онъ устроилъ нѣчто въ родѣ школьнной республики и привлекъ воспитанниковъ къ участію въ управлениі и завѣдываніи учебнымъ заведеніемъ. Онъ былъ воспитателемъ многихъ выдающихся людей государства, каковы Цезарь Лагарть, бургомистръ Цюриха Рейнгардсъ и т. д. Когда Планта, всего еще 45 лѣтъ отъ рода, умеръ, то, къ сожалѣнію, прекратило свое существованіе и его учебное заведеніе²⁾.

Неблагопріятныя условія того времени на континентѣ не давали никакой почвы для развитія такихъ демократическихъ идей. Зато въ свободной Англіи и въ Америкѣ идея самоуправлениія (selfgovernment) получила дальнѣйшее развитіе. Въ обѣихъ странахъ, по традиціи, какъ домашнее, такъ и общественное воспитаніе юношества ведется въ болѣе свободномъ направлениі, чѣмъ у нась. И мы находимъ тамъ много интернатовъ, которые имѣютъ большое сходство съ учебными заведеніями Троцендорфа и Планты, а также и нашими пансіонами внѣ города.

Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а именно, на

¹⁾ Rein: „Encycl. Handbuch der Pädagogik“.

²⁾ Christoffel: „R. Martin Planta, der Vorläufer Pestalozzis und Fellenbergs“.

американской почвѣ, были сдѣланы первыя попытки систематически провести самоуправлениѣ. Такимъ путемъ воспитанники должны были дѣлаться отвѣтственными за хороший порядокъ въ учебномъ заведеніи; этимъ надѣялись лучше всего обуздатъ неподатливые элементы и сломить ихъ оппозиціонныя стремленія. Когда эта система воспитанія оправдалась въ интернатахъ, то въ формѣ школьнныхъ городовъ (school-city) ее ввели и въ общественныхъ училищахъ.

Если потомъ школьніе города получили быстрое распространеніе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, то изъ этого ясно, что идея самоуправлениія особенно глубоко коренится въ самой американской народной жизни. Дѣятельность должностныхъ лицъ, какъ и жизнь гражданина, тамъ не такъ сильно регламентирована разными распоряженіями и законами, какъ у нась. Самопомощь является по ту сторону океана большими козыремъ во всѣхъ областяхъ жизни; личной волѣ тамъ широкій просторъ.

Поэтому народный характеръ отразился и на школѣ, которая тамъ менѣе заботится о сообщеніи юношамъ знаній, но зато хочетъ показать, какъ этимъ юношамъ потомъ въ жизни самимъ себѣ помочь и изворачиваться. Такимъ образомъ выходить, что фребелевскія идеи, представляющія ребенка способнымъ къ самостоятельной дѣятельности и развитію, даже творчеству, въ Сѣверо-Американскихъ Соед. Шт. нашли куда болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ у нась. Кроме того, союзы и клубы играютъ тамъ гораздо большую роль, чѣмъ у нась. Тамъ, кажется, никто не удивляется, когда даже въ исправительныхъ и карательныхъ учрежденіяхъ встречаются ученическія организаціи съ ограниченнымъ самоуправлениемъ и коллективной отвѣтственностью¹⁾.

¹⁾ Dr. P. Herr: „Das amerikanische Besserungssystem“.

Отсюда намъ вполнѣ понятно, почему американская молодежь относится съ такимъ большимъ интересомъ къ самоуправлению. Послѣдній поддерживается еще и тѣмъ, что въ официальной школѣ, согласно съ демократической основой нашей великой сестры—республики, дисциплина проводится на почвѣ гораздо большей свободы. Американская педагогика „лучше всякой другой сумѣла проникнуться такой любовью къ ребенку, такимъ уважениемъ къ его складывающейся еще личности, такой заботой о ея развитіи въ сознаніи свободы и отвѣтственности, какія съ самаго начала обеспечили Л. К. Гену¹⁾ его педагогический успѣхъ.

Въ американцѣ живетъ непоколебимый оптимизмъ и сильная вѣра въ новыя идеи и въ будущее. Онъ менѣе чувствуетъ себя связаннымъ съ почтеннымъ прошлымъ. Для нового тамъ шире дорога, и американскій учитель не долго задумывается, принимаясь за новшества (часто, можетъ-быть, и въ ущербъ тому хорошему, которое заключается въ традиціонномъ).

Поэтому, когда учитель Вильсонъ Л. Гилль сталъ въ 1897 г. вводить въ официальной народной школѣ настоящую систему самоуправления, онъ нашелъ уже готовую почву и организовалъ учениковъ въ маленькия демократіи. Примѣромъ послужило американское городское самоуправление, откуда и название—школьные города. На нихъ смотрятъ не только, какъ на средство предотвратить анархію до извѣстной степени распущенной школьнной молодежи въ городахъ; самая главная цѣль ихъ—посредствомъ упражненія и наглядно, на примѣрахъ, воспитать въ ученикѣ истинного гражданина.

Посмотримъ, какъ устраивается школьній городъ. Директоръ собираетъ учениковъ всего учебнаго заведенія въ актовый залъ, объясняетъ, въ чёмъ дѣло, и предста-

¹⁾ H. Lietz: „Das zehnte Jahr im deutshen Landeserziehungsheim“, 2-ая часть.

вляетъ имъ мистера Гилла, организатора школьныхъ городовъ. Гилль обращается къ ученикамъ съ рѣчью, въ которой убѣждаетъ ихъ сдѣлаться истинными и достойными гражданами Америки, напоминаетъ имъ, какіе бываютъ способы правленія, и указываетъ также, во что можетъ выродиться демократія, и спрашиваетъ, хотятъ ли они стать такими же доблестными гражданами, какъ тѣ, которые сумѣли сдѣлать американскую свободу блестящимъ примѣромъ для другихъ народовъ. Затѣмъ онъ предлагаетъ имъ подписать петицію къ начальству школы и просить о введеніи самоуправленія; далѣе идетъ маленькая школьнія конституція (School republic laws) и взаимная порука (pledge) съ обѣщаніемъ какъ можно лучше исполнить обязанности, возникающія изъ даруемыхъ имъ правъ.

Затѣмъ устанавливаются „власти“: губернаторъ, секретаря, казначай и должностныя лица, входящія въ составъ правленія. Каждый классъ образуетъ округъ съ особыми подчиненными должностными лицами и посыпаетъ двухъ уполномоченныхъ въ законодательный парламентъ, въ которомъ засѣдаютъ также и учителя. Учениками теперь поддерживается виѣшній порядокъ (отсутствіе, опаздываніе, поведеніе, чистота рукъ, лица и одежды, порядокъ въ классной комнатѣ, по дорогѣ въ школу и на дворѣ и т. д.). Если кто-либо нарушаетъ правила, то полиція (ученическая) привлекаетъ виновнаго къ отвѣтственности передъ судомъ, тоже состоящимъ изъ учениковъ и учителей. Высшей мѣрой наказанія является исключеніе изъ гражданской общины. Съ такимъ осужденнымъ до истечения срока наказанія никто не смѣетъ разговаривать и играть.

Всѣ извѣстія указываютъ, что на самыя отвѣтственные мѣста всегда избираются самые лучшіе ученики. Каждый мѣсяцъ производятся новые выборы. Само собой разумѣется, что начальники учебныхъ заведеній обла-

дають абсолютнымъ veto противъ мѣропріятій, исходящихъ съ стороны учениковъ.

Всякій разъ какъ дѣло касается закрытаго учебнаго заведенія или же среднаго и приближающагося къ нему низшаго, картина школьнаго города сильно мѣняется. Для начальной школы Гилль принимаетъ форму, конечно, болѣе простую, чѣмъ та, которая здѣсь описана. Но чѣмъ старше ученики, тѣмъ больше онъ стремится къ политическому идеалу въ его отечествѣ: управлять при помощи народа и для народа.

Чисто американскимъ духомъ вѣтъ, когда въ специальной литературѣ нашихъ коллегъ въ Новомъ Свѣтѣ мы находимъ упоминанія, иллюстрирующія жизнь школьнаго города, въ родѣ слѣдующихъ: „Его Высокородіе, г. бургомистръ, пожалованъ знаками такого-то ордена!“ „М-ръ Гилль приводить къ присягѣ должностныхъ лицъ новообразованного школьнаго города“, „Новоизбранный бургомистръ со ступеней лѣстницы держитъ рѣчъ къ ученикамъ“ и т. д.

Что дѣло живетъ и процвѣтаетъ—это ясно видно по извѣстіямъ. Еще больше это подтверждается тѣмъ фактомъ, что широкая гласность привлекаетъ къ идеямъ Гилла самое дѣятельное вниманіе. Правительственные учрежденія, ученые и государственные дѣятели вплоть до самого президента Союза съ горячимъ участіемъ относятся къ проведению этого плана. То тутъ, то тамъ начальство призываетъ Гилля устраивать школьній городъ; онъ даже получаетъ отъ союзного правительства предложеніе отправиться на Кубу и Филиппины, чтобы и тамъ заложить среди молодежи основы гражданскаго воспитанія, соответствующаго достоинству великой республики. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ образовалась патріотическая лига, имѣющая цѣлью содѣйствовать идеямъ Гилла и распространять ихъ¹⁾.

¹⁾ При описаніи американскаго школьнаго города я слѣдовалъ

Затѣмъ я пользовался книгой: „Школьный городъ, самоуправление и гражданственность въ школѣ“,—лекція одного американца, который выросъ въ Германіи, а теперь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ живетъ въ С. А. С. Ш. и горячей рекомендацией гиллевской системы пожелалъ оказать услугу своей прежней родинѣ.

Независимо отъ Гилла дѣлались, конечно, и другие опыты съ цѣлью подобнымъ же образомъ сдѣлать плодотворнымъ принципъ самодѣятельности, наложившій отнынѣ свою печать на современную педагогику. Такъ, Йог. Лангерманъ, помощникъ учителя въ Берлинѣ, въ связи съ работой въ дѣтскомъ саду достигъ приблизительно тѣхъ же результатовъ, какіе сообщаютъ относительно американской School-city-system¹⁾). Точно также въ Базелѣ К. Буркгардъ уже въ концѣ послѣдняго столѣтія старался проводить соціальное воспитаніе и образованіе, устраивая въ классахъ богато организованную общественную жизнь²⁾.

Но только съ тѣхъ поръ, когда школьній городъ нашелъ въ лицѣ д-ра Фр. В. Ферстера столь ревностнаго защитника, идея самоуправленія учениковъ получила и на нѣмецкой почвѣ болѣе широкое распространение³⁾.

5. Какъ смотрѣть на школьній городъ, и чѣму мы можемъ отъ него научиться?

Цѣль у него, очевидно, хорошая. Но не слишкомъ ли много значенія американцы приписываютъ вѣнѣшней стоп-

сообщеніямъ, любезно присланнымъ мнѣ президентомъ вышеупомянутой лиги. См. также его книгу: Gill. „System of moral and civic training“.

¹⁾ Langermann: „Der Erziehungsstaat nach Stein - Fichteschen Grundsätzen in einer Hilfsschule durchgeführt“.

²⁾ Ср. его статьи въ газетѣ Швейцарскій Учитель за 1908—1910 г.г. и отдельно изданную имъ 1900 г. книжечку: „Schule und Gemeinsinn“.

³⁾ Ферстеръ: „Школа и характеръ“, переводъ Г. Г. Зоргенфрея, Спб. 1909.

ронъ дѣла, при всемъ ихъ стараніи воспитать благонамѣренныхъ и образованныхъ гражданъ? Конечно, и это содѣйствуетъ обращенію юношь въ убѣжденныхъ американцевъ, что очень важно въ виду сильной иммиграціи. Но развѣ ученики получаютъ правильную подготовку къ жизни, если въ школѣ стараются какъ можно точнѣе копировать окружающую дѣйствительность? Въ самомъ дѣлѣ, развѣ интересы гражданина оттого пробуждаются, что подражаешь государственнымъ учрежденіямъ вплоть до отдельныхъ мелочей? Я очень сомнѣваюсь, не лучше ли было бы, если бы мы остановились на болѣе соотвѣтствующей дѣтскому возрасту организації? Ученикъ еще слишкомъ мало знаетъ о жизни и тѣхъ силахъ, изъ которыхъ кристаллизуются формы государственного устройства. Ребенокъ является только еще „человѣкомъ“, и отнюдь не представителемъ той или иной профессіи, а поэтому онъ будетъ чисто механически копировать публичныя власти, законы и т. п.“.

Да и учитель долженъ прежде всего ставить вопросы идеального характера и потомъ уже переходить къ вопросамъ практической жизни. Поэтому я предпочелъ бы руководиться точкой зрѣнія нашего соотечественника, цитированного уже д-ра Месмера, который пишетъ, что ученику въ идеальной школьнѣй жизни надо показывать тотъ примѣръ, по которому онъ долженъ преобразовать общественную жизнь. Когда онъ будетъ взрослымъ, самостоятельнымъ, тогда онъ приложитъ все къ тому, чтобы расчистить путь своему идеалу.

Въ № 2 „Воспитателя“ за 1910 г.-одинъ коллега изъ кантона Ваадтъ тоже опубликовываетъ устройство школьнаго города, которое онъ ввелъ въ своей школѣ. Его система, опиралась на примѣръ Америки, возлагаетъ на учениковъ, наряду съ поддержаніемъ порядка въ школьнѣмъ зданіи, также и надзоръ на дворѣ и на улицѣ. Къ какой-либо совсѣмъ маленькой общинѣ это, пожалуй, подходитъ; но въ бо-

льѣ крупныхъ городахъ такой шагъ, мнѣ кажется, легко дискредитируетъ даже то хорошее, что заключается въ системѣ. По мѣрѣ того, какъ школьній городъ стремится распространить свое вліяніе за предѣлами школы, онъ долженъ утрачивать и силу своего вліянія и — свою правду.

Я вообще считаю не педагогичнымъ сразу вводить готовое управление со всѣмъ аппаратомъ „властей“. Да и слишкомъ рано это на ступени народной школы. Въ Америкѣ, можетъ-быть, это кое-какъ устраивается, такъ какъ тамъ молодежь болѣе зреяла для такихъ идей. „Подчиненіе какому-либо готовому плану убиваетъ въ школѣ всякую естественность, всякую инициативу и оригинальность“. При нашихъ же отношеніяхъ будетъ гораздо лучше рѣшиться сначала на опыты въ четырехъ стѣнахъ школы и начинать съ малаго.

Да и всѣ вообще, кто хочетъ вводить реформы, мнѣ кажется, находятся въ подобномъ положеніи. Никто не можетъ безнаказанно порвать съ прежнимъ и сразу вступить на совершенно новые пути. Кто, увлекшись передовыми бойцами на педагогическомъ поприщѣ, захочетъ заняться „преобразованіями“, не долженъ забывать, что и Гилль, Шаррельманъ и кто бы тамъ ни былъ, не были сначала тѣмъ, чѣмъ они намъ представляются въ ихъ книгахъ. Они не сразу дошли до того, что такъ скжато выражено на немногихъ страницахъ ихъ писаній. Долгое размышеніе о состояніи современного общества, о цѣли воспитанія, о природѣ ребенка и т. п. побудило ихъ вступить на новый путь. Шагъ за шагомъ шли они впередъ и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ накапливали опыты, съ которыми выступили передъ обществомъ. По моему, это надо замѣтить; это очень важно. Реформы въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ состоять не въ томъ, чтобы начинаться какъ можно больше проектовъ преобразованій и затѣмъ прямо, безъ всякой переработки, пересаживать на нашу почву чужіе опыты. А когда на-

чишаютъ понемногу, можетъ-быть, съ какого-нибудь отдельного предмета, то со временемъ сродняется съ духомъ новыхъ мыслей. Начинаешь замѣтать, что подходить къ особымъ обстоятельствамъ и къ личному характеру—изъ своей шкуры не вылезешь—и тогда можно постепенно подвигаться впередъ. Жизнеспособная новизна рождается не изъ того, что притекаетъ къ человѣку извнѣ, какъ нѣчто чужое, а изъ того, что онъ самъ пережилъ, выстрадалъ и завоевывалъ”.

Частые выборы и все, что связано съ устройствомъ школьного города, повидимому, иногда сильно отвлекаютъ учениковъ отъ прочаго учения. Не лучше ли перенести центръ тяжести въ отдѣльные классы? Соединеніе всѣхъ классовъ въ одно школьнное государство, обнимающее весь школьній домъ, требуетъ все-таки такой затраты времени, что успѣхъ занятій никоимъ образомъ не можетъ мириться съ этимъ.

Указанные недостатки, наши иначе сложившіяся условія жизни и здѣшнее устройство школы, сильно уклоняющееся отъ американскаго, не позволяютъ намъ прямо, безъ дальнихъ разсужденій копировать американскій школьній городъ. Но мы можемъ использовать хорошую мысль, лежащую въ его основѣ такъ, что отдѣльные классы превратятся въ маленькия общины, которые будутъ привлекать учениковъ къ участію въ поддержании порядка, пріучать къ отвѣтственности и насаждать среди нихъ соціальное чувство.

Конечно, больше всего оправдывается самоуправление въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Надѣюсь, что я, въ силу моего опыта, какъ бывшаго воспитанника и затѣмъ учителя въ закрытомъ учебномъ заведеніи, смѣю утверждать, что закрытое воспитаніе лишь тогда даетъ хорошие результаты, когда ученики проникнуты духомъ взаимной отвѣтственности и самодисциплины. Но тамъ, гдѣ сквозь школьнія стѣны не просачивается нѣкоторая сво-

бода, гдѣ нѣтъ налицо нормальныхъ личныхъ отношеній между ученикомъ и воспитателемъ, гдѣ вместо этого господствуетъ принужденіе и вѣчное надзирательство, и гдѣ посредствомъ запугиванія заранѣе хотятъ сдѣлать невозможной всякую ошибку, тамъ въ учрежденіи хороший духъ не можетъ пустить корни и не можетъ превратиться въ традицію. Только тамъ, гдѣ достигнуто добровольное послушаніе, достигается полный успѣхъ, выходящій за предѣлы школы и учебнаго времени.

Директоръ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ въ Траксельвальдѣ, г-нъ Ф. Гроссенъ, любезно сообщилъ мнѣ о своихъ опытахъ надъ самоуправленіемъ, которые онъ производилъ „съ большимъ успѣхомъ“ съ 1892 г., т. е. со времени открытия приюта. Онъ подчеркиваетъ, какъ любовью, довѣріемъ и предоставленіемъ воспитанникамъ отвѣтственныхъ должностей онъ достигаетъ хорошей дисциплины и порядка. Какъ разъ такие мальчики, которымъ было довѣрено что-либо отвѣтственное, вели себя превосходно и становились дѣльными юношами. Многіе изъ нихъ потомъ радовали его и дальнѣйшей своей карьерой въ жизни, поднимаясь до видныхъ мѣстъ (напр., фабричного инспектора или директора завода). Д-ръ Бекъ, уголовный статистикъ въ Бернѣ, отмѣчающій ничтожный процентъ рецидивовъ, и извѣстія ежедневной печати („Bund“, „Berger Tagblatt“ и др.), всѣ они констатируютъ хорошие результаты этой системы.

Одинъ коллега изъ провинціального закрытаго учебнаго заведенія однажды во время разсужденія о трактуемыхъ здѣсь вопросахъ замѣтилъ, что пансионское воспитаніе во многомъ (напр. относительно грѣховъ молодости) бываетъ совершенно безуспѣшно, если не находить поддержки въ воспитанникахъ, если ему не удается привлечь старшихъ къ руководству надъ младшими¹⁾.

¹⁾ Какое глубокое воспитательное влияніе мальчики могутъ оказывать другъ на друга, показываетъ книга: „Tom Browns School-novaya идея въ педагогикѣ. св. I.

То же самое до известной степени относится и къ школѣ. Ученики гораздо скорѣе учителя раскрываютъ начало какой-либо гадости (грязнаго чтенія, воровства и т. п.). Если хороший духъ господствуетъ въ классѣ, то по крайней мѣрѣ зло не можетъ пойти далеко.

Въ какомъ смыслѣ самоуправлѣніе также въ семинаріи и другихъ среднихъ школахъ можетъ давать хорошие результаты, показываетъ одно извѣстіе относительно опыта въ образцовой школѣ (реальномучилищѣ во Франкфуртѣ на М.¹⁾). Директоръ этого училища, д-ръ Вальтеръ, уже десять лѣтъ пріучаетъ учениковъ послѣдняго класса помогать въ школьному надзорѣ и своимъ вліяніемъ воспитывать младшихъ товарищѣй. Статья говоритъ преимущественно словами самихъ учениковъ, изъ нея видно, насколько серьезно они смотрятъ на дѣло и какъ со временемъ они сумѣли найти для него и форму и уваженіе.

Каждый классъ выбираетъ три довѣренныхъ лица. Послѣдніе несутъ отвѣтственность за порядокъ, чистоту и поведеніе въ классѣ. Затѣмъ они являются посредствующимъ звеномъ между классомъ и учителями и въ приличной формѣ сообщаютъ начальству училища о желаніяхъ учениковъ.

Высшій надзоръ за классомъ предоставленъ ученикамъ выпускного класса. Они должны выступать противъ

days", by Th. Hughes; нѣм. переводъ въ обработкѣ д-ра Вагнера, изд. Пертеса въ Готѣ. Томъ учился въ пансионѣ Рѣги близь Бирмингама при директорѣ T. Арнольдѣ (1795—1842), который однажды сказалъ: „Если я могу положиться на мой шестой (старшій) классъ, то нѣтъ такого мѣста въ Англіи, на которое я пожелалъ бы промѣнять свое. А если онъ меня не поддерживаетъ, тогда я долженъ уйти“. „Они должны видѣть свою задачу не въ томъ только, чтобы поддерживать порядокъ да исполнять дежурства, а въ томъ, чтобы вмѣстѣ со своимъ директоромъ и своими учителями дѣлать одно общее дѣло, въ союзѣ съ ними поддерживать духъ учебнаго заведенія и плодотворность его системы воспитанія.

¹⁾ „Monatschrift fr hhere Schulen“, отдѣльный оттискъ, за 9-й годъ.

всякихъ непристойностей, какія только будуть допущены имъ товарищами внутри или внѣ стѣнъ школы. При этомъ они должны сдерживать другихъ не повелительнымъ тономъ, а скорѣе дружескими указаніями и воспитывать ихъ собственнымъ примѣромъ. Только въ случаяхъ самаго упорного противодействія могутъ они обращаться за помощью къ учителю или директору. Тѣ же старшиеклассники помогаютъ въ надзорѣ на дворѣ и въ школѣ. Они отвѣчаютъ также за порядокъ въ гимнастическомъ залѣ, въ кабинетѣ географическихъ и историч. картъ и въ велосипедной комнатѣ, въ которой болѣе 50 далеко живущихъ учениковъ устанавливаютъ свои велосипеды. Даѣше, они заботятся о томъ, чтобы все шло въ порядкѣ въ „молочной“ комнатѣ, где во время перемѣны ученикамъ отпускается по дешевой цѣнѣ молоко. Отдѣленіе добровольныхъ гимнастовъ и отдѣленіе гребного спорта тоже находятся въ завѣдываніи абитуріентовъ. Даѣше они помогаютъ точно провести 45-ти минутный урокъ. Наконецъ, на нихъ возложены хлопоты регламентациіи посѣщенія учениками оперныхъ и драматическихъ спектаклей, обмѣнъ французскими и англійскими книгами для домашнаго чтенія, устройство школьнаго празднествъ, экскурсій, школьнаго концертовъ и спектаклей.

Легко понять, какое огромное значеніе имѣеть для учебнаго заведенія, когда въ немъ существуетъ традиція, по которой старшие подаютъ хороший примѣръ младшимъ и оказываются на нихъ хорошее вліяніе. Тамъ, где молодежь сама стремится къ тому, чтобы внутри маленькой школьнай общинѣ господствовали порядокъ, воспитаніность, тамъ еще съ младшихъ классовъ дѣлаются очень чутки къ тому, что хорошо и что нѣтъ, и развивается известное чувство общественности, которое и въ жизни будетъ содѣйствовать счастью и здоровью общества. Когда молодежи тѣмъ или инымъ образомъ идутъ на встрѣчу, то въ самомъ началѣ пресекается путь

тому опасному, революционному духу, который даеть себя знать уже на старшихъ ступеняхъ народной школы.

Директоръ Вальтеръ пишеть: „Мы чрезвычайно довольны результатами этого нововведенія... Въ старшихъ ученикахъ пробуждается чувство отвѣтственности, вызывается живой интересъ къ престижу школы внутри и виѣ ея. Хотя всегда должны царить хорошия товарищескія отношенія, старшіе приобрѣтаютъ тактъ и умѣніе, никого не обижая, безъ высокомѣрія—паводить среди младшихъ порядокъ и настаивать на исполненіи такихъ распоряженій; да и у младшихъ учениковъ непремѣнно получается такое впечатлѣніе, что участіе старшихъ въ наблюденіи за порядкомъ, воспитанностью и добрыми нравами имѣть значеніе для всей школы, и что каждый отдельный ученикъ, составляя часть одного великаго дѣлага, долженъ умѣть подчиняться... Ученики въ общемъ даже идутъ настолько далеко, что вмѣстѣ выступаютъ противъ нарушителя общаго мира, или, по крайней мѣрѣ, не поддерживаютъ такого ученика, какъ это иногда бывало раньше... Окончившіе школу часто ставятъ на видъ ту большую пользу для жизни, которую они получили отъ этого преобразованія школы, и благодарятъ за такое „приданое“ отъ школы, которое съ воспитательной стороны образуетъ существенное дополненіе къ тому знанію, „которое они выносятъ изъ школы“. Дополненіемъ можетъ служить письмо одного бывшаго „перваго префекта“ (старшій наблюдатель изъ учениковъ). Онъ утверждаетъ, что система самоуправленія сильно двинула впередъ его собственное самовоспитаніе. Чувство внутренней связи и взаимнаго тяготѣнія между руководителями и подчиненными, по его словамъ, совершенно устранило изъ школьнай жизни все, что вызываетъ чувства гнета и оппозиціи.

Мои собственные опыты убѣждаютъ меня въ томъ, что есть возможность то благо, которое заключается въ

школьномъ городѣ, перенести въ подходящей къ нашимъ отношеніямъ формѣ и на наши народныя школы, даже болѣе того, именно посредствомъ самоуправлѣнія можно повысить воспитательное значеніе нашихъ школъ.

Поэтому да будетъ мнѣ позволено сообщить кое-что относительно опытовъ въ моемъ классѣ.

III. Собственные опыты надъ самоуправлѣніемъ¹⁾.

1. Упражненія въ самообладаніи, какъ предварительная ступень.

Весною 1906 г. попалъ я въ Цюрихъ. Я дважды вѣль классъ, каждый разъ около 44 мальчиковъ изъ нидердорфскаго и гросмюнстерскаго кварталовъ, отъ V-го класса до перехода ихъ въ слѣдующую школу. Тогда я первый разъ въ моей жизни вполнѣ ясно созналъ, что самая важная работа учителя должна лежать въ области воспитанія. Повинуясь болѣе нуждѣ²⁾, нежели собственному влечению, я прибѣгъ къ самоуправлѣнію, какъ къ воспитательному средству. Уже одинъ возрастъ моихъ учениковъ вынуждалъ меня начинать съ малаго. И въ то время какъ я, параллельно умственному и нравственному росту класса, понемногу старался расширить и усовершенствовать начатое, въ обоихъ классахъ до самого конца оставался живой интересъ. Успѣхъ вполнѣ удовлетворилъ меня и въ томъ и въ другомъ случаѣ.

Набросанныя въ дальнѣйшемъ изложеніи упражненія въ гимнастикѣ воли должно понимать, какъ подготовку къ

¹⁾ Первыми побужденіями я обязанъ стать д-ра Фр. В. Ферстера „Демократія и школьная дисциплина“, въ швейцарскомъ Ежегоднике за 1906 г.

²⁾ Подробнѣе см. въ 1-омъ выпускѣ Швейцарскаго Педагогическаго журнала за 1908 г.

собственному самоуправлению. Къ тому же они служатъ ученикамъ средствомъ сознательно отнестись къ силамъ своей собственной воли.

Какой-нибудь поводъ допустимъ, даъ замѣтить, что только присутствіе учителя поддерживаетъ дисциплину. Тогда нужно вмѣшаться и объяснить, что только та дисциплина является истинной, которая дѣйствуетъ и въ отсутствіе учителя. Самое большое значеніе имѣть самодисциплина, только она свидѣтельствуетъ о силѣ. Ребята,—такъ продолжаетъ учитель,—ваша цѣль сдѣлаться разъ твердыми и крѣпкими мужчинами. Не ради учителя ходите вы въ школу, а ради вѣсъ же самихъ; не въ угоду учителю надо поддерживать порядокъ, но всѣ порядки школы установлены въ вашихъ интересахъ. Я охотно покажу вамъ, когда мы будемъ вмѣстѣ, путь къ самообладанію. Я вамъ укажу, какъ вы сами можете держать себя въ узѣ.

Чѣмъ яснѣе поймутъ ученики наши намѣренія, тѣмъ больше будетъ успѣха. Прежде всего я выбираю слѣдующія упражненія.

Никто не долженъ оглядываться, когда открывается дверь.

Никто не смѣеть откликаться, когда постучать въ классъ.

Учитель пишетъ на классной доскѣ. Какой удобный случай побѣдить себя, поупражняться въ самообладаніи, воздерживаясь отъ болтовни.

Кладя на столъ часы, я подзадориваю учениковъ по-работать разокъ въ теченіе пяти минутъ спокойно, не болтая, не поглядывая нальво, направо или въ окно, однимъ словомъ, не отвлекаясь.

Удастся такой опытъ, то въ глазахъ учениковъ сіяеть радость. Я обращаю ихъ вниманіе на то чувство силы, которое получается у нихъ, и повторяю опытъ на другомъ урокѣ, увеличивая внослѣдствіи испытаніе на 10, 15 минутъ. Кто уже пробовалъ что-либо подобное, тотъ

знаетъ, что ученики охотно берутся за это и гордятся своей силой. „Еще 10 минутъ!“—кричатъ они.

Пробнымъ камнемъ служать тѣ моменты, когда учителя вызываютъ изъ класса. Не всѣ выдерживаютъ это испытаніе (конечно, безъ наблюдателя и безъ угрозы наказаніемъ). Но часто учитель при возвращеніи застаетъ такую тишину, что хоть мышь пробѣжитъ, и то слышно.

Прекраснымъ упражненіемъ въ самообладаніи служить пріученіе учениковъ начинать работу по звонку, безъ особаго приглашенія; также и послѣ перемѣны, независимо отъ присутствія въ классѣ учителя.

Послѣднія два упражненія удаются, конечно, только тогда, когда каждый ученикъ совершенно точно знаетъ, что ему дѣлать.

Испытаннымъ также средствомъ въ борьбѣ противъ небрежности служить громкое, выразительное чтеніе и ясное произношеніе. Такъ какъ его можно примѣнять на любомъ урокѣ, то для борьбы съ излишней склонностью къ удобству врядъ ли найдется что-либо лучшее.

У нашихъ учениковъ есть также привычка марать и чиркать стѣны, столы — все, что у нихъ подъ руками. Борьба противъ этой дурной манеры должна начинаться уже съ кляксапира. Мелочность, не правда ли? Въ извѣстномъ смыслѣ — да; но въ борьбѣ противъ мелочей создается характеръ.

Полезно представлять вниманіе во время урока, какъ пробу силы, которая даетъ ученикамъ возможность укреплять свою волю.

Подобнымъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ письменными работами. Написать одну страницу и все исполнить на ней четко и красиво, ничего не зачеркивая, не забывъ ни одной точки, ни одной кавычки, это такое же напряженіе силы, какъ прыжокъ на турникѣ.

Телѣжка спускается по крутой улицѣ. Механизмъ такъ сильно напряженъ, что при каждомъ оборотѣ ко-

леса въ наши окна врывается пронзительный свисть. Вниманіе — тю, тю! Даже лучшіе ученики хихикаютъ и смотрять, какія гримасы скрочать другіе. Но даже и эти неустранимые въ нашемъ шумномъ Цюрихѣ помѣхі даютъ поводъ упражняться въ сосредоточиваніи вниманія, въ закаливаніи воли. Какъ нуждается въ подобныхъ упражненіяхъ наша городская молодежь, это прежде всего бросается въ глаза учителю, пріѣзжающему изъ деревни.

Чтобы дѣлать свои указанія болѣе убѣдительными, я обращаю вниманіе учениковъ на тѣ наблюденія, которыя они сами дѣлаютъ на улицѣ и которыя показываютъ имъ, какъ повседневная жизнь даже къ самымъ простымъ людямъ (вагоновожатому, кучеру, шофферу) предъявляетъ большія требованія относительно умѣнья сосредоточивать вниманіе. Я напоминаю имъ также о „множествѣ желѣзодорожныхъ и почтовыхъ служащихъ, о служебномъ персоналѣ торговыхъ домовъ..., о легіонахъ фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ, которые посреди грохота машинъ, посреди самой шумной людской толчей должны совершать мыслительную работу и умѣть соображать, не теряя при этомъ головы. Можно ли себѣ, напр., представить полководца, который издастъ свои распоряженія, сидя въ спокойномъ своемъ рабочемъ кабинетѣ? Развѣ не приходится, ему въ то время какъ кругомъ носится смерть и разрушеніе, среди такой обстановки совершать мыслительную работу, принимать рѣшенія и отдавать приказанія въ моменты самого большого возбужденія? Конечно, и они были когда-то учениками и не обладали энергией въ такой степени. Но одного взгляда на практическую жизнь вполнѣ достаточно, чтобы намъ вполнѣ стало ясно, что нельзя достаточно рано приняться за пріученіе къ самообладанію. Вѣдь какое значеніе въ послѣдующей жизни имѣеть это искусство самообладанія! ¹⁾.

¹⁾ Д-ръ Г. Шварцъ: „Школа и жизнь”, стр. 37 и 38.

Мы идемъ на Уто! — заявляютъ однажды послѣ обѣда. Кто можетъ добраться до вершины горы, не пивши воды? Я хочу посмотретьъ, у кого хватитъ воли, побѣдить свою жажду! — Послѣ такого опыта я обращаю вниманіе учениковъ на хорошія послѣдствія воздержанія. Они и сами находятъ, что они такъ же свѣжі, какъ и прежде. Быть-можетъ, тотъ или другой изъ нихъ и вспомнить о другой прогулкѣ, когда онъ отъ постояннаго питья воды сильно потѣль, а жажда возбуждалась еще больше и онъ обезсилѣль.

Признаніе, что ученики тоже могутъ сдѣлать своими силами, вызываетъ въ нихъ охоту, и даже сами они иногда продолжаютъ то или иное упражненіе въ само-преодолѣніи. А все, что они сами изобрѣли, принимается съ двойною радостью.

Нѣкоторая изъ вышеупомянутыхъ упражненій можно, конечно, предпринимать уже въ самыхъ младшихъ классахъ. Здѣсь было бы умѣстно разскѣзать объ одномъ случаѣ изъ времени моего собственнаго юношества. Онъ показываетъ, что уже очень рано можно начинать съ пріученіемъ къ самообладанію.

Моимъ первымъ учителемъ былъ добренѣкъ, простой старичекъ. Разъ, когда мы во время урока пѣнія стали зѣвать одинъ за другимъ, онъ сказалъ намъ, что это дурная привычка, съ которой намъ надо бороться. Я еще помню, какъ долго я думалъ тогда обѣ этомъ, и какъ я пробовалъ совладать съ зѣваніемъ. И вотъ я тогда замѣтилъ одну взрослую дѣвушку, которой хотѣлось зѣвать. Я видѣлъ, какъ у нея начиналъ открываться ротъ, но она сильно сжимала губы. Ага, вотъ какъ это дѣлаютъ, подумалъ я; надо и мнѣ это попробовать. Всестаки мнѣ долго не удавалось; и всякий разъ тогда только вспоминаль про дѣвушку, когда мой ротъ былъ уже опять закрытъ. Но постоянное вспоминаніе о принятомъ рѣшеніи привело, наконецъ, къ успѣху. Я научился ду-

матъ во-время обѣ этомъ и въ концѣ концовъ привыкъ удерживаться отъ зѣванія во время урока.

Такимъ образомъ, уже на младшей ступени свободно можно то тутъ, то тамъ отказываться отъ авторитетнаго „ты долженъ...!“ и аппеллировать къ собственной волѣ ребенка.

Но: если ты хочешь идти далеко, то начинай свой путь шагомъ! Если слишкомъ быстро повышать требованія, то достигнешь обратнаго тому, что задумалъ. Вмѣсто того, чтобы пробуждать силы, дѣлаютъ ихъ вялыми. А отсутствіе энергіи производить ту подавленность воли, которая дѣлаетъ человѣка неспособнымъ собраться съ духомъ. Только удавшіеся опыты убѣждаютъ насъ и прибавляютъ силы; только тѣ задачи, до которыхъ молодежь доросла, вызываютъ то уваженіе къ себѣ и увѣренность въ своихъ силахъ, которые образуютъ залогъ дальнѣйшаго успѣха. Мейманъ доказалъ научнымъ путемъ, что мы самымъ плодотворнымъ образомъ вліаемъ на чувство и волю ученика, если показываемъ ему, что онъ можетъ сдѣлать¹⁾. Опытные учителя тоже скоро замѣчаютъ это и стараются внушить своимъ ученикамъ бодрость и увѣренность въ себѣ, пробуждаютъ вѣру въ свои силы.

Указанными средствами самообладанія ученики должны стремиться не къ той слѣпой дисциплинѣ, при которой никто не смѣеть пикнуть. Абсолютный покой достигается только военной строгостью и неумолимымъ принужденіемъ. Такого рода веденіе школы и не нужно и не хорошо. Но когда-нибудь надо же молодому человѣку постичь, какое значеніе имѣть извѣстная концентрація воли, приложеніе всѣхъ силъ къ достижению одной цѣли, отъ стремленія къ которой насъ не могутъ отвлечь никакія напеѣтанія или вліянія.

¹⁾ Мейманъ. „Лекціи по введенію въ экспериментальную педагогику“, т. I.

Меньшинство учениковъ поймутъ насъ сразу. Но многие привыкли слушаться только принужденія. На нихъ производить впечатлѣніе только физическая сила. Они исполняютъ свой долгъ, когда у нихъ есть увѣренность, что ничего недѣланіе съ неумолимой послѣдовательностью влечетъ за собою наказаніе. Другіе думаютъ также, что достаточно сдѣлали для самообладанія, если они, напримѣръ, не болтаютъ, а объясняются знаками. Но зато бываютъ и такие, которые умѣютъ понять, что внутреннее побужденіе выше вѣнчнаго принужденія, что есть силы, которая выше тѣлесныхъ и должны подчинять тѣлесныя силы себѣ, что добрая воля мало-по-малу должна дѣлать излишнѣй вѣнчнѣе принужденіе. И мы должны считаться съ такими болѣе тонкими натурами. Какъ только тотъ или другой пойметъ наши болѣе глубокія намѣренія, нами уже достигнуто нѣчто великое. Какъ только лучшіе ученики станутъ на нашу сторону, то ихъ примѣръ послѣдуютъ другіе, третій...

2. Проведеніе системы.

Когда ученики подготовлены описаннымъ выше образомъ, тогда можно перейти къ настоящему самоуправлѣнію¹⁾. Дисциплина принимаетъ тогда все болѣе и болѣе демократический характеръ въ томъ смыслѣ, что вмѣстѣ съ учителемъ и отдельно отъ него дѣйствуютъ также ученики и несуть ответственность за поддержаніе добрыхъ нравовъ и порядка. Обыкновенно стоять за то, чтобы дисциплинарныя мѣропріятія рѣшала только воля

¹⁾ Это еще не значитъ, что теперь надо прекратить тѣ упражненія, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ, и подобная имъ. Различные ступени самоуправлѣнія, конечно, переходятъ другъ въ друга незамѣтно; и вслѣдствіе этого открываются доступъ къ низшимъ. Въ классѣ дѣло дѣлается не такъ систематично, какъ на бумагѣ, где уже ради простой наглядности нельзя обойтись безъ строгаго расчлененія.

воля учителя, безъ всякихъ ограничений. Однако въ слѣдующей главѣ будеть подробно указано, что и въ этой области приходится рѣшать такія задачи, въ которыхъ можетъ имѣть значеніе самостоятельная дѣятельность и собственная воля ученика. Конечно, на мое выступленіе въ этомъ дѣлѣ надо смотрѣть только, какъ на ищущую попытку, и судить о немъ съ точки зренія моихъ особыхъ отношеній.

Въ послѣднемъ классѣ я начинай съ того, что предлагалъ ученикамъ для обсужденія проблемы внѣшнаго порядка. Какъ и въ какомъ родѣ это бываетъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Я привыкъ быть уже въ классѣ, когда за десять минутъ до звонка открываютъ школьнное зданіе. Обыкновенно или нужно бываетъ что-либо приготовить, или я просматриваю съ нѣкоторыми учениками какую-либо работу. Часто мнѣ мѣшили, и вотъ я поэтому въ ближайшій урокъ морали разбиралъ такую тему: "Передъ началомъ уроковъ". Я сказалъ ученикамъ, какъ мнѣ трудно при такомъ шумѣ работать. Пусть они сами придумаютъ средства и мѣры, которыя могли бы установить разумный порядокъ. Произошли слѣдующія пренія, изъ которыхъ я отмѣтилъ важнѣйшее.

Ученикъ X. Мы не будемъ прыгать кругомъ, а будемъ оставаться на мѣстѣ.

Д. Лучше еще разъ просмотрѣть заданное.

В. Мы посмотримъ, въ какомъ порядке идутъ уроки, и приготовимъ школьнныя пособія къ первому уроку.

Гб. Нѣть, споемъ пѣсню.

В. Изъ этого ничего не выйдетъ: одинъ одно предложить, другой—другое. Будетъ ревъ и скора.

К. Но съ сосѣдомъ можно болтать, это никому не мѣшаетъ. Учитель отлично можетъ съ какимъ-либо ученикомъ поправлять тетрадки. А хлопанье линейками и книжками надо прекратить.

Г. Да, да! Нельзя запрещать смѣяться и разговаривать передъ началомъ уроковъ.

З. Если позволить разговоры передъ началомъ занятій, то къ этому привыкнешь и будешь болтать и во время урока.

Д. Время до и послѣ уроковъ есть время для разговоровъ; перемѣна — тоже. Зато во время урока мы будемъ спокойны.

В. Нельзя позволить разговоры. Если Д. и Б. (сидящіе въ разныхъ концахъ класса) захотятъ сказать что-либо другъ другу, они должны будуть кричать, другіе послѣдуютъ ихъ примѣру, и опять поднимется прежній шумъ.

Б. Кто хочетъ что-либо сказать, можетъ подождать перемѣны.

А. Но тогда Д. все время будетъ думать объ этомъ во время урока. Онъ не будетъ слѣдить за дѣломъ. Лучше все-таки позволить разговоръ до уроковъ.

М. Если бы разговоръ былъ запрещенъ, многіе все-таки не стали бы слушаться.

Б. Лучше всего позволить разговоръ. Мы постановимъ, чтобы говорили только тихо. Если кто забудетъ это, мы ему напомнимъ тумакомъ.

Сп. Не годится: онъ обидится и дастъ "сдачи". Достаточно ему просто сказать.

Меня радовала откровенность обмѣна мнѣній. Пренія были интересны также и потому, что я вовсе не упоминала о какомъ-либо запрещеніи разговаривать. Затѣмъ я замѣтила ученикамъ, что мы еще не пришли къ концу. Я просто не хотѣла терпѣть шумъ. Я вѣрю ихъ добромъ желанію помочь мнѣ въ случаѣ надобности установить въ нашемъ классѣ хороший порядокъ. Итакъ, пренія продолжались.

Х. Чтобы меныше было шума, надо по крайней мѣрѣ прекратить возню. Тогда и пыли будеть меныше.

Г. Вѣдь можно и книгу почитать.

Д. Когда одинъ хочетъ что-либо сказать другому, онъ можетъ къ нему подойти. Не надо только кричать, ловить другъ друга, будемъ вообще избѣгать безпорядка.

Учитель. Вотъ выходъ, который я принимаю. Затѣмъ я требую отъ васъ, чтобы порядокъ царилъ въ классѣ?

В. Намъ надо держать себя въ рукахъ.

Х. Мы уже въ школѣ должны привыкать вести себя прилично, чтобы и въ другомъ мѣстѣ быть такими же. Кому въ школѣ надо пынью, тотъ и въ другомъ домѣ безъ нея оплошаєтъ.

І. Классѣ есть мѣсто для работы, а вовсе не для игры.

Послѣ этого я сдѣлала резюме преній и вывѣсила его на стѣнѣ. (Смотри ниже: Законъ класса, § 1: Передъ началомъ уроковъ).

Уже то, что мы привлекаемъ классъ къ тѣмъ задачамъ, который до сихъ поръ касались только учителя, сближаетъ насъ съ учениками.

Затѣмъ, открытый обмѣнъ мнѣній показываетъ мнѣ,

поняли ли меня мои ученики. Вѣдь, можетъ-быть, многія требованія только оттого не соблюдаются, что дѣтямъ приходится пассивно относиться къ нимъ; они вовсе не понимаютъ внутренняго значенія нашихъ мѣропріятій; многое въ одно ухо входитъ, а въ другое выходитъ. Чѣмъ старше и смысленнѣе дѣлаются ученики, тѣмъ больше главнымъ средствомъ нашего вліянія должно быть убѣжденіе. Только на этомъ пути можно съ наибольшей вѣроятностью разсчитывать на вѣрный и прочный результатъ воспитанія. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы въ эти 10 минутъ было тихо, то, конечно, было бы излишней тратой времени и силъ столько говорить о поведеніи дѣтей. Тогда проще было бы приказать, чтобъ было тихо. Но разнообразіе отвѣтовъ показываетъ, что ученики сначала нѣсколько путались, ошибались, и только путемъ размышленія и сравненія достигли полной ясности. И этотъ послѣдній способъ есть единствено достойный мыслящаго человѣка, а вовсе не тотъ, который просто принимаетъ все на вѣру.

Далѣе, живость діалога свидѣтельствуетъ о большомъ интересѣ, съ которымъ ученики отнеслись къ предмету преній, и показываетъ, что они и сами были убѣждены въ необходимости болѣе строгаго порядка. Мы не можемъ оставлять безъ вниманія того, что самоуправліе должно быть проведено лишь настолько, насколько его нормы служатъ выражениемъ того, что сами ученики — по крайней мѣрѣ лучшіе среди нихъ — чувствуютъ необходимымъ. Ихъ правила должны, какъ и всѣ, впрочемъ, законы общественной жизни, нарождаться изъ убѣжденія, что что-нибудь не то, чѣмъ оно должно быть. Не надо только ничего привлекать искусственнымъ образомъ! Все должно выростать изъ школьнай жизни и по мѣрѣ возможности вырабатываться самими учениками.

Далѣе, путемъ подобного открытаго обмѣна мнѣній учитель научается узнавать образъ мыслей своихъ уче-

никовъ, а это очень важно. Какъ ни одно правительство не можетъ долго дѣйствовать наперекоръ живущему въ большей части народа общественному мнѣнію, такъ и учителю нельзя оставлять безъ вниманія образъ мыслей класса. Мы должны стараться познакомиться со взглядами, опытомъ и сферой мыслей молодыхъ людей и, исходя отсюда, заинтересовать ихъ болѣе высокими идеалами. Только когда мы узнаемъ ихъ образъ мыслей, мы въ состояніи имъ показать, гдѣ ихъ сужденіе правильно и почему то или иное дѣяніе заслуживаетъ наказанія. Тогда ученики почувствуютъ, что учитель не затѣмъ только наказываетъ, чтобы воздать, отомстить и запугать, а, напротивъ, имѣеть въ виду ихъ благо, ихъ будущее. Помѣдствомъ взаимнаго уразумѣнія мы можемъ также лучше всего внушить ученикамъ тѣ масштабы, по которымъ мы сами мѣримъ нравственныя цѣнности.

Потомъ такимъ же образомъ возникло известное число новыхъ правильныхъ поведенія. Первоначальная робость учениковъ скоро исчезла; они научились всякие свои проекты, наблюденія излагать и обосновывать въ стройныхъ предложеніяхъ. Сила ихъ рѣчи и точность въ сужденіяхъросли. Я предложилъ своимъ мальчуганамъ самимъ составить проектъ, какими способами и средствами можно было бы, по ихъ мнѣнію, завести въ классъ строгій порядокъ. И они воспользовались этимъ правомъ. Если въ ихъ проектѣ была хорошая мысль, я не отказывался обсудить ее съ цѣлью классомъ и использовать его затѣмъ въ наши „законы класса“. Такимъ образомъ, со временемъ образовалось нѣчто въ родѣ правильныхъ поведеній, установленныхъ при содѣйствіи класса.

Вскорѣ явилась необходимость создать органы для наблюденія за исполненіемъ установленныхъ правиль. Избрание классныхъ наблюдателей производилось съ самого начала классомъ подъ руководствомъ учителя, почти каждыя четыре недѣли въ такъ называемыхъ ежемѣсяч-

ныхъ собранияхъ. Ученики дѣлали предложения, и кто въ открытомъ голосованіи получалъ абсолютное большинство голосовъ, тотъ и былъ выбранъ (на вторичныхъ выборахъ дѣло рѣшалось относительнымъ большинствомъ). Впослѣдствіи они получили также право подобнымъ же образомъ занимать и другія „должностишки“, которыхъ существовали уже и раньше, но число которыхъ было теперь увеличено и компетенція расширена.

Такъ возникла въ теченіе двухъ лѣтъ конституція класса, которую я ниже приведу дословно. По этому поводу надлежитъ замѣтить, что письменное закрѣпленіе такого правопорядка въ маленькомъ государствѣ-классѣ, выборы и другія вѣнчаности—отнюдь не должны быть разматриваются, какъ что-то существенное. А то, напримѣръ, возражаютъ, что лучше было бы, если бы законы класса оставались только въ памяти учениковъ¹⁾. Будь я учителемъ въ классѣ дѣвочекъ, я бы тоже дѣйствовалъ въ согласіи съ этимъ взглядомъ. Но такъ какъ мнѣ предстояло вести мальчиковъ, будущихъ носителей демократіи, я не хотѣлъ пропустить удобнаго случая дать имъ маленький наглядный урокъ государственного права.

I. Законы класса.

1. Передъ началомъ уроковъ.

- Классная комната есть мѣсто, где мы работаемъ. Она не должна обратиться въ мѣсто для игры и шатаанья.
- Всякій приличный мальчикъ поддерживаетъ въ классѣ порядокъ и благонравное поведеніе.
- Крикъ, возня и драка линейками воспрещаются.
- Пока звонкомъ не подать знакъ начала занятій, каждый можетъ вставать съ мѣста (подойти къ картѣ и т. д.) и разговаривать съ сосѣдомъ.

2. Перемѣна.

- Каждый мальчикъ долженъ всегда, и въ коридорѣ и на дворѣ, такъ вести себя, чтобы не уронить честь класса.

¹⁾ Месмеръ: *ibid.* II, 1, стр. 252.

- Въ учебное время никто не долженъ ходить черезъ дворикъ, что рядомъ со школой, такъ какъ тамъ бываютъ въ перемѣну дѣвочки, а у мальчиковъ есть собственный дворъ.
- Послѣ перемѣны каждый долженъ безъ разсужденій спокойно сидѣть на мѣстѣ и приниматься за работу, даже если нѣтъ еще учителя въ школѣ.

3. Порядокъ и чистота.

- На полу не должно валяться обрывковъ бумаги, карандаша и т. д.
- На крышкахъ учебныхъ столовъ ничего не должно быть написано.
- У каждого ученика должна быть тряпочка для вытирания перьевъ.
- Всякій порядочный мальчикъ приходитъ въ школу умытымъ и причесаннымъ.
- Передъ каждымъ урокомъ рисованія руки должны быть вымыты.
- Всѣ книги всегда должны быть обернуты въ чистую бумагу.

II. Списокъ должностей.

1. Блюстители порядка.

- Блюстители порядка отвѣчаютъ за порядокъ и чистоту въ классной комнатѣ.
- Всякій день послѣ окончанія уроковъ они дѣлаютъ осмотръ, подбираютъ обрывки бумаги и т. п., и задерживаютъ неаккуратныхъ, чтобы они позаботились о порядкѣ на своемъ мѣстѣ.
- Передъ всяkimъ урокомъ рисованія они заранѣе становятся у двери и не пропускаютъ въ классъ никого съ неумытыми руками.
- Кромѣ того, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, они провѣряютъ, соблюдается ли ихъ товарищами правило 4-ое въ § 3 законовъ класса.
- Этотъ осмотръ происходитъ до начала уроковъ, но не долженъ быть заранѣе извѣстенъ.
- Каждый при входѣ въ классъ долженъ явиться къ блюстителю порядка. Неопрятные отсылаются къ колодцу.
- Далѣе, блюстители порядка слѣдятъ за тѣмъ, чтобы каждый ученикъ имѣлъ тряпочку для вытирания перьевъ, и чтобы всегда всѣ книги были снабжены опрятною обложкой. Каждую недѣлю производится соответствующая смотръ.
- Блюстителямъ порядка предоставленъ также надзоръ за ватерклозетомъ класса (забота о бумагѣ и пр.).

2. Три сборщика тетрадей.

- Они раздаютъ къ началу каждого урока тетради и нужные учебные пособія.
- Послѣ урока они все въ порядкѣ прячутъ въ ящикъ. Ни одна книжечка не должна быть положена въ ящикъ не вымытой.
- Съ циркулемъ и его частями обращаться особенно заботливо.
- Тотъ, который избранъ большімъ числомъ голосовъ, завѣдуетъ ящикомъ. Онъ несетъ ответственность за то, чтобы въ ящикѣ все было всегда въ прекрасномъ порядкѣ и всѣ вещи всегда налицо.

3. Чистильщик досокъ.

1. Чистильщик досокъ долженъ заботиться о чистотѣ классныхъ досокъ.
2. Онъ также наполняетъ водою лейку и отъ времени до времени чистить умывальникъ.

4. Служащій у каѳедры.

1. Въ случаѣ надобности онъ исполняетъ порученія учителя.
2. Послѣ уроковъ онъ все снимаетъ съ каѳедры и прачтеть тетради, мѣль, сборную кружку и т. д. въ пультъ, а книги въ ящикъ.
3. Онъ помѣщаетъ въ книжечкѣ опаздывающихъ учениковъ.

5. Открыватель оконъ.

1. Онъ остается на всю перемѣну въ классѣ и заботится о доста-
точномъ освѣженіи.
2. Во время перемѣны онъ прекращаетъ дѣйствіе въ классѣ цен-
трального отопленія. Если въ концѣ перемѣны термометръ все
еще стоитъ выше 16 градусовъ Цельзія, то онъ оставляетъ ото-
пленіе закрытымъ.
3. Онъ отвѣчаетъ за то, чтобы ни одинъ ученикъ не оставался въ
классѣ во время перемѣны.
4. Какъ только дадутъ звонокъ „обратно въ классъ“, онъ стано-
вится у двери и удерживаетъ бѣгомъ врывающихся учениковъ.
5. Затѣмъ онъ становится передъ классомъ и приглашаетъ начи-
нать работу.

6. Примѣрные гимнасты.

1. Какъ только классъ раздѣлится на два отдѣленія для какого-
либо упражненія, примѣрные гимнасты приступаютъ къ руково-
дству послѣднимъ, вмѣсто учителя ¹⁾.
2. Они отвѣтственны за дисциплину своего отдѣленія.
3. Они должны показывать каждое упражненіе и добросовѣстно
правлять невѣрные приемы своихъ товарищъ.

7. Завѣдующій цвѣтами.

1. Завѣдующій цвѣтами заботится о горшкахъ съ цвѣтами.
2. Всякий понедѣльникъ онъ даетъ имъ съ кончикомъ ножа полную
порцію поваренной соли.

8. Собиратель серебра ²⁾.

1. Собиратель серебра заботится объ открытии коллекціи листового
олова.

¹⁾ Это бываетъ только при упражненіи на снарядахъ, именно тогда, когда требуется пройти какое-либо новое упражненіе (напр., прыжокъ на перекладинѣ). Такъ какъ съ большими классомъ на снарядахъ совершенно нельзя правильно использовать время, то я очень рекомендую такой выходъ.

²⁾ Названія придуманы учениками.

Не упомянута здѣсь должность такъ называемаго собирателя листьевъ; потому что послѣ на нее не выбирали. Лѣтомъ отчасти отдельные ученики, отчасти весь классъ собирали во время естественно-научныхъ эксперсій листья и просто вѣточки, которыми мы усердно пользовались зимою на урокахъ рисованія. Одинъ ученикъ получилъ уголь въ классѣ, и ему указанъ былъ необходимый матеріалъ. Онъ наклеивалъ сухія листья на старую бумагу отъ рисованія. Онъ несъ отвѣтственность за исправ-
ное состояніе коллекціи и зимою, когда она была нужна.

Я нахожу, что нѣть лучшаго средства для поддер-
жанія живого интереса, какъ предоставить самимъ ученикамъ надзоръ за исполненіемъ установленныхъ ими
правилъ поведенія. Такая ревизія происходитъ на упомя-
нутыхъ уже мѣсячныхъ собраніяхъ. Тамъ каждый ухо-
дящій въ отставку обладатель какой-либо должности мо-
жетъ сообщать всякия свои наблюденія и возбуждать
новыя начинанія. Затѣмъ слово переходитъ въ остальнымъ.
Горе тому, кто злоупотреблялъ своею должностю или
недостаточно серьезно отнесся къ связаннымъ съ нею
обязанностямъ, или же самъ нерадиво чтилъ законы,
исполненія которыхъ требуетъ отъ другихъ. Чрезвычайно
интересно видѣть, какъ послѣдовательны и неумолимы
дѣти въ примененіи законовъ, изданныхъ при ихъ со-
дѣйствіи и подъ ихъ отвѣтственностью. Ихъ критика
всегда строга; иногда даже приходится учителю опредѣ-
лять правильную мѣру упрекамъ, раздающимся по адресу
ученика, который былъ облечень какимъ-либо званіемъ и
должностю. Многіе особенно скорые на осужденіе по-
лучать порядочную головомойку со стороны болѣе добро-
желательныхъ товарищъ.

Меня уже спрашивали, всегда ли находится доста-
точно желающихъ на эти маленькия должности, которые
требуютъ далеко не малаго труда. Минъ даже рассказы-
вали, что въ тѣхъ мѣстахъ, где пробовали ввести ичто

подобное, дѣти со слезами противились принятию такого рода обязанностей. Это замѣчаніе меня прямо изумляетъ: вѣдь, мой опытъ показываетъ какъ-разъ обратное. Сколько уже случаевъ я видѣлъ, что многіе едва сдерживаютъ слезы, когда ихъ предложатъ въ кандидаты, а они проvalятся. Вначалѣ часто случалось, что кто-либо самъ себя предлагалъ, пока я не сталъ отмѣтить это, какъ недостойное. А позднѣе еще чаще я наблюдалъ, что друзья стараются оказать взаимную услугу, предлагая одинъ другого. (Развѣ не такъ это происходитъ и въ высшей политикѣ?)

Обыкновенно выходящіе въ отставку больше не избираются. Въ послѣднемъ классѣ я установилъ, что уже всѣ выбиравались. Благоразумные мальчики предлагали своихъ товарищѣй уже на томъ основаніи, что они давно не исправляли или ни разу еще не были на такой-то должности. Въ общемъ, вѣрными своей должности были тѣ же, которые и въ ученикѣ оказывались самыми способными, и эти лучшіе элементы обыкновенно побѣдно проходили на выборахъ.

По большей части ученики умѣютъ для самыхъ разнобразныхъ задачъ находить подходящихъ людей. Такъ, я, напримѣръ, замѣтилъ, что въ примѣрные гимнасты всегда предлагаются такихъ учениковъ, которые и въ школѣ играютъ извѣстную роль въ этомъ дѣлѣ.

Избраникамъ класса приходилось не сразу исполнять всѣ задачи, которыхъ перечислены въ спискѣ должностей. Желаніе пріохотить избранника къ чему-либо новому исходило часто отъ учителя, часто также и отъ класса, но чаще всего бывало такъ, что какой-либо вѣрный исполнитель обязанности по своей должности добровольно принималъ на себя ту или иную необязательную работу, а затѣмъ его преемники молчаливо наслѣдовали ее.

Едва ли что-нибудь такъ поощряетъ учениковъ, какъ если они займутся какой-либо работой подъ собственной

отвѣтственностью, когда они могутъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и за послѣдствія своего поведенія отвѣтить передъ учителемъ и товарищами. Всякій, кто въ теченіе извѣстнаго времени исправлялъ какую-либо отвѣтственную должность, выигрываетъ въ нравственной силѣ. Такое наблюденіе подтверждаютъ мнѣ и родители и прибавляютъ, что съ тѣхъ поръ дѣти ихъ стали съ большей охотой ходить въ школу.

Часто трогательно бываетъ смотрѣть, съ какой добросовѣтностью и усердіемъ дѣти исполняютъ свои обязанности. Вотъ, напримѣръ, у „блестителей порядка“ вышла вся оберточная бумага — и вдругъ она снова у нихъ въ изобилії: тутъ я узнаю, что кто-то пожертвовалъ на это свой двугривенный, только что имъ полученный. Туда же, на выручку товарищѣй, приносить одинъ изъ „тріумвировъ“ исписанной бумаги изъ конторы своихъ родителей, и другой тащить для общей пользы мыло и ручную щетку. Служащий при каѳедрѣ подходитъ къ моему столу и прикрѣпляетъ къ нему тряпочку для обтирания перьевъ; каждую перемѣну онъ исправно кладетъ на мой столъ ту книгу, которая понадобится мнѣ на слѣдующемъ урокѣ, и т. д.

Кто примѣняетъ самоуправление учениковъ, тому не приходится тратить такъ много времени на заботу о всякихъ мелочахъ; и говорить ему много не нужно, онъ избавленъ отъ множества замѣчаній, которыми такъ часто прерывается урокъ. Такимъ образомъ, самоуправление учениковъ означаетъ для учителя извѣстное облегченіе отъ бремени. На этотъ фактъ особенно слѣдуетъ обратить вниманіе сельскимъ учителямъ, имѣющимъ въ одномъ помѣщеніи много классовъ сразу¹⁾.

¹⁾ Какъ разъ такие смѣшанные классы высшихъ и начальныхъ школъ представляютъ плодотворную почву для идеи самоуправления. Кому надо вести учениковъ высшей ступени народной школы, тотъ, конечно, можетъ пойти и дальше, чѣмъ я на моей ступени. Такъ, въ Цухвицкой практической школѣ въ Золотурѣ, где

Какъ бы то ни было, нехорошо, когда воспитатель вмѣшиваются во все, что происходит среди учениковъ. Тамъ, гдѣ развиты жалобы и предательство, не можетъ быть никакой солидарности, никакого общественного чувства, не могутъ быть воспитаны хорошия характеры. Учениковъ, которые обращаются къ намъ изъ-за всякихъ пустяковъ, надо отсылать назадъ и давать имъ понять, что они сами должны справляться со своими мелкими несогласиями и только въ трудныхъ случаяхъ обращаться за помощью къ учителю.

На площадкѣ для игръ тоже примѣнно требование Жанъ-Поль-Рихтера: „Воспитывайте дѣтей дѣтьми!“ Здѣсь самоуправление прямо-таки само собой разумѣется. Тамъ мальчикъ можетъ развивать свои личныя способности, но и услышать: „Надо строго соблюдать правила и ни въ какомъ случаѣ не обходить ихъ! Всякий долженъ стоять на своемъ мѣстѣ, подчиняться условіямъ, которыхъ созданы игрою, ея мѣстомъ и участниками и изо всѣхъ силъ стремиться къ цѣли, по принципу: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!“ Никто не долженъ вмѣшиваться, всѣ должны подчиняться командиру. Знатоки Англіи постоянно увѣряютъ насъ, что міровое могущество этой страны поконится на мощной личности ея представителей. Но, вѣдь, и силу воли, и необходимую самоувѣренность, и индивидуальную твердость, и самодисциплину,—все это они вырабатываютъ преимущественно на мѣстѣ для игръ. Если мы захотимъ достигнуть чего-либо подобнаго, то, во всякомъ случаѣ намъ удастся лишь немногіе номера поставить въ программу одного сезона игръ (юношескія игры). Но съ одиннадцати- и двѣнадцатилѣтними мальчиками можно уже наладить дѣло при помощи двухъ-

тоже сдѣланы удачные опыты съ самоуправлениемъ и хотяъ твердо его держаться, напримѣръ, въ собраніяхъ школьнай общины преніями руководить ученикъ (во всякомъ случаѣ, въ присутствіи учителя).

трехъ игръ. Только упражненіе въ теченіе болѣе долгаго времени приноситъ съ собою знаніе правильнаго, вплоть до самыхъ тонкихъ ея оттѣнковъ, которое переходитъ въ плоть и кровь. Тогда пробуждается также корпоративный духъ, для котораго всѣ правила игры сами собой разумѣются, а наша постоянная помощь оказывается излишней.

Привести въ дѣйствіе ученическій судъ я не хотѣлъ. Во всякомъ случаѣ, мѣсячныя собранія могли до извѣсной степени вліять на наказанія, поскольку послѣдними карались нарушенія правилъ, созданныхъ самимъ классомъ. На самихъ же классахъ уполномоченныхъ ни разу не приходилось налагать наказанія. Критики на ежемѣсячномъ собраніи бывали совершенно достаточно, чтобы устранить болѣе грубые нарушенія правилъ. Напротивъ, отдѣльные ученики уже привлекались „должностными“ лицами къ ответственности за проступки противъ законовъ класса. Когда виновность бывала ясна, я предоставлялъ по большей части классу устанавливать степень наказанія. Когда кто-либо подвергается наказанію не по одной лишь волѣ учителя, а при содѣйствіи товарищей, то приговоренный гораздо менѣе склоненъ жаловаться на несправедливость и пристрастіе. Самыми обычными наказаніями были: исключеніе изъ мѣсячнаго собранія, составленіе сочиненіца на тему „Какъ приличному мальчику держать себя въ классѣ?“, списываніе классныхъ законовъ во время параллельного урока.

Разъ ученики заставили Х. попросить у меня прощенія потому, что онъ мнѣ дерзко налагалъ. Другой разъ обвиняли К. въ томъ, что онъ преслѣдуje маленькихъ учениковъ и жестоко обижаетъ ихъ. На мое замѣчаніе, что ученики должны помочь мнѣ отучить отъ этого К., одинъ предложилъ исключить его изъ игръ и товарищества. Классъ въ теченіе трехъ дней проводилъ эту мѣру.

Это были единственные случаи въ этомъ родѣ. Ихъ тоже достаточно, чтобы показать, что съ помощью самоуправлениія можно создать черезъ учениковъ нѣкоторую корпоративную отвѣтственность и изолировать дурные элементы. Бывало, что при обсужденіи подобныхъ случаевъ поднимались ученики и апеллировали къ классу. Если они и имѣли на дѣлѣ очень мало успѣха, то такія происшествія показываютъ, что означенныи воспитанники чувствовали себя обязанными слить свою волю воедино съ волею учителя, а это въ концѣ концовъ и есть цѣль нашихъ воспитательныхъ мѣропріятій.

3. Важность для государственного устройства.

Цѣлью каждого государственного учрежденія является служеніе обществу. То же относится и къ школѣ. Каждый классъ—какъ бы часть общества; на всѣхъ учениковъ дѣйствуютъ соціально-психическіе, смѣняющіеся факторы. Но классъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ небольшую, похожую единицу, которая нуждается въ извѣстномъ правилопорядкѣ.

Въ школахъ, следовательно, представляется удобный случай для развиванія гражданскихъ чувствъ, а такого удобного случая больше не встрѣтится.

Особенно старшіе классы даютъ хорошую основу, на которой молодежь можетъ быть прекрасно подготовлена для народного единства, для государства. Мы должны только использовать этотъ случай, возможно лучше развить школьнную жизнь и облегчить ее, практическіе опыты отдѣльного ученика въ его отношеніяхъ къ товарищамъ и къ учителямъ направить должнымъ образомъ и указать ученикамъ на задачи и цѣли общества, поскольку оно представлено классомъ. Мы можемъ еще и тѣмъ возвысить государственно-гражданское воспитаніе, что мы его вышеописаннымъ образомъ организуемъ и въ немъ отразимъ свободолюбивыя учрежденія отечества.

Посредствомъ элементарнаго нагляднаго обученія, которое мы такимъ образомъ преподаемъ ученикамъ, создаются очень важныя апперцепціонныя опоры для отечествовѣдѣнія. Кому приходится преподавать на первыхъ ступеняхъ, гдѣ впервые является—исторія, какъ отдѣльный предметъ, знакомъ съ затрудненіями, которыя надо преодолѣть.

На высшихъ ступеняхъ народной школы, гдѣ проходитъ новая и новѣйшая исторія съ описаніемъ борьбы за конституцію, затрудненія еще болѣе растутъ. Преподаванію исторіи грозить тогда опасность стать абстрактнымъ. Если же мальчуганамъ приходится заучивать понятія, ничего для нихъ не говорящія, то они исполняются противодѣйствія и отвращенія къ изученію государственного устройства. Быть можетъ такимъ образомъ какъ разъ разовьется то, что это преподаваніе должно было уничтожить, именно, равнодушіе къ политической сторонѣ. Другое дѣло, если они законодательство и законоустройство въ маломъ масштабѣ претворять въ дѣло. Опыты, воспринятые въ школьнной жизни, даютъ затѣмъ возможность перекинуть мости въ полную народную и человѣческую жизнь: здѣсь классная община, тамъ государство, законы класса—картина конституціи, класснымъ дежурнымъ соответствуютъ исполнительная власть, классъ, какъ цѣлое, наглядно показываетъ законодательный и ученический судъ, если таковой есть, судебную власть и т. д. Конечно, сравненіе не можетъ быть доведено до мелочности: это привело бы къ самымъ смѣшнымъ абсурдамъ.

Какъ легко было бы въ деревнѣ, гдѣ введены дополнительные курсы и сойдутся снова тѣ же учителя и ученики, провести дальше самоуправлениіе. Уже служащую, болѣе зрѣлую по своимъ сужденіямъ и воззрѣніямъ молодежь можно бы съ успѣхомъ побуждать къ обмѣну мыслей по общественнымъ вопросамъ. Къ руководству преніями, къ занятіямъ выборами и къ составленію извѣстій и простыхъ протоколовъ явились бы способные молодцы.

Можетъ быть, такимъ путемъ достигается немнога меньшее знанія. Но это вѣдь не главное дѣло: конечная цѣль всякаго национального воспитанія — пониманіе и живой интересъ къ благу народной общины, — не менѣе, можетъ быть, важно самостоятельное сужденіе. Самоуправление имѣть еще то преимущество, что воспитывается оно не только путемъ ученія, но преимущественно посредствомъ дѣйствія. Что старая истина, простое знаніе отнюдь еще не скрывается за собою настоящаго патріотизма. Вѣрность закону должна показать себя въ дѣйствіи. Такъ какъ самоуправление даетъ ученику случай упражняться въ самоконтролѣ, проявлять свои силы, дѣйствовать въ интересахъ цѣлаго, оно возвышается надъ учениемъ переходя къ воспитанію гражданина. Уже въ такомъ возрастѣ, когда они еще не охвачены одностороннею классовою борьбою, будущіе носители суверенной власти могутъ въ небольшомъ кругу заботиться о порядкѣ и правахъ. Ничто другое не можетъ такъ ярко и убѣдительно внушить дѣтамъ необходимость строгой дисциплины, какъ организованная школьная община, где каждый долженъ быть готовымъ къ повелѣванію и къ добровольственному повиновенію.

Тогда подростающій и дѣлающійся гражданиномъ мальчикъ узнаетъ, что община можетъ процвѣтать, если большая часть членовъ согласна повиноваться порядку. Онъ видѣтъ, что только тогда можно предоставить массамъ извѣстнаго рода самоопредѣленіе, если меньшинство подчиняетъ свои интересы интересамъ большинства. Каждое отдельное лицо должно сознавать, что съ правами всегда связаны обязанности и что свобода возможна лишь тамъ, гдѣ противоположнымъ полюсомъ ея является самоконтроль и самовоспитаніе.

До тѣхъ поръ однако, пока будемъ стараться обосновывать наши требования чисто внѣшнимъ образомъ: „ты долженъ, потому что я это говорю“, ученики ни-

когда не научатся признавать эту необходимость. Примѣняясь къ растущему ихъ пониманію, мы должны постепенно овладѣвать ихъ согласіемъ, иначе весь порядокъ-то зависитъ отъ нашей личности. „Можно ускользнуть отъ порядка, извѣй продиктованнаго, но ни въ какомъ случаѣ не ускользнешь отъ порядка, явившагося результатомъ личнаго согласія“¹⁾.

Если учитель править не только за учениковъ, но и вмѣсть съ ними и черезъ нихъ послѣдніе понимаютъ, что всякий порядокъ созданъ ради нихъ. Подчиненіе соціальному закону кажется имъ требованіемъ, исполненіе котораго поддерживаетъ ихъ въ начинаніяхъ и закалияетъ ихъ силы. Тогда и возвращаются тотъ классный духъ, борющійся за все честное, справедливое и благородное, соответствующее порядку. Гдѣ большинство учениковъ съ благонамѣренными во главѣ какънибудь отвѣтственной за порядокъ и право, отдельному легче удастся эмансирироваться отъ фатовскаго геройства анархіи, которое хвалится тѣмъ, что сумѣло обойти законъ и начальство. Онъ знаетъ: „Товарищи недовольны мною, если я не подчиняюсь порядку“.

Слѣдовательно, одушевляя дисциплину и заставляя ученика проявлять самостоятельность на пользу своихъ товарищѣй, мы создаемъ сознаніе своихъ обязанностей и отвѣтственности. Отношеніе къ закону, къ классу и къ учителю кажется ему тогда въ совершенно иномъ свѣтѣ. Теперь онъ приобрѣтаетъ внутреннее участіе въ томъ, что ему до сихъ поръ являлось лишь чисто авторитативнымъ, чуждымъ, быть можетъ, даже чѣмъ-то мѣшающимъ и враждебнымъ. Онъ убѣждается, что и въ свободномъ государствѣ должны существовать законы, не для того, чтобы произвольно стѣснять свободу, а чтобы защищать права другихъ и цѣлаго. Опытъ показываетъ

¹⁾ Messmer: A. a. O. II, 1, S. 371.

ему, что классная община можетъ отъ него требовать услугъ и готовности оказать ихъ. Постоянныя указанія разъясняютъ ему, что наряду съ его благополучіемъ существуетъ солидарность, внѣдрающая въ сердце завѣтъ—ничего не дѣлать такого, что могло бы повредить счастью другихъ и чести другихъ. Путемъ неутомимаго пріученія и упражненія въ немъ должно стать второю привычкою при всемъ думать: „а если бы мои товарищи сдѣлали то же самое?“ Такимъ образомъ онъ долженъ вжиться въ общину и научиться подавлять свои прихоти, если онъ идуть вразрѣзъ съ общими потребностями.

Конечно, очевиднымъ кажется, что школа должна насаждать общественный стремленія, но задача эта очень трудна. Въ теоріи можно даже быть одного мнѣнія, но, при проведеніи дѣла, на практикѣ, мнѣнія всегда разойдутся. Это подтверждаютъ и опыты Буркхардта въ Базель (см. выше). Здѣсь и тамъ его образъ дѣйствій вызвалъ недовѣріе и неодобрение, но всякий изучившій его „классная общины“ согласится съ конечными цѣлями, къ которымъ онъ стремится. Во всякомъ случаѣ и его опыты показываютъ, что чувство взаимной отвѣтственности, духъ истинной общественности лучше всего можетъ развиваться внутри богатой и правильной школьнной жизни.

Для развитія чувства общности много могъ бы сдѣлать ручной трудъ, если бы онъ больше принялъ въ свою программу групповыхъ работъ. Въ Нью-Йоркскомъ учебномъ планѣ мы читаемъ: „дитя рано должно получить ощущеніе гражданской общности. Оно само въ жизни должно убѣдиться въ истинѣ, что совмѣстная работа и самоотвѣтственность имѣютъ громадное значеніе для настоящей жизни въ обществѣ. Этую истину ребенокъ познаетъ черезъ групповую работу, где работа отдельной единицы нужна для работы всѣхъ вмѣстѣ; къ этому присоединяется пониманіе школой или

классомъ того, что честь всѣхъ въ совокупности основана на поведеніи отдельной единицы¹⁾.

И другое преподаваніе, какъ, напримѣръ, уроки математики могутъ быть использованы въ такомъ же духѣ. Самые способные всегда оказываются втрое столько успѣховъ, сколько учениковъ слабые. Я въ такихъ случаяхъ не задумываюсь лучшаго посадить къ болѣе отсталому, чтобы онъ оказалъ товарищескія услуги послѣднему. Ученики часто лучше, чѣмъ взрослые, отгадываютъ, въ чемъ для ихъ сверстниковъ кроются затрудненія. Опасность, что не слишкомъ прилежные понадѣются на такую помощь, можно устранить. Ее не стоитъ принимать во вниманіе въ сравненіи съ пользой, связанной съ такимъ образомъ дѣйствій. Разумѣется, можно отмѣтить шумъ въ классѣ! Но спрашивается, развѣ на первомъ планѣ должна стоять эта безмолвная тишина, чтобы слышался скрипъ пера на бумагѣ? Наши классы должны быть рабочими общинами. Въ такомъ случаѣ товарищеская помощь не безусловно исключается. Кромѣ того, если это—упражненіе въ равенствѣ и братствѣ, сильный отдаетъ свою личную силу на службу другихъ. Поэтому я отнюдь не жалѣю, что въ нашихъ школахъ сидятъ и слабые. Благодаря этому не только учать, но и на дѣлѣ проявляютъ любовь къ ближнему. Только если ученикъ дѣйствительно совершає что-нибудь на пользу отдельного товарища и всего товарищества, въ немъ могутъ пробудиться чувства общности и участія.

Такой классный духъ даетъ себя чувствовать во всей школьнной жизни. Если его не облагородить, тогда онъ можетъ стать тираномъ и надѣлать много бѣды! Какъ безжалостно, напримѣръ, поступаетъ толпа учениковъ съ золушками въ классѣ. Часто виною являются лишь

¹⁾ Cnf. Kuypers: „Volksschule u. Lehrerbildung in den Vereinigten Staaten“.

платья побѣднѣе, физический недостатокъ или другая мелочь, и ужъ ребенка травить. И тутъ, спасая этого несчастного, надо апеллировать къ чувству отвѣтственности, выяснить, какое вліяніе можетъ имѣть на развитіе отдѣльного лица—отношеніе цѣлаго. Вообще, если что-либо „случилось“ въ классѣ, во дворѣ, въ гимнастическомъ залѣ, то всегда и товарищи несутъ вину. Справедливо ли наказывать одного только допустившаго проступокъ? Найдутся ли лучшіе случаи показать молодежи, что люди несутъ свою часть отвѣтственности въ счастьи и несчастьи ближняго, что тотъ фарисей, у кого въ сердцѣ нѣтъ живого сочувствія!

Отечествовѣдѣніе, поскольку оно разсматривается въ исторіи и географіи уже въ классѣ, даетъ затѣмъ возможность примѣнить добытые принципы къ народной жизни. Мы покажемъ, что государство должно опираться на то же, на что и классъ. Здѣсь и тамъ одно правило: все, что дѣлаетъ отдѣльный человѣкъ, имѣть послѣдствія не только для него, но и для его ближнихъ.

Бесплатная раздача учебныхъ пособій, пользованіе зубной- и поликлиникой и т. д. представляютъ дальнѣйшіе удобные случаи указывать на родное правило: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!“, обращать вниманіе молодежи на выгоды и обязанности, которыми обладаетъ отдѣльное лицо, состоя членомъ общины, кантона и отечества. Когда задачи государства будутъ становиться все шире и больше, и школьнное воспитаніе все больше должно будетъ содѣйствовать воспитанію индивидуума къ альтруизму.

Чувство своего я и преданность интересамъ общественнымъ должны рядомъ уживаться. Современная культура стремится къ созданію такой культуры, которая съ одной стороны даетъ просторъ развитію своеобразія, свободы, правъ и способностей всѣхъ, а съ другой стороны не создаетъ преимуществъ для отдѣльныхъ лицъ, посредствомъ которыхъ остальные оказались бы стѣснен-

ными и въ убыткѣ. Сознательно и безсознательно время накладываетъ свою печать и на школу. И послѣдняя будетъ сражаться за устраненіе неравенства между эгоизмомъ и альтруизмомъ, между индивидуализмомъ и соціализмомъ, между свободою и послушаніемъ. И школа должна понимать современное ей умственное направленіе, иначе она не справится со своей культурной задачей. Надо изгнать изъ школы всякое ученіе, ничего незнющее о жизни, отвергнуть всякую школу застывшую, не чувствующую пользы своего времени и отрицающую вопросы современности. Мы, учителя, должны каждый принести свою крушину для рѣшенія проблемы: создать здоровое отношеніе между субъективнымъ самовозвеличивающимъ себя своеволіемъ и объективнымъ порядкомъ, которому приходится налагать границы на единичное лицо, въ противномъ случаѣ совмѣстная жизнь его съ ближнимъ, его внѣдреніе въ человѣческую общину приведетъ къ катастрофѣ. Не забудемъ, что въ большинствѣ случаевъ мужчина будетъ тѣмъ, чѣмъ научился быть мальчикъ. Если онъ въ молодости не научился тонко различать справедливость отъ несправедливости, то тѣмъ менѣе онъ сдѣлаетъ это позже.

О жизни каждого ученика поэтому, въ школьнномъ ли городѣ онъ, или нѣтъ, можно утверждать: положеніе, которое ребенокъ займетъ по отношенію къ своимъ товарищамъ, окажется въ значительной мѣрѣ основнымъ для его позднѣйшихъ отношеній къ обществу согражданъ и къ государству. Въ борьбѣ, которую мы ведемъ въ школѣ противъ равнодушія, вѣщающаго: мнѣ дѣла нѣтъ, что дѣлаетъ и не дѣлаетъ мой сосѣдъ, онъ узнаетъ и научается нести отвѣтственность, которую и общество взрослыхъ принуждено возлагать на своихъ сочленовъ. Слѣдовательно, отношеніе мужчинъ къ праву, закону и властямъ въ значительной степени опредѣляется свойствомъ его прежнихъ отношеній къ классной общинѣ и къ учителю, прежнимъ представителемъ авторитета.

Будемте работать, чтобы наши классы, становились солидарными общественными единицами, чтобы изъ школы нашей произрастали плоды на пользу и благо всего народа. Постараемся быть авторитетами для нашихъ учениковъ не только въ областяхъ знанія, но и дать имъ образцовой постановкой школьнной жизни—картину идеального правопорядка! „Какое право гордиться имѣла бы школа, если когда-нибудь выдающійся соціальный работникъ могъ бы сказать, что толчекъ къ тому, что ему удалось осуществить, онъ получилъ въ школѣ“¹⁾.

Мы оказываемъ обществу очень большую услугу, действуя сообразно съ этимъ убѣждениемъ.

Если затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ будуть обсуждаться съ вышеупомянутыхъ точекъ зрењія всѣ событія школьнной жизни, то мы сдѣлали самое необходимое, чтобы пробудить и усилить въ ребенкѣ сознаніе своей совѣсти. Конечно, тутъ не можетъ итти рѣчь о чѣмъ-нибудь готовомъ, а только о томъ, чтобы (въ союзѣ съ семьей) положить начала, заложить основы.

Для родины и съ точки зрењія хозяйственнаго развитія не можетъ быть безразлично, воспитаны ли ея сыны къ самостоятельности. Если мы въ школѣ будемъ упражнять ихъ въ умѣніи самостоятельно разсуждать и дѣйствовать, и сдѣляемъ изъ нихъ путемъ самоуправлія активную партію, тогда они получать подготовку къ дальнѣйшей жизни, которая въ будущемъ предъявить большія требованія къ ихъ самопомощи, къ ихъ независимости и инициативѣ.

4. Возраженія и условія.

Дѣлается возраженіе, что допускающій самоуправление учениковъ, теряетъ свой авторитетъ. Понятно, нельзя отрицать, что свобода можетъ выродиться въ раз-

¹⁾ Messmer: A. a. O. II, 2. S. 634.

нужданность. Конечно, вводящій самоуправление изъ удобства или потому, что его ученики не пытаютъ достаточнаго уваженія къ нему и къ установленному имъ порядку, не возрадуется. Вожжи выскользнутъ изъ его рукъ, и принадлежавшее ему перейдетъ къ менѣе зреымъ, менѣе ответственнымъ дѣтямъ. Тогда, быть можетъ, и произойдетъ, какъ въ „Hintertobel“¹⁾: ученическая республика выродится въ анархію. Если учитель правильно проведетъ самоуправление, то, напротивъ, сила его вліянія растетъ. Школьный порядокъ приобрѣтаетъ тогда объективный, независимый отъ его личности характеръ. Учителю менѣе придется играть роль надсмотрщика; многія мелочи полицейского свойства, дававшія ему работу его порой ненавистною, отнимаются отъ него и переносятся на учениковъ. Неужели при такихъ условіяхъ дѣятельности не увеличится удовольствіе, вытекающее изъ его работы, неужели не падетъ иная преграда между нимъ и сердцемъ ученика въ пользу болѣе благороднаго общенія ихъ? Неужели учитель не будетъ тогда тѣмъ болѣе имѣть возможность отдаваться исполненію своихъ высшихъ обязанностей и въ истинномъ смыслѣ быть и оставаться душою цѣлаго? Нельзя забывать, что и при самоуправліи помочь и умѣлое руководство учителя играютъ важнѣйшую роль.

Не тѣмъ создаемъ мы себѣ авторитетъ, что мы все регулируемъ и заботливо устраиваемъ. Внушаемое нами уваженіе менѣе всего зависитъ отъ внѣшностей: оно обусловлено внутреннимъ нашимъ превосходствомъ. Чтобы внушать къ себѣ уваженіе, не требуется мускульная сила или высокій ростъ, или раскатистый голосъ командира, а силы духа и воли, послѣдовательность въ дѣйствіи, расположение и сочувствіе. Уже выше было подчеркнуто, что свободы могутъ быть дарованы только при томъ условіи, если отно-

¹⁾ Schrag: A. a. O. S 20.

шение между учениками и учителями нормальное, когда оно основывается на любви, доверии и уважении. Дети должны изъестнымъ уважениемъ къ учителю сдерживаться въ границахъ. Поэтому особенно молодые учителя должны действовать крайне осторожно. Прежде авторитетъ, потомъ дружба; сначала послушаніе, потомъ свобода; сначала быть сдержаннмъ, затѣмъ уже сближаться съ ученикомъ.

Правильно поставленная дисциплина должна соединить двѣ, повидимому, противоположности. Она должна, какъ это прекрасно выясняетъ Ферстеръ, съ одной стороны воспитывать къ послушанію требованіемъ порядка, а съ другой стороны считаться и съ самолюбіемъ ребенка и его потребностью въ свободѣ.

Гдѣ рядомъ уживаются послушаніе и свобода, тамъ есть и сила и дисциплина, тамъ возможно правильное воспитаніе. Мы всегда увидимъ, что сильныя натуры какъ разъ тѣмъ проявляютъ авторитетъ, что онъ устанавливаютъ некоторые основные принципы, которые безусловно должны исполняться, въ второстепенныхъ вопросахъ они даютъ свободу, руководствуясь прекрасной пословицей: „Willst du was gelten, so mach dich selten“. Педантамъ же, которымъ нужна мелочь ради мелочи, законъ ради закона и препоны, гдѣ нѣть къ тому абсолютной надобности, никогда не удастся воспитать къ свободному повиновенію.

Если вѣдь ратуютъ за болѣе свободное школьнное воспитаніе, то этимъ самимъ вовсе не желаютъ умалить значеніе повелѣнія и запрещенія. Безъ таковыхъ никто не обойдется, такъ какъ несомнѣнно строгій законъ заключаетъ въ себѣ предупреждающую силу, подъ охраною которой многія личности успѣшище развиваются, чѣмъ на свободѣ.

Можетъ быть, муштровка и является болѣе легкимъ способомъ управления. Безъ сомнѣнія, принужденіе въ

концѣ концовъ съ своей жестокостью и неумолимостью лучше, чѣмъ беспорядокъ. Не слѣдуетъ только при этомъ забывать, что бессердечная, желѣзная дисциплина легко ведетъ къ подхалимству, и, когда подвернется случай, за нее воздаютъ сторицю. Она можетъ подкупить зрителя, но сама по себѣ носить внѣшній характеръ, имѣя въ виду больше данный моментъ, а не будущее. Школа поэтому не должна допускать у себя вошедшую въ поговорку команду казарменную, которая не терпить собственной воли и подавляетъ въ зародыши всякое противорѣчіе. Цѣль школы болѣе возвышенная: она стремится воспитать людей къ самостоятельности, а это возможно только тогда, когда она поддерживаетъ свободное, сердечное, дружеское общеніе. Правда тогда уже не покажешь знаменитой выпрѣки. Однако, что выдержка и свобода легко совмѣстимы, я показалъ, какъ мнѣ кажется, въ отдѣлѣ „самообладаніе“. Главное дѣло не въ томъ, чтобы постыдители нашей школы безраздѣльно хвалили нашу постановку дисциплины, а въ томъ, чтобы мы выпускали въ жизнь дисциплинированныхъ людей.

Затѣмъ самоуправлѣніе отнюдь не должно проявляться какъ средство, безусловно устанавливающее идеальное отношеніе между воспитателемъ и питомцемъ. Я не желалъ бы также вызвать впечатлѣнія, какъ будто хорошо направляемый классный духъ можетъ служить достаточно твердой или даже безусловно надежной оградой для негодяевъ. Школьная демократія конечно далеко не идеальны (а разъ идеальны демократіи взрослыхъ?). Онъ могутъ не оправдать нашихъ ожиданий и возбудить въ насть сомнѣнія въ цѣнности нашего вліянія, какъ и всякое другое средство. Съ другой стороны приходится подчеркнуть, что какъ разъ тѣ сильныя импульсивныя натуры, легко дѣлающіяся подъ вліяніемъ одного принужденія предводителями противъ всякаго порядка и закона, — что онъ благодаря этому средству превращаются по большей

части въ охранителей права. Если раньше ихъ мужество, сознаніе, силы, выходки проявлялись противъ дисциплины и начальства, то, начавъ служить социальному организму, они обыкновенно выказываютъ плодоносную деятельность въ духѣ доброго порядка.

Этотъ трудъ, слѣдовательно, вовсе не желаетъ вызвать представлениія, будто школьній городъ безусловно долженъ принести плоды, представленные лишь возможными. Онъ лишь инструментъ, который можетъ воспроизвести хорошее въ зависимости отъ руки, въ которой онъ находится: конечно, и къ нему относится и къ ней: „что рожено съ когтями, то не дастъ превратить себя путемъ воспитанія въ кроткое копытное животное“. Эту простую истину понимаютъ лишь немногіе. Изъ прирожденного эгоиста за цѣлую жизнь не сдѣлать алtruиста, изъ упрямаго—говорчиваго, изъ гнѣвливаго—кроткаго,—за цѣлую жизнь не сдѣлать.... Достигнуть, по моему мнѣнію, можно только того, чтобы питомецъ научился владѣть до нѣкоторой степени своими дурными наклонностями и страстями, чтобы онъ признавалъ ихъ неприглядность и чтобы онъ путемъ опыта научился вѣрить въ то счастье, которое сопровождаетъ чистые помыслы и дѣйствія¹⁾.

Грозятъ и другія опасности. Слѣдуетъ остерегаться шаблонно устраивать школьнію общину по аналогіи съ государствомъ. Аналогія эта должна существовать постолку, поскольку естественно вытекаетъ изъ жизни молодыхъ людей въ классахъ. Важно не столько дать ученикамъ картину настоящаго государства, сколько запечатлѣть въ ихъ сердцахъ образъ общины, какъ она должна быть, когда они вступятъ въ жизнь.

Если переусердствовать, то легко можетъ случиться, что расписаніе составитъ затрудненія, особенно на вто-

рой ступени народной школы. Мнѣ, при моей постановкѣ, довольно было 1—1½ часовъ въ мѣсяцъ. На счетъ какихъ же предметовъ можно развивать эту классную общую жизнь? На первой ступени—вопросъ легко решается: тамъ уроки морали могутъ быть использованы для этой цѣли. Коллеги второй школы, сообщавшіе мнѣ объ аналогичныхъ опытахъ, употребляли на это иногда по получаса исторіи и чистописанія для этой цѣли.

Возражаютъ также, что всевозможная, вредная второстепенная вліянія, какъ честолюбіе, ябедничество, насилие и т. п., могутъ уменьшить добрыя вліянія самоуправлениія. Ничего подобнаго, я по правдѣ сказать, не замѣчалъ. Все же Dr. Messmer¹⁾ съ полнымъ правомъ подчеркиваетъ въ своей педагогикѣ, что такія устройства отнюдь не должны быть созданы только для новыхъ педагогическихъ промаховъ.

Теперь я хочу еще назвать нѣсколько условій, отъ которыхъ существенно зависитъ успешная постановка дисциплины.

Чѣмъ послѣдовательнѣе образованіе характера поставлено будетъ въ центръ всего преподаванія, тѣмъ прочнѣе окажутся плоды нашей воспитательной работы. Какая сила исходитъ для дисциплины отъ общаго преподаванія, лучше всего ощущаютъ замѣщающіе другихъ преподавателей въ чужихъ классахъ; положеніе ихъ куда затруднительнѣе, чѣмъ въ собственномъ классѣ, такъ какъ у нихъ вышеупомянутой силы—то и нѣтъ. Особенно уроки Закона Божія и уроки морали должны оплодотворить наши воспитательныя мѣропріятія и дать нашимъ словамъ настоящую силу.

Изъ другихъ предметовъ лучше всего языкъ и исторія пригодны для того, чтобы служить руководящими линіями для желаній и поступковъ ученика, поддержать и укрѣпить привычку къ справедливости. Мы читаемъ,

¹⁾ Otto Ernst: „Des Kindes Freiheit u. Freude.“ Seite 8 и 9.

¹⁾ Messmer: A. a. O. II, 1, S. 253.

напримѣръ, обѣ И. И. Зульцерѣ, создавшемъ въ Бинтертѣ машинную промышленность, о Даниилѣ Рихардѣ, первомъ часовомъ мастерѣ въ Юрѣ, мы рассказываемъ о Цеппелинѣ, Франклінѣ, Вашингтонѣ и т. д. Покажемъ, какъ эти люди всю жизнь работали надъ собою, какъ они уже въ молодыхъ годахъ закалли свои силы! Неутомимое прилежаніе съ одной стороны, самообладаніе и самоотверженность съ другой дали имъ возможность преодолѣть встрѣчавшіяся затрудненія. Такимъ путемъ они стали настоящими мужчинами, отъ которыхъ всѣ мы можемъ учиться. Если такія личности являются болѣе образцами, когда надо поднять личную силу и содѣйствовать успѣху отдельного индивидуума, то другое жизнью своею могутъ показать, какъ надо служить обществу. Такія лица должны служить примѣромъ и для нашей небольшой классной общинѣ!

Въ дальнѣйшемъ воспитательный успѣхъ зависитъ отъ того, чтобы молодежь годами находилась подъ единообразнымъ руководствомъ. Послѣ долгаго срока наукается она понимать наши старанія, только тогда могутъ образоваться добрыя привычки, и посвященное пами сѣмъ дать надежные плоды.

На самоуправліе учениковъ нельзя смотрѣть, какъ на универсальное средство, но и ремесленнически имъ пользоваться нельзя. Полагаю, что то время, когда все ждали отъ системы, лежитъ за нами. Если уже въ области преподаванія на ряду съ методомъ должно отдаваться и личнымъ свойствамъ учителя, то это еще въ большей степени должно дѣлаться въ дѣлѣ воспитанія. Иной въ силу своей личности, по какому-то внутреннему безсознательному влечению, безъ всякаго школьнаго города достигнетъ тѣхъ же результатовъ. Тѣмъ прекраснѣе въ такомъ случаѣ! Вѣдь не виѣшняя форма, а духъ, конечно, оживляетъ. Пока у насъ будутъ различные по своимъ природнымъ качествамъ учителя,

до тѣхъ поръ то, что у одного имѣеть успѣхъ, потерпѣть фiasco у другаго. Одно и то же не для всѣхъ. Одинъ умѣть использовать настроеніе и работать интуитивно, другой строгій приверженецъ методики; этотъ имѣеть живой темпераментъ, тотъ дѣйствуетъ своимъ спокойствіемъ; тутъ приходится работать въ деревенскихъ, почти патріархальныхъ условіяхъ, тамъ работаютъ надъ свѣтской столичной молодежью; учитель въ годахъ старается, быть можетъ, достигнуть своей цѣли добротою и снисходительностью, болѣе молодой прибѣгаѣтъ къ справедливой, но неуклонной строгости. Кромѣ того, мѣры, примѣнявшіяся мною на моей ступени, на высшихъ окажутся лишь отчасти пригодными.

Какъ, слѣдовательно, самоуправліе должно сложиться въ каждомъ данномъ случаѣ, всегда зависить отъ мѣстныхъ условій. Въ концѣ концовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ руководящихъ линій, все остальное вскакій долженъ самостоятельно выработать. Кромѣ побужденій, эта работа не хотѣть и не можетъ ничего дать: она указываетъ одинъ изъ путей, ведущихъ къ цѣли. Пусть каждый ищетъ наиболѣе подходящій къ обстоятельствамъ и своей личности.. Какъ каждый изъ 25 кантоновъ, въ качествѣ особой государственной единицы съ законными особенностями, умѣть приспособиться къ общей идеѣ свободнаго федерального государства, такъ можетъ видоизмѣниться самоуправліе.

Важно, чтобы самъ воспитатель былъ дисциплинированнымъ человѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ только я попробовалъ воспитывать путемъ самовоспитанія, мнѣ сразу стало ясно, что я прежде всего долженъ справиться съ нѣкоторыми собственными ошибками. Я убѣдился, какую существенную роль, напримѣръ, играетъ еще и у большихъ дѣтей подражаніе. Вотъ маленький примѣръ: желая беречь свой голосъ я при гимнастикѣ, считаю удария палкою объ полъ. Оба мои помощника изъ уч-

никовъ, конечно, могли командовать только вооруженные палкою. И при назначеніи наказаній ученики копировали меня до такихъ мелочей, что я былъ изумленъ. Такія наблюденія заставили меня задуматься и убѣдили меня въ необходимости собственнаго самовоспитанія. „Все, чѣмъ ты желѣшь, чтобы были твои дѣти, будь ты имъ!“ „Чѣмъ ты самъ не въ состояніи быть, того не ожидай и отъ твоихъ питомцевъ!“¹⁾). Кто дисциплину имѣть только въ силу своей должности, тотъ этого не заслуживаетъ. Превосходство во всѣхъ областяхъ,—вотъ что прежде всего должно доставить учителю уваженіе. Совершенными вѣдь мы никогда не становимся. Мы не должны также изображать себя непогрѣшимыми, уже стремленіе къ совершенству, уже наша серьезная борьба за самообладаніе, производить благотворное вліяніе на молодежь, можетъ быть даже самое прочное, какое мы вообще можемъ оказать.

Идеи самовоспитанія и самоуправленія могутъ, съ-
довательно, только тогда оказывать полное свое вліяніе,
когда мы ихъ примѣнимъ на самихъ себя. Косвенное
воспитаніе, исходящее отъ нашего примѣра, оказываетъ
больше вліянія, чѣмъ всякоеувѣщаніе. Если ученикъ
увидитъ, что мы сами держимся опредѣленныхъ принциповъ, онъ легче повинуется. Нашъ примѣръ долженъ являть,
что и мы придерживаемся расписанія уроковъ и звонка,
какъ и онъ. Воспитанники не должны имѣть никогда ни
малѣйшаго ощущенія: порядокъ, мораль существуетъ только
для нась, а взрослые могутъ и не стѣсняться! Если мы
склонимся передъ порядкомъ, который созданъ для
подчиненныхъ, то для послѣднихъ въ этомъ лежитъ силь-
ное побужденіе для исполненія этого порядка. Мы
должны собственною жизнью показать, что свобода—
самостоятельное даваніе законовъ. У нась, взрослыхъ,

вѣдь также: кто намъ даетъ приказанія и наставленія, самъ же ихъ не примѣняетъ въ своей жизни, того мы не цѣнимъ. Мы боимся его, можетъ быть, но за спиной показываемъ ему длинный носъ.

О которыхъ учителяхъ вспоминаемъ мы съ благо-
дарностью? Объ учителяхъ, еще теперь своимъ свѣтлымъ
примѣромъ строгаго исполненія долга и преданности
вліающихъ на наши дѣйствія. Это они имѣли свою
долю вліянія на выборъ нашей специальности. Провѣримъ:
когда въ нашей внутренней жизни могли мы отмѣтить
процессъ? Когда поднимались мы на болѣе высокую сту-
пень нравственной силы? Когда намъ на пути попада-
лись благородные мужчины и женщины, на шагъ ближе
стоявшіе къ идеалу, витающему передъ нами, носящіе въ
себѣ что-либо великое, что насть можетъ воодушевить.

Больше, чѣмъ всякая методика, чѣмъ прекрасные
школьные дворцы, значеніе имѣть учитель. Его личность,
сила его характера обусловливаютъ воспитательный
успѣхъ школьнной работы. Если мы желаемъ воспиты-
вать, мы должны стоять выше ребенка; мы можемъ ее
поднять только на ту ступень, которую сами занимаемъ.

Въ специальныхъ органахъ и совѣтахъ раздается въ
тысячахъ варіацій: воспитаніе главное дѣло! Этому
разумѣнію не соотвѣтствуютъ наши дѣйствія. Кто на
себѣ не испыталъ, что всѣ его добрыя намѣренія очу-
тились въ грязи? То мы поддаемся минутнымъ капри-
замъ, то страстно вспыхиваемъ, предпочитаемъ остро-
умнаго — медленно думающему, богатаго—бѣдному, про-
винившемуся вѣчно напоминаемъ его промахи. Да по-
стоинство¹⁾, ты ключъ всякаго плодотворнаго воспитанія!
Никогда воспитанники не довѣрятся руководству такого
лица, которое всякое неудовольствіе выражаетъ въ оплеухѣ,
или которое сегодня безъ конца ламентируетъ надъ тѣмъ,

¹⁾ Lotzky: A. и O. S. 44.

¹⁾ Въ оригиналѣ Konsequenz

что вчера вызвало въ немъ лишь улыбку. Они повѣрять силы своего воспитателя, если они рабы его нервовъ. Поэтому сдержанайся въ гнѣвѣ: ученики наблюдаютъ за тобой! Если ты черезъ сутки оглянешься, ты самъ удивишься, какая мелочь тебя волновала. Опытъ выше простого изученія! Какъ разъ учительямъ, которымъ хорошо воспитанные люди важнѣе такихъ, которые много знаютъ, особенно можно рекомендовать опытъ съ самоуправлѣніемъ. Оставимъ противниковъ и сомнѣвающихся. Каждая идея, ждавшая своего осуществленія, находила ихъ. Какъ громили въ свое время ручной трудъ. Теперь онъ вызываетъ теплое сочувствіе. Какъ критически совсѣмъ еще недавно обсуждали свободное сочиненіе! Хорошіе результаты и ему повсюду открываютъ двери. Такъ и о пригодности и непригодности самоуправленія въ концѣ концовъ рѣшать не разсужденія и дебаты, а только дѣйствительно произведенныя опыты. Изъ многихъ опытовъ тогда со временемъ само собою останется, то, что будетъ имѣть всеобщую цѣнность и постоянное значеніе.

Перевель Ф. А. Гартцъ.

II.

„Насколько можно улучшить и обновить отношенія между школой и учениками, предложеній д—ромъ Ферстеромъ реформою школьнаго духа?“

Докладчикъ: докторъ Штейнеке, директоръ городской реальной гимназіи въ Эссенѣ (Рурѣ).

Второй докладчикъ: профессоръ докторъ Зибургъ, директоръ королевской гимназіи въ Эссенѣ.

ДОКЛАДЪ.

Тема разрабатывалась слѣдующими учебными заведеніями:

- 1) Реальное училище и реформенная гимназія въ Аахенѣ; докладъ преподавателя Юнкера и примѣчанія къ нему директора.
- 2) Реальное училище въ Барменѣ; докладъ преподавателя Шорре съ положеніями и протоколомъ обсужденія въ педагогическомъ совѣтѣ.
- 3) Городская гимназія въ Эссенѣ; докладъ преподавателя Анера и докладъ директора съ добавленіемъ положеній, принятыхъ въ этомъ учебномъ заведеніи.
- 4) Реальное училище въ Эссенѣ; докладъ преподавателя Шолтена съ положеніями.
- 5) Реальная гимназія въ Эссенѣ; докладъ преподавателя Фингера съ положеніями.
- 6) Гимназія въ Крейцнахѣ; докладъ преподавателя Рюбманна съ добавленіемъ положеній, и положеній, измѣненныхъ педагогическимъ совѣтомъ.

7) Гимназія въ Мюльгеймѣ; докладъ преподавателя Людвига съ добавленіемъ преній въ педагогическомъ совѣтѣ.

8) Гимназія въ Заарбрюкенѣ; докладъ преподавателя Дрейлинга и профессора Барнера съ добавленіемъ положеній и преній въ педагогическомъ совѣтѣ.

Кромѣ того, доклады о самоуправлении поступили отъ слѣдующихъ учебныхъ заведеній:

9) Реальное училище въ Аахенѣ; директоръ ванъ—Гаагъ.

10) Гимназія въ Барменѣ; директоръ Даppихъ.

11) Королевская гимназія въ Боннѣ; директоръ Генигесъ.

12) Городская гимназія въ Боннѣ; директоръ Нипманъ, приложеніе докладъ проф. Брандта.

13) Гимназія въ Боппардѣ, директоръ Клааръ.

14) Реальная гимназія въ Крефельдѣ, директоръ Швабе.

15) Реальное училище въ Крефельдѣ; директоръ Боль.

16) Королевская гимназія въ Дюссельдорфѣ; директоръ Крамеръ; приложеніе рефератъ Крамера.

17) Королевская реальная гимназія въ Элберфелдѣ; директоръ Испертъ.

18) Гимназія въ Эммерихѣ, директоръ Франке.

19) Гимназія въ Крайцнахѣ, директоръ Лутчъ; приложеніе докладъ преп. Рюбмана.

20) Гимназія въ Линцѣ, директоръ Бааръ; докладъ преподавателя фонъ-Лаака.

21) Гимназія Гладбахъ, директоръ Зибургъ.

22) Гимназія въ Трарбахѣ, директоръ Фишеръ.

23) Гимназія въ Ветцларѣ, директоръ Цезарь.

Далеко не ново, что средняя школа и ея методы служать предметомъ общаго обсужденія. Во всѣхъ ежедневныхъ газетахъ и научныхъ журналахъ за послѣднее десятилѣтие встрѣчаемъ мы длинныя и короткія, серьезныя и ироническія, дѣльныя и поверхностныя статьи, касающіяся нашихъ учебныхъ заведеній, въ особенности же средней школы. И хотя авторы большинства статей относятся къ средней школѣ далеко не благосклонно, мы, воспитатели и учителя, должны радоваться, что на среднюю школу обращено общее вниманіе, такъ какъ оно показываетъ намъ, съ какимъ участіемъ наши современники слѣдятъ за школьнной жизнью. И намъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать этимъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія. Мы не должны говорить: „Недовольство царитъ нынче повсюду, недовольны не только школою, но и другими учрежденіями“, или утѣшать себя тѣмъ, что большинство авторовъ мало знакомы съ постановкою у насъ школьнаго дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ школа раздѣляетъ участіе нашей арміи. Каждый учившійся въ школѣ и отбывшій воинскую повинность въ арміи считаетъ своимъ правомъ критиковать ихъ. Критики забываютъ только одно: съ тѣхъ поръ, какъ они окончили школу и отслужили свой срокъ въ арміи, прошло много лѣтъ, во времена которыхъ сильно измѣнились и, вѣроятно, улучшились условия службы въ арміи и ученія въ школѣ. И утвержденіе, что мы, учителя, въ школьнной неурядицѣ виноваты не больше другихъ, также не должно удерживать насъ отъ серьезнаго изслѣдованія положенія дѣла. Если мы, съ нѣкоторымъ правомъ, отнесемъ главную вину на счетъ родителей, то, во всякомъ случаѣ, намъ придется взять и на себя портную долю, а если вина съ нашей стороны существуетъ, то надо приложить всѣ усилия, чтобы загладить ее. Какъ бы мы эту вину ни уменьшили, фактъ остается налицо: общественное мнѣніе относится къ намъ съ явнымъ недовѣріемъ.

Казалось бы, что такой педагогъ, какъ Ферстеръ, въ полной мѣрѣ знакомъ съ постановкой дѣла въ нашей средней школѣ. И при поверхностномъ ознакомлѣніи съ книгами Ферстера кажется, что онъ отличается отъ большинства хулиговъ знаніемъ дѣла. При внимательномъ же разсмотрѣніи его сочиненій сразу видно, что онъ впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и большинство писателей по школьному вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, той школы, которую описываетъ Ферстеръ, въ настоящее время въ Пруссіи уже нѣтъ. Безъ похвалы можемъ мы сказать, что за послѣднія двадцать лѣтъ много вдумчивыхъ людей съ широкимъ горизонтомъ честно поработали на пользу нашей школы. Школьное начальство и педагогическая корпорація часто и охотно старались изслѣдоватъ и улучшить внутреннюю жизнь школы и дѣлать предложения, не оставшись на бумагѣ, но показавшия, что вѣяніе нового духа проникло въ нашу школу. Если же мы назовемъ имена главныхъ работниковъ нашей средней школы (Мюнхъ, Маттіасъ, Леманъ и Веймеръ), то этого будетъ достаточно, чтобы увидѣть, что духъ свободы и душевнаго внутренняго пониманія замѣнили въ нашихъ школахъ старую полицейскую систему. Чтобы не быть голословнымъ, я привожу мнѣніе безпредвзятаго свидѣтеля, американки Н. Бриль, большого знатока нѣмецкой школы („Popular Edukator“, апрѣль 1909): „Германія — военная монархія, и потому въ нѣмецкихъ школахъ мы ожидали бы найти то, что называемъ суровымъ режимомъ. Но мы находимъ тамъ нечто лучшее: въ школахъ Германіи царить такая свобода, о которой мы не смѣемъ мечтать въ странѣ, которую называемъ свободною!“

Подобное мнѣніе вполнѣ могло бы насть, успокоить и не одинъ изъ настѣ, вѣроятно, отложилъ въ сторону книгу Ферстера, говоря, что онъ видѣтъ все въ черномъ свѣтѣ и требуетъ отъ настѣ то, что не входить въ нашу обя-

занность. Одинъ докладчикъ сказалъ: „Школа не знаетъ жизни, а люди, пишущіе о школѣ, чужды школѣ!“ Въ число этихъ писателей, чуждыхъ школѣ, легко можно было бы зачислить и Ферстера. Все, что онъ говоритъ о лжи, объ испорченности, объ отсутствіи правдивости, объ обращеніи съ учениками, которое унижаетъ ихъ достоинство, и подошло бы къ нашей школѣ въ прежнее время. Правда, и теперь найдутся нѣкоторыя учебныя заведенія, къ которымъ можно было бы отнести все сказанное Ферстеромъ, но они сами сдѣлали изъ себя какое-то *refugium reccatorum*¹⁾. Не будемъ утверждать, какъ нѣкоторые, что Ферстеръ совершенно не знаетъ нѣмецкой средней школы и особенно нѣмецкой семьи, но намъ придется сказать, что обвиненія, выставленные противъ нашей школы, совершенно не выдерживаютъ критики. Это, пожалуй, мнѣніе всѣхъ учителей и руководителей, читавшихъ его книгу. Онъ совершенно вѣрно центромъ воспитанія дѣлаетъ образованіе характера, онъ требуетъ нравственного воздействиія и предохраняющей дисциплины и ратуетъ за реформу школьнаго порядковъ, дѣйствуя на самолюбіе ученика болѣе либеральнымъ обращеніемъ съ нимъ и большимъ уваженіемъ къ его особѣ и къ его безсмертной душѣ, предоставляя ему большую свободу при духовномъ и нравственномъ развитіи его.

Все это совершенно вѣрно, но того же самаго требуютъ и всѣ наши выдающіеся педагоги.

Мюнхъ, напримѣръ, говоритъ: „Болѣе полное внутреннее освобожденіе учениковъ, больше поощренія, меныше ограниченія, больше дружескаго руководства, меныше недовѣрчиваго отдаленія, больше пониманія молодежи и меныше неподвижности въ оцѣнкахъ, большие добродушнаго юмора, меныше брюзганья, большие поддержки само-

¹⁾ Убѣжище для грѣшниковъ.

увѣренности и меньше страха, больше вниманія къ индивидуальнымъ особенностямъ учениковъ и меньше шаблона". Какъ видно, новаго намъ Ферстеръ ничего не даетъ. Поэтому сочиненія Ферстера не могутъ создать или положить начало реформы отношеній между учащими и учащимися: рѣчь можетъ итти только о томъ, что Ферстеръ собраниемъ воедино всѣхъ жалобъ на насть воодушевляетъ насъ продолжать итти по тому пути, по которому мы идемъ уже нѣсколько десятилѣтій. Ферстеръ, значитъ, не указываетъ намъ на что-нибудь совершенно новое, но его книга побуждаетъ насъ къ новому разслѣдованію нашего "я".

Положеніе 1. „Если Ферстеръ въ своей книжѣ и мало высказываетъ новыхъ мыслей, и его замѣчанія о нашей школѣ въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то все-таки онъ настолько углубляетъ текущіе вопросы школьнаго воспитанія, что серьезная пропѣрка преподавателей является весьма желательною".

Если мы приступимъ къ этому самоиспытанію и изъ этого попробуемъ вывести слѣдствія для нашего отношенія къ ученикамъ, то намъ съ самаго начала станетъ яснымъ, что мы никогда не достигнемъ идеала. Жалобы на среднюю школу никогда не прекратятся и отчужденіе между школой и учениками, мѣшающее дѣятельности школы и портящее характеръ учениковъ, никогда не превратится въ довѣріе семьи къ школѣ и наоборотъ. Вина отчасти лежитъ на родителяхъ, которые при воспитаніи дѣтей не руководствуются какими-либо принципами, а только ищутъ путей; отчасти виновато и общество, которое предъявляетъ къ средней школѣ все новые и новые требования объ увеличеніи преподаваемыхъ предметовъ. Чему только не должна научить средняя школа! Пропедевтика и биология, законовѣданіе и стенографія и столько новыхъ предметовъ введены вновь; программы по многимъ предметамъ, въ особенности по естественнымъ наукамъ, сильно

расширены; гигиенѣ и физическимъ упражненіямъ отведено гораздо больше времени, а кромѣ того требуютъ, чтобы мы научили своихъ учениковъ, какъ выходить изъ трамвая, что дѣлать при встрѣчѣ съ автомобилемъ и при находкѣ воздушного шара!

Дальнѣйшая и, можетъ быть, самая важная причина въ холодныхъ отношеніяхъ между школой и учениками та, что наши среднія учебныя заведенія „фабрики за извѣстную плату, приготовляющія дипломы" (Крамеръ). Другими словами: въ нашей средней школѣ находится изрядное число дѣтей не для того, чтобы образовать умъ и сердце, но для того, чтобы получить свидѣтельство на вольноопредѣлающагося или какое-нибудь другое. Но, если бы мы и уничтожили эти лежащія въ природѣ вещей причины, то и тогда мы были бы далеки отъ идеала, такъ какъ между нашими мыслями и ихъ осуществленіемъ постоянно лежитъ глубокая пропасть, черезъ которую намъ не перешагнуть.

Каждое учебное заведеніе отстало, должно быть отсталымъ по отношенію къ тому времени, для которого оно воспитываетъ своихъ учениковъ. „Среднія школы постоянно стоять на точкѣ зрѣнія того времени, которое на исходѣ; вполнѣ естественно, что она живетъ во взглядахъ и идеалахъ отцовъ, своихъ основателей". (Теобальдъ Циглеръ).

Положеніе 2. „Мы никогда не создадимъ идеальной школы, которая удовлетворила бы всѣ требования, но все-таки мы постоянно должны работать, чтобы на практикѣ приблизиться къ идеалу".

Наше время движется впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ когда-нибудь раньше. Населеніе дѣлается все болѣе и болѣе культурнымъ; соціальное положеніе всѣхъ слоевъ общества сильно измѣнилось; къ нашей трудоспособности и энергіи предъявляются гораздо большія требования. И если когда-либо существовало время, требовавшее людей

съ сильными характерами, то это то время, въ которое мы живемъ.

Болѣе, чѣмъ когда-либо мы должны сознавать, что въ наше время одного знанія мало, и что каждый выступающій на арену жизненной борьбы долженъ обладать самодисциплиной и самообладаніемъ. Мы не должны слѣдовать за всѣми отечественными и заграничными школьнymi пророками, такъ какъ очень много среди нихъ лже-пророковъ. Будемъ всегда помнить слова Крамера: „Развитіе самообладанія и свободы внутренней не имѣть ничего общаго съ раздутымъ и плохо понятимъ культомъ индивидуальности, какъ его проповѣдуютъ у насъ по примѣру Америки“. Самобытность ученика мы будемъ беречь и охранять, мы будемъ воспитывать личностей, но предоставлять индивидуальности такія права, какъ это учатъ нѣкоторыя, передовыя свѣтила, мы не будемъ и не смысль.

Двоякое, слѣдовательно, должны мы связать, давать со-зрѣть хорошему и подавлять зло. Это очень трудно. Ужъ если великий учитель изъ Назарета въ своей притчѣ о плевелахъ и ишеницахъ совсѣмъ не вырывать плевель, такъ какъ вмѣсть съ ними можно вырвать и ишеницу, то намъ тѣмъ болѣе приходится ограничиться сознаніемъ, что мы желали сдѣлать добро, а выработку характера предоставить шумному свѣту. Такъ, мы въ молодежи видимъ гордость и самомнѣніе, упрамство и силу воли. Мы становимся втупикъ и часто не знаемъ, поощрять или подавлять эти душевныя проявленія.

Но слѣдуетъ ли намъ отказаться отъ исполненія нашихъ воспитательныхъ обязанностей, если мы иногда ошибаемся?

Ни въ коемъ случаѣ! Утѣшаться ли намъ тѣмъ, что вліяніе школы на внутреннюю жизнь учениковъ гораздо меныше, чѣмъ думаютъ многіе педагоги и среди нихъ Ферстеръ? Наоборотъ! Если наше вліяніе на учениковъ

было незначительно, то въ будущемъ оно должно стать больше. Если до сихъ поръ мы мало образовывали характеръ, то теперь будемъ больше заботиться о немъ!

Мы должны согласиться съ Ферстеромъ, что всѣ мы слишкомъ много учителя и слишкомъ мало воспитатели, что въ нашей школьнай жизни слишкомъ преобладаетъ, по мѣткому выражению Маттиаса, учебная полиція и что наша средняя школа есть почти исключительно школа ума. Даже самые прилежные и способные изъ нашихъ учениковъ не могутъ ограничиться въ жизни тѣмъ, чему научила ихъ школа, но каждый, какое бы онъ мѣсто или должность ни занялъ, долженъ, уже по окончанію школы, готовиться къ нему. Никогда еще поговорка „non scholae, sed vitae discimus“, не грышила такъ противъ истины, какъ въ наше время. Самое цѣнное, что мы можемъ дать подрастающему поколѣнію, вступающему въ жизнь, не большее или меньшее количество знаній, но выработанный характеръ, твердость въ своихъ убѣжденіяхъ и сила воли. Вооруженный всѣмъ этимъ юноша выдержитъ всякую жизненную борьбу. Не то, что училь и чemu научился ученикъ въ школѣ, но то, что онъ научился работать и выработалъ въ себѣ волю и способность къ дальнѣйшей работѣ, поддержать его въ житейскомъ морѣ.

Мы должны выяснить себѣ, что мы слишкомъ много дрессируемъ учениковъ и, что такая выучка и дрессировка, въ случаѣ нужды и въ моментъ испытанія, оказываются недостаточными и тотчасъ же отпадаютъ. Въ особенности не можетъ быть предметомъ дрессировки то, что на каждомъ поприщѣ является главнымъ, а именно послушаніе и подчиненіе, безъ которыхъ ни чиновникъ, ни купецъ, ни работникъ не могутъ обойтись, и дисциплина и точность, безъ которыхъ не можетъ существовать техника. Все это должно быть дѣломъ любви, и намъ не слѣдуетъ этотъ трудный учебный материалъ пре-

доставлять семѣ,—а создать изъ нашихъ школъ воспитательныя учрежденія, чтобы ученики, оставляя работу—не страхнули бы съ себя, какъ рабы, ненавистныхъ оковъ, вступали въ свѣтъ, свободными и сильными волей мужами.

Въ средніе вѣка характеры воспитывались церковью, теперь же эта обязанность перешла къ школѣ, такъ какъ она единственный органъ, черезъ который должны пройти всѣ люди. И особенное внимание на воспитаніе характера должна обратить средня школа, такъ какъ въ ней воспитываются люди, которые въ будущемъ займутъ самыя отвѣтственные должности въ государствѣ. Съ этимъ нашимъ мнѣніемъ согласны всѣ выдающіеся люди нашего времени. Знаніе не есть главное, „единственное, что дѣйствительно необходимо народамъ и отдельнымъ людямъ, это—характеръ. Знаніе не можетъ замѣнить характера“. (Рузельть).

Положеніе 3. „Средня школа слишкомъ односторонне занимается развитіемъ ума; измѣнившися въ наше время культурныя и соціальныя условія требуютъ, чтобы она не ограничивалась передачею, въ связи съ правами школы, одного только знанія, но занялась бы гораздо больше, чѣмъ теперь, воспитаніемъ характера“.

Панацея, къ которой совѣтуетъ прибѣгнуть Ферстеръ, чтобы превратить школу ума въ школу характера, заключается въ болѣе глубокомъ этическомъ воздействиѣ на душу. Онъ хочетъ, чтобы это воздействиѣ происходило на особыхъ урокахъ этики и путемъ нравственныхъ бесѣдъ съ учениками. Съ большими единодушіемъ всѣ педагоги-практики высказались противъ этого требованія. Мы не можемъ ввести уроковъ этики прежде всего потому, что у насъ нѣтъ свободного времени. У какого же предмета намъ отобрать время, чтобы предоставить его этикѣ? Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что далеко не каждый учителъ способенъ вести нравственный бесѣды съ учениками.

никами. Если бы даже первыя два препятствія и отпали, то оставалась бы опасность, что уроки этики превратились бы въ заучиванье правилъ морали. Кроме того, слѣдуетъ упомянуть, что учитель на урокахъ этики очень легко можетъ впасть въ противорѣчіе съ объясненіями, даваемыми на урокахъ Закона Божіяго. Въ особенности у насъ, въ Рейнской провинціи, где въ школахъ учатся ученики двухъ вѣроисповѣданій, подобные уроки этики служили бы причиной постоянныхъ недоразумѣній между преподавателями Закона Божіяго и этики. Вѣдь нельзя забывать, что у обоихъ вѣроисповѣданій на многіе основные вопросы взгляды совершенно различны. При этомъ намъ совсѣмъ не надо брать такихъ понятій, которыхъ въ догматахъ обѣихъ церквей толкуются совершенно различно, какъ, напримѣръ, оправданіе и искупленіе. Допустимъ только, что на урокахъ Закона Божіяго и этики обсуждается свобода воли, добродѣтель, высшее благо. Какая путаница должна произойти въ головахъ учениковъ, если то же самое понятіе будетъ имъ выводиться и объясняться то съ точки зрѣнія религіозной или даже конфесіональной, то съ точки зрѣнія историко-философской! Подобно этому, многіе другіе вопросы вызовутъ совершенно различные объясненія со стороны протестантскихъ и католическихъ законоучителей и преподавателей этики. Предоставимъ же преподавателямъ христіанскихъ вѣроученій объяснять вопросы этики и будемъ осторегаться вводить въ нашу школу, которая многое создала, такъ какъ стояла на почвѣ вѣрующаго христіанства, нехристіанскую этику, яко бы для воспитанія характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не отрицаемъ, что можно было бы многое опустить изъ доктринальныхъ объясненій и изъ подробностей катехизиса, чтобы найти время для нравственныхъ бесѣдъ.

Но этотъ вопросъ далеко не новъ! Уже 25 лѣтъ тому назадъ Мюнхъ его поднялъ въ своей талантливой

стать о преподаваніи Закона Божіяго. Если бы законоучители, по его совѣту, отдавали предпочтеніе этическому элементу передъ догматическимъ, то мы не нуждались бы въ урокахъ этики. И какъ, наконецъ, отнесутся къ такимъ урокамъ этики родители? Религіозная этика имѣть за собою авторитетъ многихъ столѣтій и уже потому противъ нея не протестуютъ. Но какъ родители отнесутся къ этикѣ, которую учитель будетъ преподавать по новѣйшимъ философамъ?

Можемъ-ли мы быть увѣрены, что большинство родителей пойдутъ навстрѣчу такимъ урокамъ? Опытные педагоги отрицаютъ это, и, къ сожалѣнію, оказалось, что родители, съ которыми мы имѣемъ дѣло, относятся къ этимъ урокамъ отрицательно и не въ состояніи поддерживать насъ.

Часто не хватаетъ образованія, времени и терпѣнія, а также недостаетъ послѣдовательности и единодушія отца и матери.

Перейдемъ теперь къ случайнымъ нравственнымъ бесѣдамъ.

Даже такой педагогъ, какъ Леманъ, сознается, что эти бесѣды не удавались и не удовлетворяли его. Мы, вѣроятно, поручили бы веденіе этихъ бесѣдъ классному наставнику, такъ какъ отъ него мы могли бы ожидать наибольшаго успѣха. Но найдеть-ли каждый классный наставникъ въ себѣ достаточно охоты, любви и такта для такихъ трудныхъ объясненій? Если классный наставникъ не будетъ искусственно привлекать вопросы, но будетъ касаться только случаевъ, которые вытекаютъ изъ школьнай жизни, напримѣръ, обязанность быть правдивымъ и чистоплотнымъ, и если эти случаи хорошо дидактически разобраны, то они могутъ принести большую пользу. Но вѣдь можетъ быть, что эти уроки превратятся въ выговоры и назидательныя рѣчи, бывшиe въ прежнее время неотъемлемою принадлежностью уроковъ,

да и теперь еще любимые нѣкоторыми учителями, а тѣмъ болѣе учениками, для которыхъ они служить пріятнымъ развлечениемъ во время урока.

Это морализированіе не имѣть смысла; мало того, оно можетъ принести много вреда. И если мы начнемъ разбирать примѣры, приводимые Ферстеромъ, то мы должны будемъ сознаться, что часто намъ трудно будетъ скрыть саркастическую улыбку. Большинство педагоговъ, напримѣръ, врядъ-ли одобрять его способъ борьбы съ смѣшилостью. Намъ кажется, что Ферстеръ вѣль эти бесѣды со слишкомъ большимъ идеализмомъ и со слишкомъ незначительнымъ скептицизмомъ, вынесеннымъ изъ практики и—по отвѣтамъ, ничтоже усомнѣшися, вывелъ успѣхъ.

Мы должны остерегаться подобного самообмана. Швейцарскій ученый, какъ разъ въ этой области, изъ-за недостатка школьнай практики, впадаетъ въ роль ультрадовѣрчиваго учителя, какъ ихъ выводятъ въ школьныхъ драмахъ и романахъ. Мечтатель не смѣеть быть воспитателемъ. И какъ велика опасность, что бесѣды эти превратятся въ скучныя наставленія! (8). „Постоянно вѣдущій бесѣды подвергается опасности превратить нравственность изъ само собою разумѣющагося дѣла сердца въ дѣло разума“, (3) и если бесѣды велись съ второклассниками, какъ оно было въ данномъ случаѣ, то надо много такта со стороны преподавателя, чтобы бесѣда не дала какъ разъ противоположнаго тому, что желали. Итакъ бесѣды „по—человѣчески“ съ учениками—это нѣчто хорошо выглядящее издалека, а при близкомъ осмотрѣ оказывающееся непригоднымъ. Кромѣ того, является опасность, что тѣ преподаватели, которымъ не поручено „разговаривать“ съ учениками, совершенно прекратятъ бесѣды съ учениками. Единственный подходящій исходъ, можетъ быть, слѣдующій: классный наставникъ пишетъ на доскѣ какой-нибудь вопросъ изъ этики и оставляетъ его тамъ въ теченіе недѣли. Это былъ бы приблизительно тотъ же

самый способъ воздействиа, какъ его проводить съ большимъ успѣхомъ—староста въ „Oberhofѣ“ Иммермана. Дадимъ ученику самому поразмыслить надъ этическимъ вопросомъ и при этомъ поможемъ ему, не впадая въ ошибку законоучителей при преподаваніи катехизиса, гдѣ исходной точкой объясненія бываетъ заповѣдь, а не ребенокъ и его своеобразные взгляды. Гораздо лучше уроковъ этики и нравственныхъ бесѣдъ будетъ, если каждый учитель во время своего урока употребить всѣ, свойственные его предмету, силы, чтобы укрѣпить работу ученика въ себѣ самомъ и противъ себя. Даже во время такихъ уроковъ, которые, на первый взглядъ, не имѣютъ ничего общаго съ моралью, можно найти случай поговорить о ней. На урокахъ математики, напримѣръ, можно указать ученикамъ на порядокъ, точныя выраженія, чистоту и т. д.

Не слѣдуетъ, однако, злоупотреблять этими бесѣдами. Слѣдующій, часто приводимый, примѣръ показываетъ, какъ легко при подобныхъ разговорахъ впасть въ ошибку: при разборѣ „die Bürgschaft“ Шиллера бываетъ, что на первый планъ выдвигается значеніе пунктуальности. Точно такъ же, какъ мы не посвящаемъ отдѣльныхъ уроковъ развитію любви къ отечеству и національного чувства, на которыхъ Ферстеръ, впрочемъ, обращаетъ мало вниманія, такъ мы не будемъ посвящать уроковъ этикѣ, ибо какъ все наше преподаваніе проникнуто любовью къ отечеству и національнымъ чувствомъ, такъ оно должно быть проникнуто и нравственностью. И не слѣдуетъ начинать со старшихъ классовъ! Вѣдь проводять же дифференциальный принципъ въ математикѣ съ младшихъ классовъ, не изучая дифференциального исчисленія, точно также мы на протяженіи всего учебнаго курса можемъ проводить принципы этики безъ постоянныхъ разглагольствованій обѣ этикѣ и морали.

Положеніе 4. „Но это также не зависитъ отъ

введенія уроковъ этики и нравственныхъ бесѣдъ, какъ и любовь къ отечеству—отъ особаго обученія, но отъ того, что весь преподаваемый въ школѣ материалъ этически проникнуть и использованъ на то, чтобы укрѣпить ученика въ работѣ надъ собою“.

Если это произойдетъ, то у насъ исчезнутъ остатки столь поносимой старой „палочной“ педагогики. Учитель долженъ владѣть самимъ собою, если онъ хочетъ воспитывать учениковъ. Въ этомъ пунктѣ Ферстеръ, можетъ быть, болѣе всего правъ, что учителя должны больше работать надъ самими собою, чтобы улучшить свои отношенія къ ученикамъ. Уже съ древнѣйшихъ временъ воспитатель слыветъ за человѣка, которому присвоено исключительное право тѣлесно наказывать ввѣренныхъ ему дѣтей, между тѣмъ какъ самъ онъ часто не въ состояніи владѣть собою и нравственно влѣять на другихъ. Миѳнія о томъ, слѣдуетъ ли совершенно изгнать тѣлесное наказаніе изъ школы, очень различны; очень много добросердечныхъ педагоговъ поступаютъ согласно Ветхому Завѣту: кто любить своего ребенка, тотъ наказываетъ его.

Если дѣти съ малыхъ лѣтъ будутъ знать, что ихъ не смѣютъ бить, то можно ожидать съ ихъ стороны грубыхъ и дикихъ поступковъ. Средство, остающееся въ такихъ случаяхъ у школы, это исключеніе изъ учебнаго заведенія; но не наказываемъ-ли мы при этомъ больше родителей, чѣмъ ученика? Значитъ, для проступковъ, носящихъ грубый и злостный характеръ, самимъ лучшимъ наказаніемъ будетъ, какъ и раньше, тѣлесное. Нельзя совершенно уничтожить тѣлесное наказаніе. Но благоразумные педагоги, вѣроятно, согласятся, что мы должны низвести тѣлесный наказанія до *minimum* уже изъ одного чувства собственного достоинства. Если бы попробовать видѣть въ дѣтиахъ съ ранняго ихъ возраста, до нѣкоторой степени, равноправныхъ людей, то легко

было бы убѣдиться, что кротостью и добротою гораздо легче можно развить зародыши благородныхъ чувствъ, чѣмъ строгостью и суровостью.

Вопросъ, назначаются ли наказанія для устрашенія или для улучшения, и у юристовъ еще не выясненъ и, вѣроятно, не выяснится никогда. Одно не подлежитъ сомнѣнію, что наказаніе должно стоять въ связи съ проступкомъ, и что оно должно носить характеръ раскаянія и искупленія, скорѣе даже лѣкарства. Можно установить, что наказанія и угрозы довольно хорошия средства для достиженія дисциплины, но мы достигнемъ того же, если будемъ поощрять труды учениковъ и отнесемся къ нимъ съ отеческимъ довѣріемъ. „Высшая обязанность—это довѣріе, и самое дѣйствительное воспитательное средство—любовь“, говорить уже Полакъ. Но мы слишкомъ много еще работаемъ принудительными мѣрами, угрозами, наказаніемъ, хотя столько разъ убѣждались, что полицейскими мѣрами душевная силы не одного ученика обращаются на бесплодный путь пассивного сопротивленія и озлобленія (6). Но мы вовсе не хотимъ ослабить школьную дисциплину большими довѣріемъ, которое мы оказываемъ ученику. Мы хотимъ только дать ей новыя основы. Только если преподаватель пользуется авторитетомъ у учениковъ, то этимъ довѣріемъ онъ можетъ сдѣлать много добра. Часто высказывалось опасеніе, что при исполненіи совѣтовъ Ферстера пострадаетъ не только школьная дисциплина, но и понизится уровень знаній учениковъ. „Если мѣсто прежнаго суроваго шульмейстерства при воспитаніи займетъ болѣе мягкий режимъ, то ученики станутъ еще поверхностнѣе и самонадѣяннѣе, они еще легкомысленнѣе будутъ относиться къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ раньше, если только не проявится во всей своей силѣ душевного развитія для возстановленія равновѣсія, вѣрнѣе, для доставленія перевѣса добровольнымъ повиновеніемъ“! „Мы должны помнить,

что намъ надо воспитать въ нашихъ ученикахъ не только твердый характеръ, но также сдѣлать изъ нихъ способныхъ мыслить и вооруженныхъ знаніемъ людей“. Можно противопоставить преувеличеному настоянію Ферстера о воспитаніи воли обратное предупрежденіе: „Горе твердо выраженной волѣ безъ духовнаго содержанія!“ Само собою разумѣется, что научные требования, предъявляемыя къ ученикамъ, не должны быть уменьшаемы изъ-за измѣненія личныхъ отношеній между учителемъ и учениками; наоборотъ, измѣненіе это должно послужить улучшенію ученическихъ работъ, а главное тому, чтобы эти работы были честно исполненными. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы подошли къльному мѣсту, къ самой страшной язвѣ нашихъ учебныхъ заведеній, къ школьной лжи. Мы должны согласиться, что Ферстеръ говорить здѣсь прекраснѣйшія слова увѣщеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы подчеркнемъ, что именно здѣсь Ферстеръ болѣе всего преувеличивается, почти борется съ вѣтренными мельницами. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло, можетъ быть, и обстоитъ такъ плохо, что Ферстеръ даетъ намъ, по большей части, вѣрную картину, но большинство школъ въ дѣйствительности гораздо лучше того мнѣнія, какое себѣ о нихъ составилъ Ферстеръ. Часто разныя описанія лжи и обмана, разсказываемыхъ учениками и взрослыми изъ своихъ школьнѣхъ воспоминаній, оказываются результатомъ особаго рода хвастовства, и при разсмотрѣніи получается довольно безобидное происшествіе.

Несмотря на это, мы, учителя приложимъ всѣ усилия, провѣримъ себя и постараемся устранить могущіе быть недостатки. Не слѣдуетъ однако забывать, что Іегеръ, Маттіасъ и другие нѣмецкіе педагоги сказали намъ золотыя слова о школьнѣй лжи и ея изгнаніи, которая не остались безъ результата. Мы уже давно знаемъ, что высоко развитое чувство чести служитъ фундаментомъ правдивости, и что поэтому мы всячески должны раз-

вивать это чувство. Мы знаемъ, что мало развитые ученики гораздо больше насыщены, взрослыхъ, склонны къ обратившейся въ привычку лжи, и поэтому мы должны подкреплять учениковъ къ борьбѣ со всѣми худыми привычками и наклонностями, въ особенности съ ложью. Все это мы не только знаемъ, но и поступаемъ согласно этому.

Въ особенности при обсужденіи „героической лжи“, швейцарскому педагогу, какъ кажется, опять недостаетъ школьнай практики, т. к. каждый кандидатъ на должность учителя знаетъ, что онъ не долженъ допускать до героической лжи. Если же исчезнетъ ложь, то исчезнутъ необходимыя ея послѣдствія—наказанія.

И отношенія между учителемъ и учениками, между школой и семьей улучшатся; въ особенности, если учитель будетъ посещать родительскія собранія, или вообще тѣмъ или инымъ путемъ сближаться съ родителями, и родители съ своей стороны будутъ помогать учителю. Тогда родители убѣдятся, что строгость учителя не есть несправедливость, что, наоборотъ, „много безсердечія въ сожалѣній и много caritas (любви)—въ строгости“. Они замѣчатъ, что дикое дерево не приносить хорошихъ плодовъ, что характеръ развивается только черезъ препятствія, и что только черезъ послушаніе человѣкъ научается возвышению надъ своимъ естественнымъ волевымъ стремленіемъ, которое въ противномъ случаѣ всю жизнь держало бы человѣка въ своихъ когтяхъ. Родители, раньше жаловавшіеся на то, что ихъ ласковый, нѣжный мальчикъ постепенно дѣлается жестче, замѣчаютъ теперь, что интеллигентность не можетъ жить въ изнѣженномъ человѣкѣ, и отдаютъ преимущество развивающейся въ юношѣ „молчаливой возмужалости“.

Положеніе 5. „Учитель долженъ, обходясь по возможности безъ принудительныхъ мѣръ и тѣлесныхъ наказаний и любовно вникая въ личные особенности ученика, довѣрять, построеннымъ на сильномъ авторитетѣ,

создать хорошее и честное отношеніе учениковъ къ школѣ“.

Больше всего мы достигнемъ, если учитель не всегда будетъ вести себя по отношенію къ ученикамъ суровымъ воспитателемъ, но на урокахъ будетъ соблюдать общественные формы вѣжливости, и вѣнѣ ученія обращаться съ учениками, какъ человѣкъ и другъ. Сколько пользы тутъ могутъ принести совмѣстныя прогулки! Какъ хорошо тутъ знакомятся другъ съ другомъ учитель и ученикъ.

Иной примѣрный ученикъ оказывается жалкимъ карьеристомъ, а ученики, мало чѣмъ выдѣляющіеся въ школѣ, обнаруживаютъ доброе сердце, отзывчивую душу или большую начитанность и разносторонніе интересы, а также прекрасный характеръ. Съ своей стороны строгій учитель удивляетъ порою учениковъ своимъ веселымъ смѣхомъ и показываетъ интересъ въ такомъ направленіи, въ какомъ менѣе всего ожидали это его питомцы.

Тотъ, кто совершаѣтъ съ учениками не только небольшая, официальная прогулки, но продолжаютъся цѣлыми днями переходы, можетъ подтвердить, что между учениками и учителями завязываются такія сердечные отношенія, которыя дѣлятся долгое время послѣ оконченія учениками курса. Тотъ же результатъ получается, если сочувственно относиться къ забавамъ учениковъ, помогать имъ при занятіи ремесломъ, при собираніи коллекцій, устраиваніи акваріума или терраріума и т. д. Если ученики организуютъ кружокъ для занятія стенографіей или спортомъ, то они всегда рады учителю, имѣющему за ними надзоръ, и если учитель устраиваетъ съ учениками литературные вечера или шахматныя собранія или читаетъ вмѣстѣ съ ними произведенія Рейтера, Шиллера или новѣйшихъ писателей, то ученики ему за это благодарны и признательны.

Побольше бы учителя нашей средней школы дѣлали такихъ попытокъ сближенія съ учениками! Польза заклю-

чается не только въ улучшениі виѣшнихъ отношеній между учителемъ и ученикомъ, но и въ томъ, что ученикъ путемъ самодѣятельности чувствуетъ удовольствіе отъ работы, показываетъ поразительное усердіе къ этой свободной работѣ и начинаетъ любить свою школу. Самодѣятельность учениковъ, свободная работа не только въ лабораторіяхъ и во время другихъ практическихъ занятій, но и работа виѣ школы при осмотрѣ научныхъ и техническихъ учрежденій, или во время прогулокъ по нашей родинѣ, справедливо признается большинствомъ нашихъ педагоговъ лучшимъ средствомъ внушить ученику удовольствіе къ работе и полюбить того, кто ею руководитъ.

Положеніе 6. „Главнымъ образомъ это достигается, если учитель входить въ общеніе съ учениками и во виѣ учебное время и побуждаетъ ихъ къ самодѣятельности“.

Ферстеръ, наоборотъ, больше рекомендуетъ пользоваться помощью учениковъ въ школѣ, поручая имъ незначительныя школьнія должности, какъ это въ ограниченной мѣрѣ практикуется у настѣ во всѣхъ почти школьніхъ заведеніяхъ. На основаніи изученія американскихъ школъ онъ развиваетъ свою мысль и требуетъ учрежденія school-city, т. е. школьнаго государства, вѣрнѣе, такого школьнаго управлениія, при которомъ ученикамъ представляется самоуправлениѣ. Эта мысль также не нова: ее въ достаточной степени развила Тротцендорфъ, и во многихъ интернатахъ Германіи она примѣняется до извѣстной степени. Отъ привлеченія учениковъ къ небольшимъ школьнымъ услугамъ до пріобщенія къ правленію школой — шагъ небольшой; самоуправлениѣ есть крайнее слѣдствіе самодѣятельности.

Положеніе 7. „Высшая форма самодѣятельности — самоуправлениѣ, школьнаго государства, школьнаго конституція“.

Большинство педагоговъ не решаются ввести у себя

школьное самоуправлениѣ по американскому образцу, говоря, что такое демократическое управлениѣ умѣстно въ республиканской Америкѣ, но не въ нашемъ конституціонномъ государствѣ. Вспомнимъ однако, что и у настѣ болѣе мелкіе представители правительства сильно демократизованы, и что значительная часть нашихъ законодательныхъ учрежденій создается путемъ самостоятельныхъ выборовъ депутатовъ, происходящихъ изъ управляемыхъ круговъ. Кромѣ того, мы видимъ, что мало-помалу демократический принципъ все больше проникаетъ во многія области управления, нисколько не вредя конституціонной монархіи. Слѣдовательно, эти опасенія отпадаютъ сами собою. Къ этому можно прибавить, что наша школа имѣть автократическое начальство, которое съ успѣхомъ можетъ справиться съ демократическими тенденціями, буде онѣ начнутъ слишкомъ усиливаться. Важнѣе всего то обстоятельство, что школьнаго государства или самоуправлениѣ отнюдь не должны создавать новую оппозицію между учениками и преподавателями, но допустимы лишь въ томъ случаѣ, если будутъ работать въ добромъ согласіи съ учителями и директоромъ.

Въ тѣхъ школахъ, которыя сдѣлали попытку ввести у себя самоуправлениѣ, а ихъ не мало, оно одобрено педагогическимъ совѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ отдѣльные пункты устава выработаны преподавателями совмѣстно съ достойными довѣрія учениками.

Положеніе 8. „Нѣть опасеній, что самоуправлениѣ будетъ демократизировать въ худомъ смыслѣ слова, если, какъ оно и должно быть, самоуправлениѣ будетъ работать въ согласіи съ учителями и директоромъ“.

Всѣ ожидаемыя затрудненія основаны на боязливомъ недовѣріи. Странно, что противъ самоуправления высказались не мелочные и безсердечные люди, но учителя, главнымъ образомъ классные наставники, которые выдѣлялись до сего времени прекраснымъ исполненіемъ

своихъ обязанностей и всегда сердечно относились къ своимъ ученикамъ. Они опасаются, что отношение ихъ къ ученикамъ своего класса можетъ быть поколеблено, если между ними и учениками будетъ стоять, какъ промежуточная инстанція, довѣренное лицо. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ не побоялись сдѣлать, попытки это опасеніе оказалось неосновательнымъ. Только отъ учителей зависитъ, дастъ или не дастъ самоуправлѣніе хорошій результатъ. Мы уже можемъ установить, что лучше всего эти попытки удавались тамъ, гдѣ учителя теплѣе отнеслись къ новой идеѣ. Нечего, конечно, и думать о проведеніи реформы, если учителя съ недовѣріемъ къ ней относятся и при каждомъ случаѣ высказываютъ свое подозрѣніе и обвиняютъ новое устройство. Столь любимая теорія защупливанія должна уступить мѣсто новой педагогикѣ ободрѣнія. Прежде же всего необходимо довѣріе, взаимное довѣріе.

Кромѣ того необходимо терпѣніе, чтобы вслѣдствіе ошибокъ, которыхъ будутъ допущены вначалѣ въ этомъ дѣлѣ, какъ и повсюду, не заключать, что вся реформа ошибочна. Если только учителямъ станетъ ясно, что ученики освободятъ ихъ отъ массы мелкой работы, ряда мелкихъ непріятностей, тогда сама собою явится признательность къ ученикамъ за ихъ работу, и учитель будетъ ихъ поддерживать, имъ совѣтовать и помогать. Ученикамъ съ успѣхомъ можно поручать многое, что раньше входило въ обязанность учителя: помогать при собираніи коллекцій, надзоръ во время экскурсій, въ церкви и поѣздахъ, передъ началомъ уроковъ и во время перемѣнъ, ревизіи классныхъ комнатъ, даже произнесеніе небольшихъ рѣчей въ достопамятные дни. Неужели же учитель не пойдетъ всѣму этому навстрѣчу? Noblesse oblige!

Введеніе самоуправлѣнія въ учебныхъ заведеніяхъ съ неполнымъ курсомъ представляется болѣе затруднитель-

нымъ и имъ придется ограничиться самоуправлѣніемъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ, такъ какъ даже у старшихъ учениковъ недостаетъ нравственной зрѣлости для руководства воспитаніемъ своихъ сотоварищѣй. Учебныя заведенія съ полнымъ курсомъ въ этомъ отношеніи поставлены въ тѣмъ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ лучше составъ учениковъ. Полное проведеніе въ жизнь школьнаго государства въ Ферстеровскомъ смыслѣ возможно только въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, на что указываетъ и самый путь развитія означенной реформы.

Часто указываютъ, что ученики еще недостаточно зрѣлы, чтобы помогать другъ другу при серьезной и основательной научной работе. На это можно возразить, что мы именно стремимся выработать въ ученикахъ зрѣлость.

Развѣ мало молодыхъ людей въ возрастѣ нашихъ семи, восьмиклассниковъ занимаются самостоятельные должности, на которыхъ иногда даже должны приказывать другимъ, и во всякомъ случаѣ умѣть владѣть собою. Достаточно указать на молодыхъ офицеровъ, ремесленниковъ, коммерсантовъ или на лакеевъ; послѣдніе должны особенно умѣть владѣть собою.

Чѣмъ руководствуемся мы при выдачѣ ученику аттестата зрѣлости? Только тѣмъ, что онъ не противится принужденію, чтобы не повредить самому себѣ. Но настолько ли онъ воспитанъ, чтобы умѣть владѣть собою, когда выйдетъ на свободу? Сколько учениковъ не поддаются нашему воспитанію и впослѣдствіи хорошо воспитываются въ высшемъ учебномъ заведеніи, благодаря корпоративной жизни! И это происходитъ даже послѣ полнаго отрицанія дисциплины, которое мы, къ сожалѣнію, такъ часто замѣчаемъ. Такъ и воспитаніе товарищами иногда гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ строгіе выговоры и наказанія учителей, и не одинъ трудно укротимый ученикъ, на котораго не дѣйствовало никакое на-

казание, улучшается, если, поручая ему какую-нибудь должность, ему оказываются известное довѣріе.

Въ воспитаніи всегда должно быть замѣтно стремленіе къ общественности, тогда привлеченіе учениковъ къ управлению школой дастъ положительные результаты, и не потребуется, чтобы ученики связали себя этическими требованіями. Помощь старшихъ учениковъ при поддержаніи школьнай дисциплины окажется, вѣроятно, возможна во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. За послѣднее время повсюду надзоръ за учениками, во дворѣ и въ коридорахъ, поручается старшимъ ученикамъ, и не надо отказываться отъ этого испытанного средства, опасаясь неудобства привлеченія учениковъ къ отвѣтственности. Надо только постепенно переходить отъ участія въ управлении къ самоуправлению и не надо начинать съ большихъ плановъ, а со скромнаго дѣла. Прежде всего слѣдуетъ заручиться симпатіями учителей къ дѣлу самоуправлена. Если они не интересуются этимъ дѣломъ, сомнѣваются въ пользу его или смотрятъ на него не какъ на серьезное дѣло, а на забаву, то нельзя ожидать хорошаго результата. И, какъ известно, преподавателей, сильныхъ только въ критикѣ, большинство,— и они находятся подъ вліяніемъ старыхъ традицій, по которымъ школьнай дисциплина заключается въ созданіи внѣшнаго порядка, необходимаго при обученіи, и въ принужденіи учениковъ къ прилежанію. Нѣкоторые упреки и сомнѣнія по поводу самоуправлена можно сейчасъ обсудить. Прежде всего говорятъ, что назначаемые до сихъ поръ классными наставниками—дежурные, которые исполненіе этой должности считали за честь, добросовѣстно и хорошо исполняли свои обязанности, такъ что выборныя довѣренныя лица врядъ-ли исполнять это лучше. Надо надѣяться, что оно такъ и есть, такъ какъ иначе проницательность классныхъ наставниковъ заслуживала бы порицанія. Но

дѣло не въ томъ или другомъ довѣренномъ лицѣ, и, въ концѣ концовъ, безразлично, кто выбираетъ или назначаетъ его, такъ какъ индивидуальное вліяніе отдѣльныхъ товарищескихъ рѣдко имѣть успѣхъ; тутъ болѣе приносить пользы привлеченіе ученической массы воспитаніемъ класснаго духа и призывомъ къ ученикамъ насчетъ поддержанія порядка, чистоплотности, умѣнія себя держать при корпоративныхъ выступленіяхъ, а также сексуальной чистоты. Обычный упрекъ, что при самоуправлена поощряется карьеризмъ, исчезаетъ товарищеское чувство и развивается лицемѣріе, отпадаетъ, какъ только учитель и директоръ примутъ серьезныя мѣры противъ этихъ золъ. И если при выборахъ довѣренныхъ лицъ начинаются партійность и распри, какъ это часто бываетъ въ общественной жизни, то въ этомъ виноватъ классный наставникъ, такъ какъ онъ или не способенъ къ своей должности, или отрицательно относится къ самоуправлению. Если же оказалось бы, что довѣреннымъ лицамъ или ученикамъ, которымъ поручено дежурство въ перемѣну, будетъ оказано сопротивленіе, то надо за нихъ заступиться и доставить имъ авторитетъ; опытъ показываетъ, что благопріятный результатъ долженъ сказаться.

Очень недовѣрчиво относятся также къ праву выборныхъ—наказывать учениковъ. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, где это наказаніе введено, оно, конечно, нуждается въ утвержденіи директора или класснаго наставника. Недовѣріе вызываютъ денежные штрафы, которые кое-гдѣ введены; такъ называемая „атимія“¹⁾ также кажется намъ неудачнымъ установлениемъ. Суть, конечно, не въ наказаніи, а въ томъ, чтобы предупреждать преступки и добиться правильнаго пониманія. Кромѣ того, намъ кажется, что въ общей отвѣтственности и въ общихъ обязанностяхъ, которыхъ возлагаются школьнай общиной

¹⁾ Здесь—это исключение изъ общества товарищескихъ.

на своихъ товарищахъ, большое значеніе имѣть моральное вліяніе; конечно, школьная община должна быть морально здорова и умно организована. Если это такъ, то очень легко можно развить совѣсть учениковъ и намъ часто приходилось съ радостью видѣть, какъ одного указанія было достаточно, чтобы исправить дисциплину на урокахъ у слабохарактерныхъ и молодыхъ учителей, никого не наказывая. Обычный порядокъ при введеніи самоуправления нынѣ слѣдующій: довѣренныя лица выбираются своими товарищами, но нуждаются еще въ утвержденіи. Прежде всего они обязаны заботиться объ улучшении поведенія своихъ товарищахъ и только тогда докладывать классному наставнику, если этого улучшенія не послѣдуетъ. Все узнанное и наблюдалое записывается и обсуждается, и въ концѣ учебнаго года или четверти свободно обсуждаются дѣйствія завѣдующихъ классными должностями. При этихъ обсужденіяхъ часто затрагиваются и другія классныя и училищныя дѣла и часто выясняются вопросы, которые легко могли бы ускользнуть отъ вниманія класснаго наставника. Если сдѣлать дѣломъ чести класса и каждого ученика, чтобы ихъ имена при обсужденіи не называли, мы будемъ имѣть успѣхъ по всей линіи. Совершенно отпадаетъ, такимъ образомъ, опасеніе, что мы не можемъ имѣть вліянія на отдѣльныхъ личностей, а только на массы. Какъ разъ при самоуправлении, которое, на первый взглядъ, отдалляетъ учителя отъ ученика, гораздо легче обращаться съ каждымъ ученикомъ согласно особенностямъ его характера. Само собою разумѣется, что мы не хотимъ такъ далеко заходить въ самоуправлении, какъ объ этомъ неоднократно говорили въ шутку и серьезно. Мы не допустимъ учениковъ до критики учителей, не говоря уже о выборахъ ихъ учениками, о правѣ „представителей рабочихъ вступать въ переговоры съ „работодателями“, о забастовкѣ, и бойкотѣ (Maxl Bierjung, in der Jugend). Преимущество са-

моуправлія заключается еще въ томъ, что ученики станутъ гораздо опытнѣе въ области, на которую слѣдуетъ обратить особое вниманіе: въ дѣлѣ гражданского воспитанія. Какъ трудно, напримѣръ, теперь бываетъ даже взрослому разобраться въ избирательной системѣ или понять разницу между тайной и открытой подачей голосовъ. Всему этому ученикъ учится шутя на практикѣ, и выростаетъ вполнѣ готовымъ къ своимъ правамъ и обязанностямъ гражданина. Онъ выбираетъ тѣхъ своихъ товарищахъ, которые будутъ вступаться за его интересы, и начинаетъ скоро отличать пустого болтуна отъ честнаго человѣка, заслуживающаго довѣрія и умѣющаго хорошо вести дѣло. Онъ научается оцѣнивать партійность и пристрастіе и начинаетъ понимать значеніе крѣпкой связи, здороваго товарищескаго корпоративнаго духа. Еще цѣннѣе то, что является сознаніе, что за избирательнымъ правомъ всегда слѣдуетъ избирательный долгъ, и что большія права вызываютъ и большія обязанности. Одного этого сознанія, котораго не хватаетъ многимъ нашимъ гражданамъ и которое часто называютъ самыми большими недостаткомъ нашей избирательной системы, уже достаточно, чтобы попытаться ввести самоуправление. Въ то время, какъ наше обычное воспитаніе проникнуто религіознымъ и национальнымъ чувствомъ, самоуправление даетъ намъ поводъ расширить его въ сторону нашихъ гражданскихъ обязанностей.

Положеніе 9. „Хотя въ полномъ объемѣ реформу можно провести только въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, тѣмъ не менѣе она приноситъ пользу и нашимъ школамъ, расширяя религіозное и национальное воспитаніе въ сторону соціальную и гражданскую“.

Ясно, что успѣхъ можетъ быть достигнутъ только при планомѣрномъ, постепенномъ введеніи и продолженіи самоуправления. Какъ свобода, данная народу внезапно,

приносить плачевые результаты, такъ какъ основой для большой свободы должно быть постепенное укрѣпленіе народнаго характера и образованія, такъ и внезапно устроенное школьнное государство или совершенно не удалось бы, или имѣло бы самыя худыя послѣдствія, если осчастливить имъ цѣлое училище. Слѣдуетъ вводить постепенно расширяющееся самоуправление осторожно, начиная съ младшихъ классовъ; еще лучше, если исходнымъ пунктомъ введенія самоуправления служить самостоятельная дѣятельность учениковъ въ кружкахъ. Въ кружкахъ ученикъ чувствуетъ себя гораздо свободнѣе и легко научается отличать, что приносить ему пользу и что — нѣтъ; здѣсь онъ имѣеть даже право налагать наказанія. У всѣхъ тутъ болѣе одинаковые интересы, и потому выборная процедура протекаетъ проще, чѣмъ въ школѣ съ ея разнообразными стремленіями. Кто видѣлъ, какъ серьезно и съ какою добросовѣтностью ученики приступаютъ къ выборамъ должностныхъ лицъ въ кружкахъ, какъ они выбираютъ менѣе любимаго товарища, устранивъ болѣе любимаго, потому что первый кажется имъ болѣе подходящимъ для занятія той или иной должностіи; кто замѣчалъ, что должностныя лица, выбранныя учениками, оказываются болѣе на мѣстѣ, чѣмъ такъ называемые образцовые ученики, — тотъ не задумается больше надъ введеніемъ для цѣлой школы этого испытанного въ небольшихъ кружкахъ устроства. Если бы и произошли кое-какія оплошности, то учитель или директоръ во всякое время могутъ вступиться и возстановить порядокъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ также, что не всѣ училища могутъ имѣть одинаковое самоуправление; самоуправление только тогда имѣеть право на существованіе, если оно представляеть собою вѣнчаную форму отношеній между учителями и ихъ учениками, и поэтому оно должно быть различнымъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Каждое учебное заведеніе должно испробовать и вы-

работать положенія сообразно своимъ нуждамъ. Въ то время, какъ въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ можно будеть предоставить ученикамъ даже въ ограниченномъ объемѣ право наказанія, чтобы они вмѣстѣ съ обязанностями получили и права, въ другихъ, въ особенности въ неполныхъ, это невозможно. Если одно учебное заведеніе Рейнскай провинціи полагаетъ, что можетъ не требовать записки отъ родителей послѣ пропуска учениками старшихъ классовъ уроковъ, а довольствоваться объясненіемъ ученика, то это идеальная точка зреінія, которая дѣлаетъ много чести школьнѣ, ученикамъ, а также учителямъ, но не многія школы захотятъ или будуть въ состояніи послѣдовать этому примѣру; то же самое можно сказать и о выборѣ домашніхъ работъ. Кое-гдѣ это принято. Опытъ показываетъ намъ, что ученики въ короткое время начинаютъ дѣлать самоуправление, и что правдивость и честность отъ него не только не страдаютъ, но скорѣе выигрываютъ,

Положеніе 10. „Самоуправление слѣдуетъ начинать съ младшихъ классовъ и, присоединя его къ имѣющимъ школьнымъ кружкамъ, распространить на все учебное заведеніе“.

Самая частая ошибка заключается въ томъ, что облеченные властью ученики не умѣютъ ею, какъ слѣдуетъ, пользоваться. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ученикамъ присвоено право наказанія, оказывается, что они всегда наказываютъ гораздо строже, чѣмъ учителя. Но можно ли этому удивляться? Вѣдь почти всѣ молодые учителя не могутъ найти вѣрной мѣры въ наказаніи и часто переходятъ предѣль! И развѣ мы, старые воспитатели, не должны сознаться, что только послѣ долгихъ лѣтъ и, можетъ быть, горькимъ опытомъ развили въ себѣ снисходительность въ сужденіи объ ученикахъ. Но развѣ сама исторія развитія педагогического дѣла не показываетъ, что не только отдельные учителя, но все

наше сословіе только медленно развиваетъ въ себѣ нѣкоторую гуманность. И если мы сегодня еще должны запрещать учителямъ слишкомъ сильное примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, то наскъ не должно удивлять, что ученики, при исполненіи своихъ надзирательскихъ обязанностей, дѣйствуютъ строже, чѣмъ молодые учителя. Авторитетъ нужно добывать постепенно: такъ оно было со всѣми нами, и безъ ошибокъ дѣло рѣдко обходится. Поэтому при введеніи самоуправлениія надлежитъ слѣдить, чтобы дьяволъ не былъ изгоняемъ при помощи Вельзевула, т. е., чтобы вмѣсто бывшаго до сихъ поръ формального авторитета учителей не возникла ученическая автократія или, еще того хуже, грубое средневѣковое третированіе младшихъ старшими. Выборнымъ надо внушить, что они должны относиться къ другимъ ученикамъ дружески и товарищески.

Если младшимъ ученикамъ дать понять, что они безпрекословно должны повиноваться своимъ старшимъ товарищамъ, а съ другой стороны дѣлать строгія замѣчанія выборнымъ, злоупотребляющимъ своею властью, то въ короткое время развивается дружеское чувство, которое по товарищески соединяетъ старшіе и младшіе классы и облагораживающе дѣйствуетъ на всѣхъ учениковъ. Намъ случалось видѣть, какъ старшіе ученики, надзирающіе за младшими классами, дружески относятся къ младшимъ ученикамъ и даже устраиваютъ съ ними прогулки! До сихъ поръ классы держали себя другъ отъ друга обособленно, и во время нашей юности казалось даже подозрительнымъ, если ученики разныхъ классовъ дружили другъ съ другомъ; теперь же между старшими и младшими классами царить такое довѣріе, отъ которого вся школа можетъ только выиграть.

Вторая ошибка, постоянно наблюдаемая при введеніи самоуправлениія, заключается въ томъ, что свойственное ученику недовѣріе ко всѣмъ школьнімъ установленіямъ

ніамъ ведеть къ отказу лучшихъ учениковъ отъ занятія школьніхъ должностей. Они объясняютъ, что потому не хотятъ занимать никакихъ должностей, что имъ противно по отношенію къ товарищамъ играть роль шпіоновъ и доносчиковъ. Какъ противно должно было быть, противно еще и теперь, хоропимъ ученикамъ наше полицейское отношение къ дѣлу! Въ этомъ подозрѣніи, которое пытаютъ всѣ лучшіе элементы къ нашимъ установленіямъ, заключается суровое обвиненіе нашему отношенію къ ученикамъ и серьезное увѣщаніе выбрать такой путь, который не портилъ бы благородныхъ начальдовѣреніаго намъ юношества. Слѣдующее основное положеніе должно быть общепринятымъ: только въ самомъ крайнемъ случаѣ долженъ выборный ученикъ доводить до свѣдѣнія учителя проступки учениковъ. Всѣ постановленія поэтому предписываютъ, чтобы на младшихъ учениковъ дѣйствовали, по возможности, предупрежденіями и увѣщаніями, и чтобы—мы опять подошли къ требованію честности—ученикъ добровольно сознавался въ своихъ проступкахъ. Если Ферстеръ часто говорить о „добровольномъ повиновеніи“, то мы должны видѣть въ этомъ только игру словъ, только фразу, такъ какъ „добровольного повиновенія“ не существуетъ: свободная воля и повиновеніе внутренне другъ другу противорѣчатъ. По своей волѣ повинуются только тогда, когда главная побудительная причина—любовь, а отъ этого мы еще далеки и въ школьнімъ государствѣ, чтобы ученикъ любилъ своего учителя. Чѣмъ больше мы выясняемъ положительныя стороны школьнаго государства, тѣмъ менѣе мы хотимъ умалить отрицательныя стороны его. Гдѣ много свѣта, тамъ и тѣни много. Самыя отрицательныя стороны нами уже названы, и, конечно, послѣ введенія самоуправлениія выяснятся кое-какіе недостатки. Но эти недостатки не должны насъ смущать и сейчасъ же отвергать школьніе самоуправлениія или пренебрегать имъ. При серьезнѣй

попыткѣ окажется, что проявляющаяся при самоуправлении, въ рамкахъ школьнай жизни, самодѣятельность учениковъ приносить много пользы обществу: оно увеличиваетъ самообладаніе, воспитываетъ въ ученикахъ духъ отвѣтственности за порядокъ и добрые нравы, подготавливаетъ къ государственнымъ и общественнымъ обязанностямъ, увеличиваетъ любовь къ школѣ и помогаетъ улучшить отношения учениковъ къ школѣ.

Положение 11. „Самоуправление должно быть проникнуто товарищескимъ духомъ, а не вести къ замѣнѣ служебного авторитета учителей авторитатей учениковъ, а также къ недовѣрію и доносамъ“.

Одного не слѣдуетъ забывать. Тѣми небольшими реформами, которыя мы проводимъ въ школѣ, и тѣми „средствами“, которыя рекомендуетъ Ферстеръ, дѣло еще не сдѣлано. Причину всѣхъ осуждаемыхъ и достойныхъ осужденія непорядковъ школы мы должны искать въ настѣ самихъ. Мы не можемъ воспитывать сильныхъ характеровъ, если мы сами не личности съ сильными характерами. Мы не можемъ воздѣйствовать на душу, если бездушно, какъ ремесло, исполняемъ наши обязанности. Самая лучшая техника не поможетъ воспитателю, если сердце его не лежитъ къ его дѣятельности. Приходится постоянно повторять, что учителя только самосовершенствованіемъ, только работой надъ собою могутъ поднять свое сословіе. Не безъ основанія указываютъ нѣкоторые отчеты, что уже въ происхожденіи нѣкоторыхъ учителей есть недостатокъ, очень трудно устранимый. До тѣхъ поръ, пока дѣти изъ низшихъ классовъ въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ окончатъ школу, съ трудомъ борясь съ голодомъ пробуются черезъ университетъ и будутъ бѣдствовать во время подготовительного года, на учительское сословіе наложены оковы, которыя трудно сбросить. Часто молодому преподавателю бываетъ невозможно изъ-за своего происхожденія и недостаточнаго

воспитанія подготовлять наше юношество къ общему образованію. Всѣдѣствіе этого, намъ кажется очень опаснымъ учрежденіе многочисленныхъ стипендій, дающихъ дорогу низшимъ классамъ въ высшую школу на учительскія мѣста. И, хотя на первомъ планѣ должно стоять „образованіе сердца“, мы не можемъ отказаться отъ извѣстной мѣры общаго образования и общественныхъ правилъ приличія. Многіе сослуживцы, и между ними какъ разъ лучшіе, неустанно работая надъ собою, устранили этотъ недостатокъ; но это удается далеко не всемъ учителямъ. Пока при подготовкѣ учителей, какъ до сихъ поръ, будутъ пренебрегать областю нравственного воспитанія къ свободѣ, педагогика принужденія, повсюду почти примѣняемая, уже изъ-за своего удобства, всегда будетъ стоять поперекъ дороги новыхъ установленій и стремлений. Только тогда можно достигнуть благопріятныхъ результатовъ, когда составъ учителей будетъ столь же однороднымъ, какъ и учениковъ. Но и на должности учителя обязанъ владѣть собою. Необходимъ постоянный контроль надъ собою, такъ какъ легче увлечься идеаломъ, чѣмъ оставаться вѣрнымъ ему. Настоящій воспитательный духъ долженъ стать всегда общимъ, какимъ онъ жилъ только въ нѣкоторыхъ школахъ и учителяхъ. При введеніи самоуправленія, кромѣ происхожденія учителей важны ихъ развитіе и солидарность. Мы знаемъ, что учителя много занимаются научными вопросами воспитанія. Чаще, чѣмъ теперь, слѣдовало бы отдельнымъ учителямъ заниматься современными воспитательными вопросами, да и на педагогическихъ совѣтахъ слѣдуетъ чаще и подробнѣе разбирать основные вопросы воспитанія. Обыкновенно ограничиваются разсмотрѣніемъ проступковъ, а между тѣмъ такъ необходимо, чтобы обсуждалась новѣйшая литература, рассматривалась серьезно, а не съ пренебрежительнымъ невниманіемъ. Если въ наше время создается много воспитательныхъ

интернатовъ, то въ этомъ виновата не только семья, у которой, въ нашъ спѣшацій, только о наживѣ думающій вѣкъ, нѣть времени на воспитаніе дѣтей,—виноваты и мы, воспитатели, такъ какъ мы охотно отправляемъ въ такой интернатъ ученика, котораго трудно воспитать, вмѣсто того, чтобы самимъ серьезно и съ любовью довести до конца воспитаніе довѣренаго намъ ученика. Все болѣе и болѣе ростущая потребность въ интернатахъ—серьезный упрекъ учителямъ, хотя отчасти ихъ можно извинить: ужъ очень трудно исполнимо требование чтобы учитель не ограничивался передачей знаній, побывъ бы воспитателемъ и развивалъ бы характеръ учениковъ. Вѣдь всѣ согласны съ тѣмъ, что учитель въ нашей школѣ такъ заваленъ работой, что у него нѣть времени для развитія личности. Мы могли бы облегчить преподаваніе и больше выполнять, нѣсколько измѣнивъ методъ преподаванія: сдѣлать отъ постоянныхъ вопросовъ и въ связи съ упомянутую выше самодѣятельностью ученика, заставляли бы его излагать свои мысли въ связномъ разсказѣ. Но этимъ мы достигнемъ еще не всего. Развѣ это только случайность, что наши учителя заболѣваются нервнымъ разстройствомъ и кажутся въ молодые годы стариками, въ то время какъ люди другихъ профессій бодры и здоровы? На это есть много причинъ. По словамъ однихъ причина—плохой составъ учениковъ, другіе утверждаютъ, что ихъ въ классѣ слишкомъ много. Число уроковъ, даваемыхъ преподавателемъ, также очень велико, если онъ не ограничивается простымъ преподаваніемъ, а посвящаетъ свои силы ученикамъ и вѣкъ уроковъ. А если пройдетъ проектъ и максимальное число уроковъ станетъ нормальнымъ, то намъ придется сильно опасаться за здоровье нашихъ сотоварищѣй. Максимальное число уроковъ, установленное 50 лѣтъ тому назадъ, когда въ маленькихъ городахъ и въ небольшихъ классахъ спокойно и тихо давались уроки, не подходитъ къ нашему вре-

мени, съ его повышенными требованиями. И большое число предметовъ, которое все увеличивается, можетъ быть признано одной изъ язвъ нашей школы. Большое зло также—увеличивающееся число уроковъ. Наші мальчуганы плохо справляются съ уроками и плохо подготовляютъ задаваемое на домъ, что также утруждаетъ преподаваніе. Число уроковъ не должно превышать 34, и тѣлесные упражненія, игры и даже обязательные упражненія должны поддерживать тѣло въ его работѣ. Кромѣ того, учитель заваленъ письменными работами; особенно желательно освободить отъ нихъ директора. Только при соблюденіи этихъ условій, учитель можетъ сохранить жизнерадостность, которая столь необходима въ его профессіи. Говорятъ еще, что учителю много огорченій доставляетъ недовѣріе не только родителей, но и школьнаго начальства. Было бы хорошо, если бы и съ этой стороны не затрудняли работу учителей; и мы къ нашей радости можемъ констатировать что въ нашихъ стремленіяхъ поднять живость при преподаваніи школьнаго начальство принимаетъ дѣятельное участіе. Если все это будетъ исполнено, то учитель можетъ развернуть свою личность и можетъ воспитывать характеры, какіе нужны въ наше время и въ грядущіе дни, и будетъ у насъ „свободный народъ въ свободной странѣ!“

Положеніе 12. „Самое же главное по прежнему заключается въ томъ, что учитель долженъ быть человѣкомъ съ сильнымъ характеромъ, широкимъ и всестороннимъ образованіемъ, чувствовать себя не только учителемъ, но и воспитателемъ и стремиться, чтобы свобода при проявленіи его личности безъ нужды не ограничивалась“.

Резюмируя все, мы увидимъ мало новаго въ упрекахъ и требованіяхъ Ферстера и мало фактовъ, которые задѣвали бы наши среднія школы въ Германіи. Но мы охотно пользуемся случаемъ для нового самоиспытанія и, пожалуй, находимъ, что мы могли бы обратить большее

вниманіе на воспитаніе характера нашихъ учениковъ. Но это должно произойти не при помощи нравственныхъ бесѣдъ, или уроковъ этики, но болѣе близкаго, человѣческаго общенія съ учениками, оказанія имъ довѣрія и разрѣшенія имъ самодѣятельности и самоуправлениія, не уменьшалъ при этомъ нашей доброй дисциплины. Мы не боимся дурныхъ послѣдствій самостоятельности учениковъ, но надѣемся, при помощи свободнаго общенія учителей и учениковъ, достигнуть улучшения и облагороженія отношеній между школой и семьей. Можно достигнуть товарищескаго отношенія между учениками и болѣе привѣтливаго отношенія между учителями и учениками. Но мы должны оградить школу отъ плохого состава учителей и учениковъ, и учителя должны быть людьми съ сильнымъ характеромъ. Тогда школа будетъ такою, что ученики вносятъ будущій охотно вспоминать ее, и на будущее время она будетъ имѣть такихъ людей, которые ей нужны. Ферстера много упрекаютъ, что онъ обращаетъ слишкомъ большое вниманіе на англо-саксонскую школу, и что подъ вліяніемъ этихъ свободныхъ идей пострадаетъ наша добрая, старая дисциплина. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что время и его требованія измѣнились. Раньше мы должны были учиться подчиненію и крѣпкой сплоченности, теперь мы вступаемъ въ область міровой политики; раньше говорилось: „слушаться приказанія“! теперь требуется самостоятельная дѣятельность; раньше мы нуждались въ ученыхъ и чиновникахъ, теперь же въ самостоятельныхъ личностяхъ, которыхъ на чужбинѣ оказали бы честь нѣмецкому имени и умѣли дѣйствовать самостоятельно. Незабвенныя слова сказалъ Визе: „Если бы было возможно соединить нѣмецкое стремленіе къ идеальному образованію и нѣмецкую жажду къ знанію съ англійской выработкой характера, то былъ бы достигнутъ идеалъ воспитанія юношества, какого не видѣли еще христіанскія времена“.

ВТОРОЙ ДОКЛАДЪ.

ПОЛОЖЕНИЯ:

1) Внутреннему отношенію между средней школой и ея учениками грозитъ опасность со стороны развитія всей современной культуры и въ частности культуры средней школы. Дѣло главнымъ образомъ страдаетъ часто оттого, что учитель и ученики раздѣляются на двѣ рѣзко противоположныя партіи, вслѣдствіе чего создается особая школьная мораль. Мысли Ферстера могутъ углубить и обновить эти отношенія.

2) Новое въ предложеніяхъ Ферстера заключается въ томъ, что онъ не смотритъ, подобно другимъ, на школьнную дисциплину, какъ на вѣнчшее средство для достиженія порядка во время преподаванія, но примѣняетъ ее, какъ важное средство, для воспитанія самообладанія.

3) Какъ и до сихъ поръ главнымъ воспитательнымъ средствомъ средней школы остается серьезная, начинающаяся съ низшихъ классовъ, научная работа. Школа должна только давать себѣ болѣе ясный отчетъ въ угрожающихъ характеру опасностяхъ, которыхъ эта работа иногда приноситъ съ собою, а также въ тѣхъ нравственно-образовательныхъ моментахъ, которые она въ себѣ заключаетъ, при чѣмъ эти послѣдніе не должны навязчиво проповѣдываться ученикамъ.

4) Разумному требованію при обученіи воспитывать возвращающую самодѣятельность соответствуетъ стремленіе заставлять учениковъ самостоятельно работать при поддержаніи школьнной дисциплины и такимъ образомъ съ пользою употребить массу неиспользованныхъ силъ.

5) Для этого необходима организація школьнной общини, которая даетъ возможность при помощи свободнаго обмѣна мнѣній ознакомиться съ мнѣніями и желаніями юношества и предупредить опасности товарищества.

6) Упрекъ, что такъ называемое самоуправление не подходитъ со своей демократической тенденціей къ условіямъ нѣмецкой жизни, основанъ на недоразумѣніи.

7) Если отъ самоуправлениія хотятъ пользы, а не вреда, то слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующее:

а) Оно ограничивается проведеніемъ порядка въ школѣ, самоуправлениемъ школьнымъ домомъ, классными комнатами, инвентаремъ и коллекціями, заботой о школьнной жизни виѣ учебнаго времени и о хорошемъ школьнтомъ и классномъ духѣ.

б) Ученики не имѣютъ права наказанія, кроме изгнанія непокорныхъ изъ школьнаго самоуправлениія.

в) Введеніе самоуправлениія не должно быть офиціальнымъ, а предоставлено свободному усмотрѣнію отдѣльныхъ учебныхъ заведений.

д) Пытаться вводить его слѣдует лишь тамъ, гдѣ директоръ со всей коллегией преподавателей относится къ дѣлу благосклонно и съ интересомъ.

8) Гражданскому воспитанію самоуправление менѣе приносить пользы тѣмъ, что примѣняетъ различные формы выборовъ, нежели воспитаніе отдельного ученика, чтобы онъ сознательно и радостно подчинялся цѣлому и, какъ отдельный человѣкъ, чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за цѣлое.

9) Измѣненіе нашей школьнай жизни въ духѣ идей Ферстера— въ интересахъ учительского сословія.

Такъ какъ въ главномъ докладѣ въ общемъ изложено все, что относится къ дѣлу, то второму докладчику остается высказать свое мнѣніе, отступающее отъ нѣкоторыхъ положеній, и добавить нѣкоторыя наблюденія, которые явились результатомъ практической попытки. Съ первымъ положеніемъ я не согласенъ ни въ оцѣнкѣ Ферстера, ни въ критикѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Начиная со второго, я, правда, того мнѣнія, что внутреннее отношение между школой и учениками въ наше время во многихъ мѣстахъ не такое, какимъ оно должно было бы быть въ интересахъ успешной работы надъ нашимъ юношествомъ. Навѣрное постановка нашей темы вытекла изъ этого соображенія: безъ этого вопроса— „какъ можно углубить и обновить внутреннія отношенія?“—не имѣть бы смысла. И я думаю, что какъ разъ многочисленные проступки противъ дисциплины, жалобы и споры, доходящіе до свѣдѣнія и рѣшенія провинціальной школьнай коллегіи, позволяютъ бросить менѣе утѣшительный взглядъ на истинное положеніе вещей. Докладчикъ самъ, согласившись съ нѣкоторыми докладами, подчасъ указывалъ на опасности, которыя грозятъ дѣлу воспитанія въ нашей средней школѣ со стороны развитія всей нашей современной культуры, въ частности же культуры—средней школы. О переполненіи нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній и классовъ, о правахъ, даваемыхъ школѣ, о наплывѣ нежелательнаго элемента, о разсѣивающихъ вниманіе

многочисленныхъ требованіяхъ при преподаваніи, о недостаткахъ нѣкоторыхъ учителей, о чрезмѣрномъ обремененіи директоровъ и преподавателей, о недостаткѣ способностей и охоты у нѣкоторыхъ родителей поддержать воспитательную работу школы, поэтому говорить не приходится. Безусловно ясно, какъ трудно вслѣдствіе этого найти вѣрное отношеніе къ школьнай массѣ. Слѣдуетъ помнить, что изъ 11600 преподавателей приблизительно 2600 моложе 30 лѣтъ. Очень характерно, что въ рядѣ докладовъ авторы жалуются на недостатокъ интереса и даже на противодѣйствіе, которое оказываютъ преподаватели идеямъ Ферстера въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Удивляться тутъ нечemu. Наші молодые коллеги—по крайней мѣрѣ, болѣе дѣльные, не считая учителей по профессіи, по призванію— покидаютъ университетъ какъ будущіе изслѣдователи, съ идеальной мыслью, и дальше, въ своей школьнай практикѣ, жить только для служенія наукѣ¹⁾). О должности воспитателя и его задачахъ онъ до сихъ поръ почти совсѣмъ ничего не слышалъ. Новичекъ думаетъ прежде всего, обычно съ нѣкоторымъ страхомъ, только о томъ, какъ бы ему справиться со школьнай массою, которую онъ вѣдь хорошо еще помнить, чтобы учить безъ помѣхи. Вполнѣ естественно, что при этомъ не хватаетъ, я не хочу сказать— интереса, но способностей къ сотрудничеству въ вопросахъ, которыхъ касается Ферстеръ. Нѣкоторые болѣе старые коллеги потеряли охоту къ нимъ, вслѣдствіе разочарованія и горькаго опыта съ учениками и родителями; ихъ мнѣніе второй докладъ изъ Заарбрюккена высказываетъ въ томъ смыслѣ, что школа только мало можетъ сдѣлать для устраненія недовѣria, съ которымъ

¹⁾ Во всякомъ случаѣ не я сталъ бы это порицать. Остающіеся вѣрными идеалу всю свою жизнь, обычно дѣлаются хорошими воспитателями; ихъ научная дѣятельность гарантируетъ имъ сильное воспитательное влияніе на юношество. Правда, можно было бы пожелать, чтобы между высшей и средней школами происходилъ болѣе сильный контактъ, на благо обѣимъ.

относится къ ней общественное мнѣніе, и что ея вліяніе на внутреннюю жизнь учениковъ гораздо меныше, чѣмъ думаетъ Ферстеръ. Слѣдствіемъ всего этого является, что учитель и ученики раздѣляются на двѣ рѣзко противоположныхъ партіи, изъ которыхъ одна приказывается, а другая слѣпо должна повиноваться. Могущіе произойти конфликты улаживаются обыкновенно при помощи уложенія о наказаніяхъ. Дальнѣйшее слѣдствіе есть царство особой школьнной морали, существованіе которой нельзя оставлять безъ наказанія. Основа ея состоитъ въ томъ сужденіи, которое Р. Леманъ получилъ въ отвѣтъ при извѣстномъ разговорѣ съ однимъ изъ старшихъ классовъ о проблемахъ морали отъ двухъ учениковъ: „Можно „надувать“ и все-таки быть порядочнымъ человѣкомъ“¹⁾. Употребленіе подстрочниковъ, которое, къ сожалѣнію, безсовѣтственнымъ образомъ поддерживается книгопродающими, плохія отговорки при малыхъ или большихъ проступкахъ противъ школьнныхъ законовъ, которые ежедневно встрѣчаются среди нашихъ школьнныхъ массъ, все это— вещи, которыхъ кажутся почти неистребимыми. Одинъ докладъ положительно указываетъ на то, что въ небольшомъ учебномъ заведеніи хотя и легко соблюдать дисциплину, но съ лживостью и неоткровенностью учениковъ постоянно приходится бороться. Вслѣдствіе этого я не нахожу, что слова Ферстера о школьнной лжи „почти совсѣмъ не касаются нашей нѣмецкой средней школы“. Также все, что онъ говоритъ объ индивидуумѣ и массѣ, для насъ достойно вниманія. Если уже взрослые въ наше время, при сильно возросшемъ сообщеніи и способахъ доставленія извѣстій, больше чѣмъ когда-либо поддаются гипнозу массы, то тѣмъ болѣе это встрѣчается у менѣе окрѣпшихъ духомъ. Власть общественного мнѣнія въ школѣ очень велика; ни одинъ мальчикъ не осмѣлитсѧ носить

¹⁾ Lehmann: Erziehung u. Erzieher, S. 263; Foerster: Schule u. Charakter (см. русс. переводъ), S. 11.

шапку или брюки, которыя не нравятся товарищамъ. И что надъ послѣдними господствуютъ нѣкоторые старшіе и продувные элементы, — всегда можетъ быть доказано.

Я указалъ на два самыхъ важныхъ пункта, упомянутыхъ Ферстеромъ, которые мышаютъ намъ создать вѣрное внутреннее отношеніе къ нашимъ ученикамъ. О другомъ придется поговорить еще потомъ.

Докладчикъ полагаетъ, что Ферстеръ высказываетъ мало новыхъ мыслей. Если онъ этимъ хочетъ сказать, что Ферстеръ не проповѣдуетъ новыхъ моральныхъ истинъ, то съ этимъ безусловно слѣдуетъ согласиться. Требованіе самовоспитанія, которое есть квинтэссенція—его моральной педагогики, свѣтило уже грекамъ съ Дельфійскаго храма: γνῶθι σαυτόν. Σωφροσύνη—было во времена расцвѣта аттической культуры кардинальной добродѣтелью καλδος καγαθος ἀνήρ, точно такъ же, какъ въ рыцарскомъ обществѣ среднихъ вѣковъ diu mѣsze (соразмѣрность, умѣренность) должна была украшать каждого рыцаря. О христіанствѣ я уже и не говорю. Новое же у Ферстера то, что онъ сознательно и упорно началъ борьбу съ господскою моралью Ницше и съ ея разрушительнымъ вліяніемъ на нашу народную нравственность, въ томъ, что онъ завоевалъ поразительно широкіе круги для мысли, что благо заключается не въ томъ, чтобы позволять все волѣ индивидуума, но въ томъ, чтобы эта воля изъ господина превратилась въ слугу, и такимъ образомъ состоялось бы превращеніе индивидуума въ личность. Для насъ особенно ново не то, что онъ призываетъ школу къ выработкѣ самовоспитанія, но что онъ ей, въ примененіи и образованіи дисциплины, указываетъ на сильное, до сихъ поръ неоцѣненное по достоинству воспитательное средство при этой воспитательной задачѣ. Сознаемся спокойно, что обычный взглядъ у насъ считается дисциплину чисто внѣшнимъ необходимымъ средствомъ, чтобы работать спокойно и безпрепятственно. За прове-

деніемъ ея наблюдаетъ учитель и въ случаѣ нужды вводить ее при помощи наказанія. Съ другой стороны, вѣрно и то, что теперешнее положеніе дѣла тоже приносить съ собою много хорошаго. Что ученикъ много лѣтъ самаго образовательнаго времени подчиненъ строгой дисциплинѣ, которая требуетъ отъ него порядка, точности, чистоты и повиновенія, приносить ему пользу на всю его жизнь. Но не слѣдуетъ ли намъ поэтому привѣтствовать, если соблюденіе этой дисциплины будетъ обосновано глубже, если дисциплина будетъ поставлена иѣкоторымъ образомъ *sub specie aeterni tatis*, если, говоря словами Канта, поведеніе учениковъ будетъ основано на максимахъ, а не на дисциплинѣ, если мы можемъ не только не допускать шалостей, но и вліять на образъ мыслей¹⁾. Ферстеръ самъ умѣетъ цѣнить выгоды современной системы; но съ другой стороны онъ не безъ основанія опасается, что добродѣй, старой, строгой дисциплинѣ, подъ вліяніемъ слишкомъ гуманнаго духа времени, угрожаетъ опасность ослабѣть²⁾. Поэтому онъ хочетъ пересоздать эту дисциплину, основывая ее на твердой почвѣ нравственныхъ требованій.

„Воспитаніе характера должно быть центромъ школьнай жизни“ — такъ озаглавливаетъ Ферстеръ введеніе къ своей книгѣ. „Школа и характеръ“ и третье положеніе докладчика находять подходящія для нашихъ условій выраженія этого требованія. Въ противоположность этому Ветцларъ указываетъ, что средня школа прежде всего — научное учебное заведеніе, и, при всемъ почтеніи къ мыслямъ Ферстера, относится отрицательно къ практическому ихъ примѣненію. Такъ какъ это мнѣніе, наѣрно, не единичное, то я выставилъ третье свое положеніе, какъ добавленіе къ положенію докладчика. И я того мнѣнія, что теперь, какъ и раньше, то, чѣмъ мы занимаемся съ нашими учениками ежедневно въ теченіе 5 часовъ,

т.-е. ученіе,—самое важное, и именно эта работа, если она проникнута истинно-научнымъ духомъ, начиная съ низшихъ классовъ,—наше лучшее воспитательное средство. Но при этомъ намъ не слѣдуетъ забывать, какія опасности съ нею могутъ быть связаны. Пользованіе готовыми переводами, списываніе сочиненій съ книгъ— „скатать“ — какъ гласить техническій терминъ, все это создается принудительной работой школы, не менѣе чѣмъ случаями нездороваго самолюбія и карьеризма. „Всѣ мы должны выяснить себѣ,—говорить Ферстеръ,— все множество обстоятельствъ, портящихъ характеръ, чтобы быть готовыми оказать соответствующее противодѣйствіе. Я хочу здѣсь хоть кое что затронуть“¹⁾.

Слишкомъ высокія требованія — это ошибка, которая допускается постоянно, въ особенности молодыми коллегами. Мы постоянно должны помнить, что, задавая урокъ, мы должны сообразоваться съ среднимъ уровнемъ способностей, которыхъ, вслѣдствіе наплыва, къ сожалѣнію, не повышаются, а понижаются. Кто требуетъ дословнаго повторенія своего образцового перевода (требованіе, которое господинъ учитель попробовалъ бы самъ исполнить черезъ иѣсколько дней), кто не думаетъ о трудностяхъ текста, которыхъ превосходятъ силы учениковъ, тотъ не долженъ удивляться, что они обращаются къ подстрочникамъ или надписываютъ свои книги въ особенности, если учитель никогда ихъ не просматриваетъ, или самъ пишетъ въ свои экземпляры. Тотъ, кто беретъ свои темы изъ извѣстныхъ темниковъ, вместо того, чтобы выводить ихъ изъ своего преподаванія, вводить во искушеніе. Кто беретъ свои extemporalia и математическія задачи въ послѣднюю минуту изъ какого-нибудь чужого учебника, тотъ видитъ результатомъ то убийственное количество неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, которыхъ отнимаютъ ра-

¹⁾ Школа и характеръ (рус. пер.).

²⁾ Тамъ же.

¹⁾ Школа и характеръ, (рус. пер.).

дость въ работѣ и уже вслѣдствіе этого дѣйствуютъ деморализующе. Какъ необдуманно задаются домашнія работы, въ особенности молодыми коллегами! И самый неважный второстепенный предметъ не долженъ быть лишенъ ни одного часа. Часто забываютъ, что ученикъ въ одинъ день имѣлъ уже 7 уроковъ, что онъ очень занятъ сочиненіемъ и т. д. Конечно, расписаніе уроковъ, контроль класснаго наставника и директора можетъ кое-чemu помочь; главное же, чтобы именно изъ этическихъ причинъ мы еще болѣе въ своей средѣ работали рука въ руку, не обращая вниманія на узкую специализацію, занимаясь и въ этомъ дѣлѣ тѣмъ самовоспитаніемъ, которое есть идеальная цѣль нашей дѣятельности. Принимая все это во вниманіе, я нахожу, что домашнія работы нашихъ учениковъ нуждаются въ улучшениі. Нехорошо, если даже ученикъ старшихъ классовъ ежедневно долженъ готовиться къ цѣлому ряду предметовъ. Какое получается раздробленіе, если онъ полчаса долженъ заниматься латинскимъ, математикой, нѣмецкимъ и т. д., вмѣсто того, чтобы связно, нѣсколько часовъ, заниматься чѣмъ-нибудь однимъ. Намъ слѣдовало бы говориться и предоставить определенные дни въ недѣлю известными главными предметами, по возможности, исключительно для домашнихъ работъ, а въ остальные дни соответственно перенести изученіе на уроки. Это способствовало бы основательности, отдаляло бы разсѣянность и увеличило бы радость,—все вещи, которыя этически—воспитательны и усиливаютъ характеръ.

Одна опасность нашей профессіи заключается, какъ известно, въ томъ, что она со своею твердо установленной, часто повторяющеюся дѣятельностью ведетъ къ рутинѣ и механическому. Тѣмъ болѣе необходимо, чтобы мы не забывали болѣе высокаго назначенія, чтобы мы ясно давали себѣ отчетъ въ нравственной пользѣ ежедневной мелкой работы, чтобы она намъ не надѣла

и вслѣдствіе этого не осталась бы безрезультатной. Хорошо было бы, при случаѣ, наглядно доказать это и ученикамъ, чтобы то, что они презираютъ, какъ нашъ педантізмъ, они научились цѣнить, какъ иѣчто для нихъ необходимо. Если у меня есть ученики или классъ, которые не точно переводятъ тексты, напримѣръ, въ употребленіи временъ, то я сейчасъ же привожу примѣръ, говоря, что ему, очевидно, все равно сказать-ли: „у меня есть 100 талеровъ, у меня было 100 талеровъ или будетъ 100 талеровъ“. Но рекомендуется становиться на еще болѣе высокую точку зрѣнія. Не хорошо поверхностно относиться къ словамъ другого, это преступленіе противъ чужой духовной собственности. Какъ остроумно говорится на нашемъ языкѣ, что переводъ долженъ быть „вѣрный“. Правильный переводъ учить вѣрности, и, кто съ этимъ не считается, подвергается опасности не быть лучше и въ другомъ. Хорошій почеркъ мы требуемъ не изъ педантизма, но его требуетъ приличие по отношенію къ тѣмъ, которые будутъ его читать. То, что известные предметы даются нѣкоторымъ ученикамъ съ трудомъ, закаляетъ ихъ характеръ, и поэтому я настаиваю на требованіи, чтобы расписаніе уроковъ было обязательнымъ для всѣхъ учениковъ. Склонностямъ и особымъ талантамъ мы имѣемъ случай и возможность притти навстрѣчу. И въ жизни мы не всегда можемъ пройти мимо того, что намъ не нравится или тягостно. Все это я имѣю въ виду, говоря, что мы яснѣе должны дать себѣ отчетъ въ нравственно-образовательныхъ моментахъ, которые заключаются въ нашей учебной работѣ. Примѣненіе ея требуетъ такта; все навязчивое можетъ оказать противоположное дѣйствіе. Но, если приняться за дѣло правильно, то можно улучшить и наше внутреннее отношеніе къ ученикамъ. И ясно, что это приноситъ пользу самому преподаванію. Исходя изъ послѣдней точки зрѣнія, мы должны настаивать на основательности и научной серьез-

ности преподаванія и должны требовать, чтобы и въ низшихъ классахъ были преподаватели съ научнымъ цензомъ. Поэтому мы являемся противниками стремленія постоянно облегчать преподаваніе, поэтому мы защищаемся отъ разсѣивающаго вниманіе множества предметовъ и подчеркиваемъ своеобразность различныхъ типовъ школъ.

Вмѣстѣ съ докладчикомъ я отклоняю введеніе особыхъ уроковъ этики; но я считаю нужнымъ указать на два предмета, которые могли бы заниматься этикой болѣе, чѣмъ это обыкновенно дѣлается. Въ Законѣ Божиѣмъ догматика спокойно могла бы нѣсколько отступать. Я всегда удивлялся и, гдѣ былъ въ состояніи, боролся съ тѣмъ, что особенно католические законоучители въ старшихъ классахъ гимназіи такъ мало читаютъ въ подлинникахъ Священное Писаніе. Какое глубокое вліяніе оказываетъ, напримѣръ, нагорная проповѣдь и отрывки изъ посланій апостола Павла! Сколько случаевъ тутъ представляется касаться этическихъ вопросовъ, вводя въ кругъ разсматриваемаго и ученическую жизнь! Также и философская пропедевтика, которая обычно въ старшемъ классѣ связывается съ преподаваніемъ родного языка, не касается широкаго поля, если она ограничена немногими логическими и психологическими законами. Она должна была бы разбирать и этические вопросы, не черпая ихъ только изъ авторовъ, исторіи и другихъ школьніхъ наукъ, но также изъ жизни учениковъ. Два доклада перечисляютъ рядъ темъ, которыхъ тамъ разбирались:

Бопшардъ (13). Общественное мнѣніе въ жизни класса. Сущность истинной дружбы. Праздность. Сущность и значеніе самообладанія. Самопознаніе. Свобода и законъ. Знаніе и воля. Чистота и любовь къ порядку. Страсть къ удовольствіямъ и воздержаніе. Вниманіе къ мелочамъ. Гражданинъ и государство. Ученікъ и школа. Какіе случаи образованія воли представляются въ школѣ? Какими качествами должно обладать довѣренное лицо

класса? Кому изъ васъ вы довѣряете управлѣніе кассой при школьніхъ прогулкахъ?

Брейцнахъ (19). Имѣеть ли мужчина право плакать? въ связи съ одой Клопштока „къ Эберту“. Какъ смотрѣть съ нравственной точки зрѣнія на самоубійство? въ связи съ газетнымъ извѣстіемъ о самоубійствѣ ученика старшаго класса одного берлинскаго реальнаго училища. Ложь по необходимости. Товарищество. Мужество. Свобода. Честь и дуэль.

Нельзя, конечно, на основаніи этихъ простыхъ названій дѣлать заключеніе о достоинствахъ или недостаткахъ этихъ бесѣдъ; было бы желательно, чтобы г.г. преподаватели представили точный отчетъ въ ходѣ уроковъ. Конечно, широкіе круги нашихъ коллегъ отнесутся неблагосклонно къ затрагиванію этого матеріала изъ вполнѣ понятнаго опасенія, что результатомъ явится незрѣлое, лживое, вредное морализированіе. Съ другой стороны мы должны сознаться, что всѣмъ намъ недостаетъ опыта въ этой области. Другія темы, которыя я нахожу у Ферстера, кажутся мнѣ приемлемыми и полезными, („Школа и характеръ“ стр. 104): Чѣмъ обязанъ Гете педантизму родительского воспитанія? Чѣмъ мы можемъ научиться у Антоніо Пассо для нашего самовоспитанія? Какой глубокій смыслъ имѣеть требование долголѣтнаго молчанія, которое налагали пифагорейцы на своихъ адептовъ?

Къ замѣчаніямъ, которыя относятся къ этическому основанію и использованію преподаванія, я прибавляю нѣкоторыя, касающіяся школьній дисциплины. На послѣднемъ съездѣ директоровъ мы подробно обсуждали средства для поднятія самодѣятельности учениковъ при ежедневной работѣ и журналы и годовые отчеты указываютъ, что повсюду стараются осуществить эту прекрасную мысль. Казалось бы вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ является вопросъ, не слѣдуетъ ли по-

ступать также относительно другой стороны школьной жизни, школьной дисциплины? О томъ, какъ дѣло обычно обстоитъ теперь, упоминалось уже раньше. Одинъ школьный уставъ издается сверху для всей провинціи и къ нему каждое учебное заведеніе прибавляетъ подходящія для себя правила. Къ исполненію его восьмиклассникъ и первоклассникъ, 9-тилѣтній и 19-тилѣтній призываются однимъ и тѣмъ же полицейскимъ способомъ. Тамъ, где это удается — и обычно оно такъ и есть — уставъ оказывается хорошее дѣйствіе. Но при этомъ ни на одной сторонѣ нѣть налицо ни радости, ни готовности. О старшихъ ученикахъ вмѣстѣ съ поэтомъ можно сказать: юноша не понимаетъ цѣли, а учителю непріятелъ вѣчный надзоръ и присмотръ за мелочами; и совершенно справедливо сказали, что отъ этого страдаютъ его нервы. О главномъ надзиратель, директоръ, и говорить нечего. Какъ только этимъ дѣломъ занимается болѣе слабый учитель, то сейчасъ же сказываются отрицательные стороны полицейского режима. Даже самый лучшій классъ тогда съ трудомъ удерживается отъ удовольствія подурить, а милая публика улыбается описанію героя о томъ, какъ устраивали бенефисъ бѣдному школьному учителю. При этомъ обычно забываютъ, какъ ученики преувеличиваютъ эти описанія. Дѣйствуетъ почти подавляюще постоянно наблюдаемая при разговорахъ даже съ очень умными людьми страсть говорить объ ихъ школьнѣхъ годахъ и постоянно возвращаться къ этой области. Для меня совершенно ясно, что этотъ царящій обычай и взглядъ на отношенія учителя къ ученикамъ въ дѣлѣ дисциплины сильно вредить внутреннимъ взаимоотношеніямъ обѣихъ сторонъ. И я вполнѣ убѣжденъ, что это измѣнится, если пріобщить учениковъ къ дѣлу сохраненія порядка и предоставить имъ при этомъ большую часть отвѣтственности. Они не рѣшатся говорить о слабой дисциплинѣ; вѣдь имъ можно сейчасъ же возразить: значитъ вы не умѣете управлять

собою? А что они это умѣютъ, было мое убѣжденіе еще задолго до того, какъ я познакомился съ книгами Ферстера. Насколько это было возможно, я всегда предоставлялъ самимъ ученикамъ организацію школьнѣхъ прогулокъ, и никогда мнѣ не приходилось жаловаться на ошибки, наоборотъ, радоваться проявлявшимся иногда талантамъ. Какъ серьезно относятся наши мальчики къ этимъ задачамъ тамъ, где они совершенно предоставлены самимъ себѣ — въ гимнастическихъ, гребныхъ и музыкальныхъ союзахъ! Видно, что это соответствуетъ сильному стремленію юношеской натуры¹⁾). Ферстеръ совершенно правъ, когда онъ пишетъ: „Идея самоуправлія есть неустранимое слѣдствіе всякой психологіи, глубоко проникающей въ душу юношей, и она вытекаетъ изъ того основного положенія каждого воспитанія, что слѣдуетъ соединиться съ живыми силами самихъ дѣтей, чтобы ихъ воспитывать. Она въ сущности не что иное, какъ педагогическое примѣненіе естественныхъ соціальныхъ инстинктовъ, даже государственныхъ тенденцій, въ юношескомъ возрастѣ“. Въ то время, какъ теперь каждому кандидату говорить, что при всякомъ преподаваніи онъ прежде всего долженъ задать себѣ вопросъ: „что я тамъ найду“ и „съ чѣмъ въ прошломъ мнѣ соединить то, что я буду говорить“, — мы честно должны сознаться, что при дисциплинѣ себѣ этого вопроса не задаемъ. Слѣдствіемъ является, что масса духовныхъ силъ остается неиспользованными или, что хуже, проявляеть себя въ нарушеніи порядка. Во времена послѣднихъ каникулъ я на островѣ Юистѣ съ интересомъ наблюдалъ, что оттуда можно почѣрпнуть. Тамъ среди дѣтей курортныхъ гостей, которые все, конечно, были учениками средней школы въ возрастѣ отъ 12 — 19 лѣтъ, образовалась „Красная рота“, которая нѣсколько часовъ въ день, по военному образцу, занималась военными упражненіями. Всѣ инте-

¹⁾ Staats burgerliche Erziehung S. 42.

ресы мальчиковъ были поглощены этимъ дѣломъ, дисциплина была превосходная, и поразительно было, какую службу, несмотря на каникулы, они несли. Одинъ, который дома былъ не изъ храбрыхъ, цѣлую ночь на дождѣ простоялъ въ дюнахъ на передовомъ посту. Когда рота, какъ это ежедневно бывало, выступала публично, то самый маленький мальчуганъ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за то, чтобы все сопло хорошо. Я сознаюсь, что при этомъ часто думалъ о вопросахъ, которые насыть теперь занимаютъ, и укрѣпился въ убѣждѣніи, что мы, съ введеніемъ, такъ называемаго, самоуправленія, стоимъ на правильномъ пути, чтобы разрѣшить интересующую насъ проблему.

Тотъ же самый докладъ, который называется среднюю школу прежде всего научнымъ учебнымъ заведеніемъ, далѣе указываетъ, что ея воспитательное вліяніе уже уменьшается тѣмъ, что мы, во время нашей работы при существующемъ положеніи вещей, дѣйствуемъ постоянно только на массу и, обыкновенно, не можемъ приблизиться къ отдѣльному ученику. Мысль эта не про- ведена до конца. Именно поэтому мы и должны задать себѣ вопросъ, не возможно-ли ближе подойти къ отдѣльному ученику овладѣть душою массы. 6-ое положеніе докладчика, въ согласіи съ З-имъ, совѣтуетъ и виѣ учебного времени имѣть общеніе съ учениками при гимнастическихъ играхъ, прогулкахъ, путешествіяхъ, поднимая ихъ самодѣятельность въ различныхъ областяхъ. Повсюду можно будетъ этого достигнуть лишь тогда, если мы организуемъ массу, дадимъ ей избранное ею представительство, съ которымъ можно было бы откровенно бесѣдоватъ, не вредя этимъ дисциплинѣ. Наши ученики живутъ во время перемѣнъ на дворѣ, на улицѣ особою жизнью, о которой мы обычно узнаемъ очень мало. Что школа, ея учителя и установленія служатъ главною темою разговоровъ, вполнѣ естественно, и не хорошо, если образующіеся тамъ безъ контроля мнѣнія и взгляды не имѣютъ случая

высказаться. Это доказала рѣчь одного абитуріента Нюренбергской гимназіи, которая нѣкоторое время тому назадъ привлекла общее вниманіе. Все это измѣнится, если юноши будутъ имѣть право и случай черезъ своихъ довѣренныхъ заявлять о своихъ нуждахъ. Есть-ли лучшее средство, чтобы улучшить отношенія между двумя группами нашей школы, чѣмъ это? Какъ разъ отъ хорошихъ преподавателей я слышалъ возраженіе, что имъ этого не нужно, что у нихъ съ ихъ классомъ создались такія отношенія, что они и такъ узнаютъ ихъ нужды и желанія. Какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV не хотѣлъ имѣть между собою и своимъ народомъ „листа бумаги“, такъ и они отказываются отъ довѣренного лица. Я спрошу: что же это общее явленіе теперь? На этотъ вопросъ у меня не хватаетъ смѣлости отвѣтить утвердительно. А какъ же поступать директору, который имѣеть дѣло съ еще большей массой, чѣмъ каждый классный наставникъ? Есть много вещей, затрагивающихъ сердца всѣхъ учениковъ, въ которыхъ они всѣ чувствуютъ себя солидарными.

Не особенно-ли цѣнно отвѣтственному руководителю всего заведенія черезъ эти организаціи заглянуть въ душу массы? Не выгодно ли и отдѣльному преподавателю раздѣлить съ нимъ это преимущество? Чувство, что ты членъ организма и несешь отвѣтственность не только за свой классъ, но и за все заведеніе, знакомо далеко не всѣмъ коллегамъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что опасность товарищества, на которую Ферстеръ справедливо указываетъ (Школа и Характеръ стр. 24), такимъ путемъ легко устраняется. Пока эта общественная жизнь остается нѣкоторымъ образомъ въ тайнѣ,—худые, обычно смѣлые элементы легко завладѣваютъ другими. Но, если классъ долженъ, собственными выборами, открыто указать, кого онъ считаетъ достойнымъ своего довѣрія, то уже самоуваженіе и боязнь общественного мнѣнія удержать его отъ выбора недостойныхъ. Я, по крайней мѣрѣ, убѣдился—

и другіе съ этимъ согласны, что ученики выбираются на должности такихъ товарищей, которые пользуются довѣріемъ учителей. Въ крайнемъ случаѣ послѣдніе имѣютъ вѣдь право не утверждать выборовъ. Такимъ образомъ хорошие элементы достигаютъ господства, и является возможность управлять съ учениками, а не противъ нихъ. Я съ особымъ удовольствіемъ слышалъ отъ одного изъ бывшихъ моихъ абитуріентовъ, который давно уже занимается отвѣтственный постъ директора банка и который былъ въ школѣ хорошимъ, но не образцовымъ ученикомъ, восторженное сочувствіе этой мысли.

Нѣкоторые доклады отклоняютъ самоуправление, потому что оно является плодомъ американскихъ и республиканскихъ идей, которые не подходятъ къ нѣмецкимъ условіямъ жизни; въ 15-омъ докладѣ¹⁾ даже говорится, что „въ такомъ государствѣ, какъ Пруссія, которое съ такою силою управляетъ сверху, пріученіе къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ поведетъ потомъ въ жизни ко многимъ горькимъ послѣдствіямъ“. Правда, первый докладчикъ въ 8-омъ положеніи возражаетъ на это. Но аргументъ слишкомъ опасенъ, и я хочу еще кое-что сказать, такъ какъ онъ ослѣпляетъ своею кажущеюся силою. Вѣдь уже соціаль-демократический депутатъ Ледебуръ въ засѣданіи Рейхстага 26 ноября 1910 года сказалъ, что самоуправление должно быть расширено въ государствѣ, оно должно распространиться и на школу. Вотъ до чего мы, значитъ, дошли: мы являемся распространителями соціаль-демократическихъ идей. Но очевидно, что Ферстеръ тутъ не понялъ. Онъ самъ вѣдь хвалилъ (Школа и характеръ стр. 164) Lagrange-City въ Толедо (Огіо), такъ какъ она отличается благоразумнымъ воздержаніемъ отъ слишкомъ сильнаго подражанія политическимъ учрежденіямъ. „Ученики школы Lagrange сами школою не управляютъ. Учителя того взгляда, что у нихъ нѣтъ необходимаго

¹⁾ См. выше.

опыта и знанія жизни. Ограничиваются привлечениемъ ихъ къ содѣйствію и возлагаютъ на нихъ извѣстную обязанность и отвѣтственность, за исполненіемъ которыхъ наблюдаютъ. А на стр. 168 онъ настойчиво совѣтуетъ и „облечь это самоуправленіе въ форму национального управления“. Валентинъ Тrottцендорфъ, какъ истый гуманистъ, организовалъ школьнное самоуправление въ формѣ римской республики, но самъ онъ былъ *dictator perpetuus*. Мы живемъ въ конституціонной монархіи и мы примемъ это во вниманіе при введеніи самоуправленія. Слова Герберта Спенсера, которыя приводятъ Ферстеръ въ своей лекціи о государственномъ воспитаніи (стр. 44), должны были бы и насъ заставить задуматься! Основная ошибка нашей школьнной дисциплины, какъ полагаетъ Спенсеръ, заключается въ томъ, что она находится въ абсолютномъ контрастѣ съ духомъ всей современной жизни, она пріучаетъ ученика къ атмосферѣ деспотического управления и затѣмъ вдругъ выпускаетъ его въ общество, всецѣло зависящее отъ работы свободныхъ гражданъ. Сто лѣтъ тому назадъ, въ тяжеломъ положеніи нашего отечества, послѣ краха абсолютизма, городамъ дали самоуправление, какъ средство для возрожденія нашей родины, уже 60 лѣтъ мы имѣемъ конституцію, гарантирующую нашему народу участіе въ работѣ. Мы видимъ ежедневно, какъ эти мысли проникаютъ во всѣ проявленія общественной жизни; я напоминаю о рабочихъ совѣтахъ. Не будемъ же воображать, что эти идеи не останутся незамѣченными нашей молодежи, отчасти состоящей изъ юношей 17—20 лѣтъ. Противникамъ реформы Штейна Фрей тогда сказалъ прекрасныя слова: „Довѣріе облагораживаетъ человѣка, вѣчна опека пріостанавливаетъ его развитіе“. Если все это мы примемъ къ свѣдѣнію, то и у насъ найдется мужество отъ абсолютной формы школьнаго управления перейти къ болѣе или менѣе конституціонной. При этомъ припоминаю я

пока только, чтобы остаться въ политической параллели, до-мартовское время, когда провинциальные ландтаги могли высказываться по поводу событий, касающихся ихъ родины.

О томъ, какимъ образомъ пытались осуществить самоуправление, говорилъ докладчикъ и даютъ отчетъ приложенные школьные правила. Мне казалось желательнымъ точно обозначить пункты, на которые слѣдуетъ обратить внимание, чтобы вся реформа принесла пользу, а не вредъ. Положение 7а, въ соотвѣтствии съ 5-мъ положеніемъ доклада, хочетъ точно ограничить область, въ которой должно дѣйствовать самоуправление. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пошли дальше указанного здѣсь. Такъ, реальное училище въ Крефельдѣ сообщаетъ, что лучшіе ученики помогали болѣе слабымъ, а школьные правила реальной гимназіи въ Эльберфельдѣ советуютъ предоставить какъ можно больше мѣста товарищескому взаимному вліянію также и въ духовной области. Я думаю, что этого можно достигнуть только въ интернатахъ, а въ нашихъ школахъ скорѣе можетъ представить извѣстную опасность. Но, павѣрное, тамъ, гдѣ оно возможно, оно принесетъ большую пользу.

Въ противоположность этому, я отклоняю проектъ правилъ реальной гимназіи въ Эльберфельдѣ, гдѣ рекомендуется при установлении характеристики ученика (поведеніе, вниманіе и т. д.), а также при оценкѣ проступковъ иногда принимать во вниманіе мнѣніе довѣренного лица и другихъ должностныхъ лицъ класса. Этимъ учитель показалъ бы, что онъ не въ состояніи исполнить одного изъ основныхъ требованій своей должности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я допускаю, что можно посовѣтovаться съ довѣреннымъ ученикомъ класса, если мы замѣчаемъ поражающее, непонятное пониженіе успѣховъ какого-нибудь ученика. Вѣдь мальчики знаютъ другъ о другѣ гораздо больше, чѣмъ мы; тогда при случаѣ можно бу-

деть узнать о тѣлесныхъ или духовныхъ препятствіяхъ, о семейныхъ обстоятельствахъ, которыя ученикъ не рѣшается сообщить, потому что онъ слишкомъ боевливъ, гордъ, замкнутъ, смотря по его характеру. Рекомендуется также давать свѣдѣнія и объ устныхъ отвѣтахъ, которые записываются; тогда довѣренное лицо можетъ сообщить сейчасъ же послѣ урока нѣкоторыя обстоятельства, намъ неизвѣстныя и могущія повлиять на наше сужденіе. Особенно важнымъ я считаю участіе въ управлѣніи домомъ, инвентаремъ, коллекціями, такъ какъ это способствуетъ пробужденію и воспитанію въ ученикахъ чувства отвѣтственности. Въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ этого нѣтъ, ученики равнодушно относятся къ движимому и недвижимому имуществу своей школы; въ юношескомъ озорствѣ и страсти къ разрушенію они постоянно разрушаютъ это имущество и порча вещей, виновники которыхъ, вслѣдствіе духа товарищества, остаются неоткрытыми, даетъ поводъ къ разслѣдованіямъ и наказаніямъ. Это измѣнится, если ученикъ будетъ заботиться и отвѣтывать за свой классъ, школьній домъ съ его устройствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ имѣть возможность открыто высказывать свои взгляды и желанія.

Получается чувство, подобное чувству рабочаго, который обосновывается на опредѣленномъ мѣстѣ. „Что-нибудь онъ долженъ называть своимъ, а не то человѣкъ будетъ губить и рубить“. Все дѣлаетъ школьній домъ ученикамъ дорогимъ и пріятнымъ, улучшаетъ также отношенія учащихъ и учащихся. Эти ужъ сумѣютъ воспрепятствовать умышленной порчѣ, такъ какъ она будетъ направлена какъ бы противъ ихъ собственности; случайные же и неумышленные возмѣстятъ виновники и, такимъ образомъ, отпадетъ необходимость вмѣшательства или отпирательства.

Сколько тутъ откроется возможности приложить силы, лежавшія до того втунѣ. Одинъ ученикъ моего прежняго

зведенія сдѣлалъ простыми средствами прекрасный музыкальный шкафъ для оркестроваго кружка. Тамъ же многое сдѣлано для кабинета во время добровольныхъ работъ по физикѣ. Съ удовольствіемъ я припоминаю въ добрый часъ о планѣ, возникшемъ среди коллегъ, чтобы по возможности переплеты школьнай библіотеки изгото-влялись только учениками. Не одинъ неприглядный школьнай домъ можно было бы украсить цветами, взращенными молодежью.

Въ два дня я получила однажды, благодаря школьнай организаціи, прекрасный инвентарь всѣхъ помѣщений учебнаго заведенія. Что ученики умѣютъ сами организовать путешествія, прогулки, празднства и любить это дѣло, это, навѣрное, испытали уже многіе изъ нась.

О благопріятныхъ результатахъ этого можно прочесть въ сочиненіи Вальтера „Воспитаніе учениковъ на самоуправлѣніи“ (M. f. h. Sch. 1910, стр. 253 и сл.). Все это способствуетъ пробужденію и пропагандину того школьнаго и класснаго духа, безъ котораго не можетъ существовать настоящее воспитательное обученіе.

Нѣкоторые защитники самоуправлѣнія хотятъ предоставить ученикамъ право наказаній. Тrottцендорфъ осуществилъ его черезъ свой магистратъ, на засѣданіяхъ котораго онъ постоянно присутствовалъ и решения котораго онъ исполнялъ самимъ добросовѣстнымъ образомъ. Ферстеръ неоднократно вступается за эту мысль¹⁾, а Продингеръ пространно перечисляетъ мѣры, принятыя имъ для осуществленія ея²⁾. Я по многимъ причинамъ отвергаю эту мысль. Ученики, которые сами еще нуждаются въ воспитаніи, по моему мнѣнію, недостаточно зрѣлы, чтобы за проступки своихъ товарищесъ подвер-

¹⁾ z. B. Staatsbürgerliche Erziehung S. 45.

²⁾ Prodinger Dr. K. Verfassungsentwurf fü r eine Schulgemeinde an einer Anstalt mit Schülern verschiedener Nationalitäten Pola 1910 s. 15 ff.

гать ихъ наказаніямъ, предусмотрѣнныемъ нашими школьнай правилами. Столь цѣнное чувство товарищества подвергается опасности пострадать отъ этого, и самоуправлѣніе лишится лучшаго воспитательного средства— товарищескаго воздействиа.

Этимъ товарищескимъ воздействиемъ въ общемъ ограничивается и образцовая школа во Франкфуртѣ, которая дала ему особыя формы (Вальтеръ стр. 253). Съ другой стороны, я считаю желательнымъ такихъ товарищесъ, которые не желаютъ подчиняться ученическому управлѣнію, исключать изъ него и поставить ихъ подъ непосредственный надзоръ учителей. Возражаютъ, что такимъ образомъ ученики получатъ только новыя обязанности, но не новыя права. Прежде всего послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Они получаютъ право высказывать свое мнѣніе и возможность свободно высказывать свои мысли и желанія, принимать участіе въ украшеніи своей классной комнаты, принимать дѣятельное участіе въ увеличеніи и завѣдываніи коллекціями. Теперь, право, настало время, чтобы преисполниться тѣмъ духомъ, который 100 лѣтъ тому назадъ возстановилъ наше униженное отечество. „Воодушеви родъ человѣческій сначала къ его обязанностямъ, а потомъ къ его праву“, сказалъ Гнейзенау. О правахъ ребенка теперь говорять больше, чѣмъ надо. Мы будемъ ему больше говорить объ его обязанностяхъ и ихъ исполненіи, какъ о вполнѣ естественной вещи, за которую нѣть основанія требовать, какъ компенсаціи, права. Школьные правила обязываются соблюдать каждый, котораго вступаетъ въ школьнную общину и отвѣчаетъ не только за себя самого, но и за все цѣлое.

Тезисы 7 с и d сами говорятъ за себя. Директоръ Гогенцоллернскай гимназіи въ Дюссельдорфѣ совершенно справедливо видитъ въ преждевременной кодификациі самое вѣрное средство, чтобы глубокія истины Ферстера испортить и сдѣлать ихъ чисто вѣшними. Съ друг-

гой стороны въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ только нѣкоторые учителя съ интересомъ относятся къ самоуправлѣнію, не слѣдуетъ его вводить, наоборотъ, оно можетъ сдѣлаться опаснымъ этому. Примѣры можно было бы привести уже и теперь.

Мое 8-ое положеніе еще разъ хочетъ указать на пользу, которую приноситъ проведеніе мыслей Ферстера для гражданскаго воспитанія. Не то главное, что ученики упражняются въ формѣ выборовъ, но то, что они учатся подчиняться пользѣ цѣлаго, чувствуютъ себя за это отвѣтственными, чтобы въ небольшихъ размѣрахъ дѣлать то, что они потомъ будутъ въ большей степени дѣлать мужами. Какъ разъ въ наше время, когда политикой владѣютъ особые материальные интересы, она имѣеть громадное значеніе. Кромѣ того, самоуправленіе帮忙аетъ воспитывать ихъ къ руководящей роли,—вопроѣ, о которомъ Ферстеръ (Гражд. восп. стр. 25 и 43), въ связи съ воспоминаніями измѣцкаго офицера, дѣлаетъ важныя замѣчанія. Должностныя лица школьнай общини должны пробиться, пріобрѣсти себѣ авторитетъ, съ такомъ относиться къ младшимъ своимъ товарищамъ и быть предусмотрительными въ своихъ распоряженіяхъ. Кто при этомъ увидѣть, что приказывать совсѣмъ не такъ легко, тотъ съ совсѣмъ другой готовностью будетъ повиноваться.

Какъ вѣрно оцѣниваютъ все это ученики во времена и послѣ своего пребыванія въ школѣ, показываютъ примѣры въ докладѣ Вальтера (стр. 250, 251, 258 и сл.). Въ особенности пріятно поражаютъ слова одного кандидата богословія, который указываетъ, что самоуправленіе улучшаетъ не только внутреннія отношенія къ школьнай жизни, но имѣеть цѣнность для всей жизни.

Наконецъ, исполненіе идей Ферстера въ личныхъ интересахъ учительскаго сословія; можетъ быть, это поможетъ привлечь на нашу сторону и противниковъ реформы. Вся система надзора, въ такомъ видѣ, въ какомъ

она существуетъ теперь, не можетъ удовлетворить никого изъ заинтересованныхъ—ни преподавателей, ни директоровъ. Какъ уже было указано выше, въ этомъ есть какая-то мелочность, требуяя много времени и силъ и не поднимается престижъ сословія въ глазахъ общества. Какъ желательно, чтобы большая часть этой „службы порядка“, забота о домѣ и дворѣ, поддержаніе дисциплины въ перемѣны и виѣ школы были отняты отъ учителей! И офицеръ не несетъ унтер-офицерской службы. Какое впечатлѣніе, напримѣръ, получается, если при похоронахъ классы ведутся учениками, а всѣ преподаватели спокойно идутъ сзади. Обыкновенно такъ бываетъ, что мальчишеское баловство легко заставляетъ насть играть пѣсколько смѣшную роль передъ публикой. И какъ разъ эти небольшія чисто-виѣшнія обстоятельства удерживаютъ не одного сына изъ хорошаго семейства отъ нашей профессіи, хотя онъ, можетъ быть, и имѣеть къ ней призваніе и склонность. Наше національное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ наши претензіи на соотвѣтствующее уваженіе, безъ сомнѣнія, увеличятся, если мы и въ этихъ областяхъ постараемся сдѣлать изъ довѣреныхъ намъ юношей хорошихъ гражданъ.

Принятыя положенія.¹⁾

1) Ферстеръ настолько углубляетъ современные вопросы школьнаго воспитанія, что самонспытаніе и возобновленное изслѣдованіе внутреннаго отношенія между средней школой и ее учителями является желательнымъ. Отношения эти страдаютъ, главнымъ образомъ, оттого, что воспитатели и воспитанники раздѣляются на двѣ рѣзко-противоположныя массы, чѣмъ создается особая школьнай мораль.

2) Новое въ предложеніяхъ Ферстера заключается въ томъ, что онъ не смотритъ, какъ всѣ, на школьнай дисциплину, какъ на чисто виѣшнѣе средство, чтобы сдѣлать возможнымъ преподаваніе, какъ важный факторъ при самовоспитаніи.

3) Средняя школа — слишкомъ школа ума; между тѣмъ наши измѣненные культурныя и соціальныя условия требуютъ, чтобы она не ограничивалась передачей выработанного программами и заботой о вызываемомъ правами научномъ материалѣ, но больше, чѣмъ раньше занилась образованіемъ характера.

¹⁾ Директорскимъ съездомъ въ Рейнской провинціи.

4) Какъ и прежде, главнымъ воспитательнымъ средствомъ средней школы остается серьезная, научная, начиная съ низшихъ классовъ, работа. Но школа должна съ одной стороны яснѣе понять тѣ опасности, которыя содержатъ въ себѣ эта работа для характера иного ученика, а съ другой нравственно образовательные моменты, которыя она содержитъ, при чѣмъ послѣдніе не должны навязчиво проповѣдываться ученикамъ.

5) Хотя введеніе особыхъ уроковъ морали слѣдуетъ отклонить, но все-таки на этику слѣдуетъ обращать больше вниманія, чѣмъ теперь, на урокъ Закона Божія за счетъ догматики, урокахъ философской пропедевтики рядомъ съ логикой и психологіей.

6) Учитель долженъ стараться безъ принудительныхъ мѣръ и тѣлесныхъ наказаній, любовнымъ отношеніемъ къ самобытности ученика и довѣріемъ, основанномъ на сильномъ личномъ авторитетѣ, создать хорошее и честное отношеніе между ученикомъ и школой.

7) Это достигается главнымъ образомъ тогда, если учитель и во внѣурочное время встрѣчается съ учениками и направляетъ ихъ къ самодѣятельности.

8) Справедливому требованію при преподаваніи развивать самодѣятельность соотвѣтствуетъ стремленіе привлекать учениковъ и къ работѣ надъ школьной дисциплиной и такимъ образомъ использовать массу неупотребленыхъ силъ.

9) Этому можетъ помочь организація школьнай общини, которая при помощи свободного обмѣна мыслей, даетъ возможность ознакомиться съ мнѣніями и желаніями молодежи, привлечь къ господству хорошиѣ элементы и такимъ образомъ предупредить опасности товарищества.

10) Нѣть основанія опасаться, что самоуправление воздѣйствуетъ въ худомъ смыслѣ, демократизирующими образомъ.

11) Введеніе самоуправленія не должно быть офиціальнымъ, но предоставлено свободному усмотрѣнію отдѣльныхъ учебныхъ заведеній. Самое лучшее, примыкать къ существующимъ школьнамъ кружкамъ, чтобы оттуда постепенно охватить все учебное заведеніе.

12) Хотя въ полномъ объемѣ его можно ввести только въ интернатахъ, но оно приноситъ пользу и нашей школѣ, расширяя религіозное и национальное воспитаніе въ сторону соціальную и гражданскую. Оно отдѣльное лицо заставляетъ сознательно и радостно присоединяться къ цѣлому и чувствовать себя отвѣтственнымъ за цѣлое.

13) Но оно не должно замѣнить формального авторитета учителей авторитѣтей учениковъ, и не вести къ недовѣрію и доносамъ, но должно быть одушевлено товарищескимъ духомъ.

14) Устройство нашего школьнаго дѣла въ духѣ Ферстеровскихъ идей соотвѣтствуетъ и личнымъ интересамъ учителей.

15) Мы никогда не будемъ въ состояніи создать идеальную школу, отвѣчающую всѣмъ требованиямъ, но постоянно должны работать надъ этой задачей, чтобы на практикѣ приблизиться къ идеалу. Центръ и теперь лежитъ въ томъ, чтобы учитель быть человѣкъ съ характеромъ, человѣкъ образованный, но и съ чуткимъ сердцемъ. Учитель долженъ себя чувствовать не только учителемъ, но и воспитателемъ. Надо стараться, чтобы свобода развернуть свою личность не стѣснялась бы безъ нужды.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Школьныя правила съ школьнымъ самоуправлениемъ.

I.

Реальнѣе училище и реальная гимназія въ Ахенѣ.

Школьное самоуправление.

Если ученики здѣсь впервые привлекаются къ самоуправлению, то это дѣлается съ цѣлью создать довѣріе между учителями и учениками и добровольное подчиненіе избранному ими правлению вмѣсто односторонняго принужденія, пробудить въ нихъ сознаніе цѣлесообразности хорошо организованного и защищающаго ихъ интересы школьнаго государства, воспаменить сердца стремящейся ко всему идеальному молодежи къ порядку и закону, къ правдивости, праву и чести, а также къ ихъ собственной работѣ и собственной отвѣтственности и такимъ образомъ сдѣлать изъ воспитанниковъ истинно-нравственныхъ людей. По этой системѣ вмѣстѣ съ тѣмъ должно подготовляться воспитаніе къ практическимъ задачамъ будущаго гражданина. Главныя черты самоуправления заключаются въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ:

§ 1.

Школьному самоуправлению служать классныя и общія собранія.

§ 2.

Классное собраніе имѣется въ каждомъ классѣ, въ 1 классѣ лишь во второй трети года, и къ нему принадлежатъ:

1) Довѣренное лицо. Оно представитель класса со всѣми другими. Классная гигіена (чистота, провѣтривание, температура) и соблюденіе порядка въ классѣ—его обязанности.

2) Управляющій. Онъ завѣдываетъ всѣмъ инвентаремъ классной комнаты, заботится о мѣбльѣ, чернилахъ, губкѣ, чистотѣ доски, приносить для уроковъ географіи и естествовѣдѣнія предметы для нагляднаго обученія, а также физическіе приборы, когда преподаватель этого требуетъ, и послѣ употребленія уносить ихъ обратно.

3) Библиотекарь. Онъ подъ главнымъ надзоромъ класснаго наставника заботится о составѣ и порядкѣ школьнай библиотеки и вѣдаетъ въ опредѣленные дни книги для ученической библиотеки.

4) Завѣдующій класснымъ журналомъ. Онъ отвѣтствуетъ за аккуратное веденіе класснаго журнала. На послѣдніхъ страницахъ онъ записываетъ результаты выборовъ, а также потерю активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

Въ случаѣ необходимости замѣняютъ другъ-друга: довѣренное лицо и управляющій, библиотекарь и завѣдующій журналомъ.

§ 3.

Задача классного совещания состоит в поддержании классного порядка и хороших нравов среди товарищей и обсуждение классных дел. Свои пожелания совещание через доверенного передает классному наставнику.

§ 4.

Выборы в классное совещание происходят в первый день каждой трети, в присутствии классного наставника, который разъясняет выборы. Перед выборами онъ разъясняет ученикамъ значение самоуправления. Выборы тайные, баллотируются записками. Принятые должности дѣло чести, переизбрание допускается.

§ 5.

Общее совещание состоит из доверенныхъ лицъ классовъ. Оно собирается, когда въ томъ встрѣчается надобность, подъ предсѣдательствомъ избранного имъ предсѣдателя. Порядокъ дня долженъ раньше быть сообщенъ директору.

§ 6.

Въ задачу общаго совещания входятъ: защита интересовъ учениковъ, забота о чести учебнаго заведенія и приличномъ поведеніи учениковъ въ школѣ, а также соблюденіе спокойствія, порядка и чистоты въ коридорахъ и на школьнѣмъ дворѣ. Необходимыя дежурства члены совещанія распредѣляютъ среди своихъ членовъ. Желанія всѣхъ учениковъ оно передаетъ директору透过其自己的代理人.

§ 7.

Отъ всѣхъ учениковъ ожидается, чтобы они подчинялись распоряженіямъ избранного ими начальства. Учениковъ, которые не подчиняются довѣреному класса, классное совещаніе можетъ лишить активнаго и пассивнаго избирательнаго права. Точно также цѣлые классы, которые не подчиняются главному собранію, могутъ распоряженіемъ этого собранія быть лишены своего въ немъ представительства.

§ 8.

Дѣятельность главнаго собранія находится подъ надзоромъ директора и совѣта. Жалобы учениковъ на членовъ собранія направляются къ директору.

§ 9.

Если истинный духъ самоуправленія проникнетъ въ среду учениковъ, наказанія могутъ сильно уменьшиться и сдѣлаться исключениемъ. Школьныя наказанія слѣдующія:

1) Наказанія чести: устный выговоръ, выговоръ въ классномъ журнальѣ, сообщеніе родителямъ и лишеніе пассивнаго и активнаго избирательнаго права.

ШКОЛЬНЫЕ ПРАВИЛА СЪ ШКОЛЬНЫМЪ САМОУПРАВЛЕНИЕМЪ. 153

2) Лишеніе свободы: оставленіе послѣ уроковъ и карцеръ до двухъ часовъ.

3) Совѣтъ родителямъ взять ученика изъ заведенія.

4) Удаленіе ученика изъ заведенія.

Условное наказаніе (отложеніе наказанія) допускается въ некоторыхъ случаяхъ, въ особенности при первомъ проступкѣ.

Директоръ: *ван-Гаагъ*.

Ахенъ, Май 1909.

II.

Королевская реальная гимназія въ Эльберфельдѣ.

Проектъ школьныхъ правилъ съ ученическимъ самоуправлениемъ.

§ 1.

Общія правила для средней школы Рейнскай провинціи отъ 1-го февраля 1891 остаются безъ измѣненія; къ § 14 д. и і дѣлается то-же добавленіе, что и въ § 14 а: „если со стороны учебнаго заведенія не послѣдовало другого разрѣшенія“.

§ 2.

Всѣ классы, начиная съ первого класса (первый только во второй трети года) записками избираютъ довѣренное лицо. Онь передаетъ директору и учителямъ желанія класса. Классная гигиена (чистота, провѣтривание, температура и т. д.) составляеть предметъ его заботы. Въ отсутствіи учителя онъ увѣщаніемъ поддерживаетъ спокойствіе и порядокъ. Онь также довѣренное лицо класснаго наставника.

§ 3.

Довѣренные старшины классовъ и ихъ замѣстители составляютъ совѣтъ, задача котораго состоитъ въ поддержкѣ чистоты, порядка и чистоты въ коридорахъ и на школьнѣмъ дворѣ. Онь въ согласіи съ директоромъ распредѣляетъ мѣста и игры для своихъ товарищъ,透过其自己的代理人. Черезъ своего выбранаго онъ докладываетъ директору объ общихъ желаніяхъ всѣхъ учениковъ.

§ 4.

Кромѣ того, отъ всѣхъ классовъ выбираются:

1) Хронистъ или письмоводитель. Онь ведетъ хронику класса. Въ особенности онъ въ ней отмѣчаетъ результатъ выборовъ, отзываы, данные учениками о должностныхъ лицахъ, при исполненіи ими ихъ обязанностей (см. § 7), поступленіе и выходъ изъ школы, особыя заслуги отдѣльныхъ учениковъ, и изъ наказаній—потерю активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

2) Управляющій. Подъ его наблюденіемъ находится весь инвентарь классной комнаты, онъ заботится о мѣлѣ, чернилахъ,

губкѣ, чистотѣ доски, приносить карты. Онъ во время уроковъ хранить ключъ отъ класса и во время перемѣнъ отмыкаетъ и замыкаетъ его. Ему также можетъ быть поручена и классная гигиена.

- 4) Библиотекарь.
- 5) Хранитель класснаго журнала.

§ 5.

Одновременно выбираются замѣстители. Выборы происходятъ въ присутствіи класснаго наставника, который вмѣстѣ съ директоромъ утверждаетъ ихъ. Передъ выборами классный наставникъ долженъ объяснить своимъ ученикамъ обязанности каждой должности. При вступлении въ должность избранные обѣщаютъ относиться къ своимъ обязанностямъ честно и по совѣсти. Принятыe должностні—дѣло чести.

§ 6.

Ни одинъ ученикъ не смѣеть, обыкновенно, въ томъ же учебномъ году завѣдывать одной и той же должностью больше трети года.

§ 7.

Въ концѣ каждой трети года исполненіе должностей подлежитъ обсужденію класса и учителей. Хронистъ долженъ результаты занести въ хронику. Дѣятельность совѣта довѣренныхъ (см. § 3) обсуждается директоромъ и педагогическимъ совѣтомъ. Жалобы учениковъ на членовъ совѣта направляются къ директору.

§ 8.

При выставленіи четвертныхъ отмѣтокъ за поведеніе и приложеніе рекомендуется иногда принимать во вниманіе мнѣніе довѣренного и другихъ должностныхъ лицъ.

§ 9.

Какъ можно больше простора дается взаимному товарищескому воздействию на нравственное, душевное и тѣлесное развитіе.

§ 10.

Наказанія:

- 1) Наказанія чести: виновный подвергается: а) устному, в) письменному выговору (въ журнале), с) сообщенію родителямъ, д) потерѣ активнаго и пассивнаго избирательнаго права (отмѣтки обѣ этомъ въ хроникѣ) и отдачѣ подъ непосредственный надзоръ учителя.
 - 2) Лишеніе свободы: арестъ и карцеръ.
 - 3) Тихое удаленіе.
 - 4) Исключеніе изъ учебнаго заведенія.
- Условное наказаніе допускается и часто рекомендуется.

§ 11.

Каждый учитель отвѣчаетъ за исполненіе обязанностей лица, находящимися подъ его надзоромъ. Съ увеличивающейся зрѣлью классовъ надзоръ учителей ограничивается присмотромъ.

III.

Реальная гимназія въ Эссенѣ.

Цѣль, устройство и задача ученическаго самоуправления.

I.

Цѣль самоуправления.

1) Школьное самоуправление преслѣдуетъ цѣль, привлекая молодежь къ надзору въ школѣ, пріучить ее къ самостоятельности, пробудить и усилить въ ней чувство отвѣтственности будущихъ гражданъ и побудить ихъ этимъ къ самовоспитанію.

2) Принятие части школьнаго надзора кажется для этого подходящимъ, такъ какъ ученикъ, наблюдая недостатки и ошибки своихъ товарищей, стремится испытать себя и избѣгать того, что онъ долженъ хулить у другихъ.

3) Самоуправление не есть установление, которое исполняетъ свои задачи параллельно или совершенно независимо отъ воспитательной работы педагогического совѣта. Принимая на себя часть обязанностей учителей и облегчая этимъ ихъ работу, оно разсчитывается скорѣе на его поддержку и помощь.

4) Разумной совмѣстной работой педагогического персонала и самоуправленія хотятъ создать болѣе тщательный надзоръ надъ воспитаніемъ учениковъ, поддерживать порядокъ, дисциплину и нравственность всей школы и всѣмъ этимъ вызвать проявленіе школы и признаніе ея виѣ стѣнъ учебнаго заведенія.

II.

Устройство самоуправления.

1) Каждый классъ выбираетъ изъ своихъ сочленовъ „наблюдателя за порядкомъ“, подъ руководствомъ класснаго наставника. Наблюдатели классовъ 5—8 кл. составляютъ совмѣстно съ довѣренными выпускникамиъ учениковъ совѣтъ, которому поручается завѣдываніе самоуправлениемъ.

Выборы утверждаются класснымъ наставникомъ.

2) Выборы тайные и рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Каждый ученикъ обязанъ принимать участіе въ выборахъ. При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ жребій.

3) Каждый выборный исполняетъ свою обязанность треть года. Переизбрание допускается, а отказать отъ выборовъ нѣтъ.

4) Совѣтъ выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя, его замѣстителя и письмоводителя. Ихъ выборы утверждаются директоромъ, съ которымъ вступаетъ въ переговоры предсѣдатель.

5) Наблюдатель заботится о порядке и чистотѣ класса. Необходимы при этомъ работы исполняются учениками, которые ежедѣйно сминаются.

6) Къ наблюдателямъ классовъ: 2-го до 5-го кл. прикомандировывается, какъ старшина, ученикъ старшихъ классовъ, который отвѣчаетъ за исполненіе надзора въ этомъ классѣ.

7) Совѣтъ съ согласіемъ директора можетъ отрѣшить отъ долж-

ности довѣренного или старшину за плохое исполненіе своихъ обязанностей.

8) Совѣтъ собирается смотря по необходимости, чтобы обсуждать и приводить въ исполненіе дѣла управления. Письмоводитель хранить протоколъ засѣданій.

9) Совѣтъ изъ своей среды выбираетъ четырехъ учениковъ, которые, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя совѣта, рѣшаютъ дисциплинарныя дѣла. Обвиняемый можетъ избрать себѣ защитника.

10) Судъ имѣть право дѣлать предупрежденіе, простой или строгий выговоръ (отъ всего совѣта) цѣлымъ классамъ и отдѣльнымъ ученикамъ, а также наказывать учениковъ арестомъ съ согласія класснаго наставника. Проступки, по мнѣнію суда заслуживающіе болѣе высокаго наказанія, представляются, вмѣстѣ съ предлагаемымъ наказаніемъ на усмотрѣніе директора, который, въ случаѣ необходимости, представляетъ ихъ педагогическому совѣту. Наказанія могутъ быть усилены тѣмъ, что они объявляются въ классахъ, съ обозначеніемъ проступка. Судъ не имѣть права наказывать приготовительный классъ. Классы, недостойные самоуправленія, могутъ быть исключены изъ него до конца учебнаго года; кромѣ того, отдѣльныхъ учениковъ на нѣкоторое время можно лишать избирательного права.

Для дальнѣйшей разработки самоуправленія въ совѣтѣ ведется книга, въ которую вносятся проекты улучшенія и расширенія самоуправленія.

III.

Задачи самоуправленія.

1) Совѣтъ имѣть надзоръ надъ поведеніемъ всѣхъ учениковъ въ учебномъ заведеніи и вѣтъ его, въ чёмъ ему помогаютъ выпускные ученики и старшины. Эти имѣютъ право и обязанность препятствовать безобразіямъ.

2) Особеннаго такта требуетъ надзоръ вѣтъ учебнаго заведенія. Онъ долженъ быть дружескимъ и товарищескимъ. Только въ крайнемъ случаѣ слѣдуетъ извѣщать совѣтъ, класснаго наставника и директора.

3) Довѣренные заботятся о порядкѣ и чистотѣ на школьнѣмъ дворѣ, во всѣхъ помѣщеніяхъ школьнаго дома, въ особенности же классовъ и гимнастического зала.

4) Старшина ежедневно долженъ осматривать свой классъ и посмотретьъ, въ порядкѣ ли классные шкафы и чистота комнаты и т. д. Онъ другъ, довѣренный и совсѣмъ вѣрѣнъ ему класса.

5) Для молитвы, богослуженій и празднествъ назначаются особые наблюдатели, также и для пособій для нагляднаго обученія (произведенія искусствъ, карты и т. д.), которыхъ находятся въ классахъ и коридорахъ, а также гимнастическихъ аппаратовъ.

6) Предоставлять ли, и если предоставлять, то въ какомъ объемѣ, ученикамъ завѣдываніе кабинетами и коллекціями, предоставляемые усмотрѣніемъ учителя, которому они поручены.

7) Подготовительныя работы къ класснѣмъ прогулкамъ, посыпанія техническихъ предпріятій и т. д. предоставляется, по возможности, ученикамъ.

8) Совѣтъ заботится также о билетахъ въ театры, концерты и т. д. и предлагаетъ книги для увеличенія библиотеки и т. п.

Ученики должны серьезно относиться къ самоуправлению, которое не должно вести къ бюрократизму и доносамъ. Всѣ предписанія должны показываться собственнымъ примѣромъ, и приказанія не должны отдаваться въ повелительномъ тонѣ. Только тогда получатся благоприятные результаты, если старшій ученикъ будетъ относиться къ младшему, какъ другъ и товарищъ, и только тогда самоуправление будетъ любимо учениками и заслужить всеобщее признаніе.

Директоръ: Д-ръ Штейнеке.

Эссенъ, 1 октября 1911.

IV.

Гимназія въ М.-Гладбахѣ.

Проектъ школьнѣхъ правилъ съ ученическимъ самоуправлениемъ.

§ 1.

Всѣ классы, начиная со второго кл. (второй кл. только во 2-ой трети) и выше выбираютъ записками довѣренного. Онъ передаетъ классному наставнику желанія класса. Классная гигиена (чистота, провѣтривание, температура) и поддержаніе порядка—его обязанности.

§ 2.

Довѣренные отъ пятаго кл. и выше составляютъ совѣтъ, задачею которого является поддержаніе порядка, спокойствия и чистоты въ коридорахъ и на школьнѣмъ дворѣ. Онъ распредѣляетъ коридоры и плацы между своими членами, въ случаѣ необходимости привлекая къ этому товарищей, которые выбираются совѣтомъ изъ числа замѣстителей. Избранный имъ старшина передаетъ желанія всѣхъ учениковъ.

§ 3.

Кромѣ того, во всѣхъ классахъ тайнымъ голосованіемъ выбираются:

1) Хронистъ или письмоводитель, который, кромѣ того, завѣдуетъ класснымъ журналомъ. Онъ ведеть хронику класса, отмѣчаетъ въ ней результаты выборовъ и потерю активнаго и пассивнаго избирательного права.

2) Управляющій. Онъ завѣдуетъ всѣмъ инвентаремъ классной комнаты, заботится о мѣлѣ, чернилахъ, губкѣ, чистотѣ доски, приносить карты и раздастъ тетради (Онъ также помогаетъ при завѣдываніи классной библиотекой).

§ 4.

Одновременно выбираются замѣстители. Выборы происходятъ въ присутствіи класснаго наставника, который ихъ разрѣшаетъ. Передъ выборами классный наставникъ объясняетъ ученикамъ обязанности должностныхъ лицъ и значение общественной собственности. Принятіе должностнаго—дѣло чести.

§ 5.

Въ концѣ каждой трети происходятъ новые выборы. Переизбраніе разрѣшается.

§ 6.

Дѣятельность довѣренныхъ и совѣта обсуждается директоромъ и педагогической персональю. Жалобы учениковъ на членовъ совѣта направляются къ директору.

§ 7.

Ученики и классы, не исполняющіе приказаний довѣренного или совѣта, могутъ съ разрѣшеніемъ класса (совѣта) быть лишены активнаго и пассивнаго избирательнаго права.

Директоръ: Зибургъ.

М. Гладбахъ. Въ мартѣ 1909.

Переводъ Л. фонъ Беке.

III.

Къ вопросу о самоуправлении учениковъ.

(*Neue Jahrbücher f. d. kl. Altertum* XXVII и. XXVIII Bandes, 8 Heft, S. 451—454).

Десятое Рейнское собрание директоровъ, бывшее въ юнѣ минувшаго года въ Боннѣ, занималось между прочимъ и защищаемою Ферстеромъ реформою школьнаго духа. При этомъ вспомнили объ одномъ случаѣ, разыгравшемся на Пасхѣ 1910 г. при отпускѣ абитурентовъ Боннской городской классической и реальной гимназіи. Между представителемъ абитурентовъ, Бернгардомъ Гудденномъ и директоромъ, д-ромъ Нипманномъ произошло откровенное объясненіе по поводу попыткой ввести въ данную школу самоуправление. Одинъ изъ такихъ опытовъ былъ въ своемъ родѣ довольно оригиналенъ: въ связи съ чтеніемъ произведенія Аристотеля объ афинскомъ государственномъ устройствѣ ученикамъ было сдѣлано съ восторгомъ ими принятое предложеніе выбрать себѣ устройство-управление. Это сдѣлано было въ „конституирующемъ“ и въ „законодательномъ собраниі“, при чёмъ по аттическому — и американскому — образцу введено было и наказаніе атимі, т.-е. лишенія чести, но на очень короткое время, не свыше трехъ дней. Уже прежде практиковались небольшая денежная наказанія, отъ 5 до 10 пфенниговъ, которыхъ поступали въ общество спасанія на водахъ. Если учитель нарушалъ порядокъ, забывъ свою книгу или что-нибудь подобное, то ради

доброго примѣра онъ дѣлалъ свой взносъ. Теперь все это было занесено въ новую конституцію и даже расширено за неимѣніемъ другихъ наказаній, несмотря на иѣкоторыя возраженія и опасенія. Сказанного достаточно для пониманія обѣихъ рѣчей. Нечего и говорить, что конституція была недолговѣчна: дать народу, доселѣ управлявшемуся патріархально, конституцію и въ міровой исторіи рискованное предпріятіе. Закоренѣлые пороки, какъ знаменитую двойную мораль, можно вывести только постепенно, съ низшихъ ступеней. Это несомнѣнно явствуетъ и изъ слѣдующихъ за симъ рѣчей.

Рѣчь представителя воспитанниковъ.

„Требование большей свободы въ школѣ находило свое осуществленіе, между прочимъ, и въ попыткѣ ввести самоуправление; но мы не сумѣли сжиться съ этимъ устройствомъ въ самой школѣ. Основная идея представляется намъ очень симпатичною, но осуществленію ея мѣшаютъ очень серьезныя препятствія. Намъ представляется, что, если дать самоуправлению столько правъ, что дистанція между учителемъ и учениками слишкомъ уменьшится, это поведетъ къ невозможнымъ послѣдствіямъ. Всегда будутъ спорные вопросы между учителями и учениками; учитель долженъ оставаться всегда правымъ; но тогда права самоуправлениія и оно само дѣлаются призрачными. Если же отъ учителя посредствомъ самоуправлениія только отняты будутъ наказанія, напримѣръ, за опаздыванія, забывчивость, лѣнность, обманы, то мы считаемъ денежныя наказанія въ такихъ случаяхъ совершенно неумѣстными, такъ какъ въ противномъ случаѣ обладатели большихъ карманныхъ денегъ окажутся въ привилегированномъ положеніи. Съ другой стороны, примѣнять въ подобныхъ случаяхъ наказаніе, лишающее провинившагося чести, намъ представляется

невозможнымъ, такъ какъ въ общемъ въ глазахъ воспитанниковъ допустившіе подобные проступки не совершили чего-либо задѣвающаго честь. Остается первою задачею самоуправлениія — поддержка виѣшняго порядка. Тутъ мы придерживаемся слѣдующаго мнѣнія: каждый ученикъ, обладающій чувствомъ приличія, станетъ прилично вести себя ради самого порядка и безъ принужденія. Тотъ же, у кого чувства приличія нѣть, тотъ еще менѣе склоненъ будетъ повиноваться своему товарищу-ученику, чѣмъ учителю. Мы вообще не думаемъ, чтобы воспитанникъ охотнѣе подчинялся своему товарищу, нежели учителю; развѣ что товарищъ этотъ обладаетъ особымъ авторитетомъ. Тутъ кроется какъ разъ второе затрудненіе — вопросъ о представителѣ. Такой представитель долженъ обладать авторитетомъ и правильно имъ пользоваться. Правда, такимъ авторитетомъ обладаетъ физическая сила, но не вѣроятно, чтобы она всегда правильно примѣнялась. И возрастъ, связанный въ иныхъ случаяхъ съ соответствующимъ благородствомъ, здѣсь не можетъ играть соответствующей роли: вѣдь кто достаточно разуменъ, тому не приходится сидѣть въ классѣ до тѣхъ поръ, пока онъ дѣлается для него старъ. Наконецъ, хорошие успѣхи обыкновенно вызываютъ наименьший авторитетъ. Соединенными въ одномъ лицѣ эти качества встрѣчаются крайне рѣдко, имѣть же двухъ или трехъ представителей класса — это хуже, чѣмъ не имѣть ни одного. Является также и такая опасность: въ случаѣ, когда ученики сами о себѣ пекутся, дурные элементы въ состояніи приобрѣсти гораздо большее вліяніе и быть вреднѣе, чѣмъ подъ надзоромъ преподавателей. — Самоуправлениіе главнымъ образомъ должно служить борьбѣ съ двойною моралью въ школѣ; но мы не думаемъ, что избранная дорога правильна, потому что, по мнѣнію учениковъ, не противъ учителя, какъ человѣка, все позволено, а только учитель, какъ начальникъ и надзиратель, считается вра-

гомъ. Если поэтому ученикъ дѣлается начальникомъ и надзирателемъ и серьезно относится къ своимъ обязанностямъ, то его также обманываютъ и также смотрятъ на него, какъ на врага, противъ котораго всѣ средства позволены, какъ раньше противъ учителя. Конечно, и онъ можетъ съ волками быть, и тогда самоуправление явится лишь средствомъ безъ стѣсненія дѣлать и не дѣлать, что заблагоразсудится. Поэтому мы считаемъ безцѣльнымъ начинать такие опыты лишь съ 7-го класса, когда взгляды двойной морали слишкомъ окрѣпли, чтобы ихъ искоренить. По нашему мнѣнію, съ самаго начала надо больше стараться о томъ, чтобы такие взгляды не зарождались".

Отвѣтъ директора.

"Если Вы не приняли предложенныхъ Вамъ свободъ и особенно отрицательно отнеслись къ самоуправлению, то мнѣ и, конечно, моимъ сослуживцамъ было очень цѣнно выслушать причины, которые Васъ къ этому привели. Я очень радъ и весьма признателенъ Вамъ за то, что Вы высказались по вопросу съ полной откровенностью. Прошу васъ съ своей стороны съ такимъ же беспристрастiemъ выслушать мой отвѣтъ.

Вы говорите, во-первыхъ: весь экспериментъ излишень; между учителями и учениками царять вполнѣ удовлетворительные отношения; учителя не злоупотребляютъ своею властью, ученики—признанной за ними, вполнѣ достаточной свободой. Зачѣмъ же quieta movere?

Я охотно соглашаюсь и радуюсь возможности подтвердить, что въ нашей школѣ въ этомъ отношеніи—удовлетворительное, даже зачастую примѣрное положеніе дѣлъ, и царить прекрасное взаимное довѣріе между учителями и большинствомъ учениковъ. Но при нынѣшихъ попыткахъ установить среди учениковъ самоуправление

дѣло идетъ не объ отдѣльномъ учебномъ заведеніи, а о принципѣ, примѣнимость или непримѣнимость котораго желательно испытать. Для такого опыта, съ другой стороны, гораздо пригоднѣе школа, въ которой существуютъ хорошія взаимоотношенія между учениками и учителями, нежели школа, гдѣ наблюдается какъ разъ обратное. А такихъ школъ нынче имѣется вѣдь еще достаточное число. Да и у насъ не все такъ, какъ должно бы быть. Прежде всего намъ постоянно приходится жаловаться на ложь и обманъ не только со стороны худыхъ и испорченныхъ элементовъ, которые найдутся въ каждой школѣ, но и со стороны вполнѣ добропорядочныхъ въ другихъ отношеніяхъ и честныхъ учениковъ. Это проклятие двойной морали, которое отравляетъ доброе отношеніе учениковъ къ учителямъ и постоянно нарушаетъ между ними полное довѣріе.

То, что они по отношенію къ своимъ товарищамъ считаютъ несправедливымъ и даже подлымъ, то очень многіе и изъ нашихъ питомцевъ считаютъ позволяющимъ по отношенію къ своимъ учителямъ. Я не смотрю на это такъ трагически, какъ многіе другіе, и не вижу въ этомъ неисправимаго нравственнаго дефекта, а скорѣе остатокъ человѣческой первобытности, которая въ каждомъ, указывающемъ ей извѣстныя границы, видѣть своего врага, бороться противъ котораго позволено всякимъ оружиемъ. Но такие остатки первобытности не подходятъ къ культурной общинѣ; они должны подавляться. Въ патріархально управляемой школѣ это почти невозможно. Но дѣло во всякомъ случаѣ не только въ томъ, что учитель какъ можно больше устраивается, какъ врагъ, съ которымъ надо бороться, и его място занимаетъ товарищъ-ученикъ, по отношенію къ которому ложь и обманъ и измѣна считаются тѣмъ, чѣмъ они и на самомъ дѣлѣ являются, именно подлостью. Такъ смотрѣли на вещи и ученики реальной нашей гимназии, когда они въ своемъ

протестъ заявляли: „охъ, намъ нельзя будетъ больше плутовать, если установится этотъ новый порядокъ!“ Конечно, мои молодые друзья, никто изъ Васъ не имѣть въ виду этого послѣднаго соображенія, и мнѣ нѣтъ нужды на немъ останавливаться. То, что Вы затѣмъ проводите, сводится къ соображенію, что трудно и даже невозможно правильно установить компетенцію школьнай организаціи и ея исполнительныхъ органовъ и найти подходящія силы, чтобы послѣднія соединили должное пониманіе съ нужнымъ авторитетомъ. Что въ этомъ кроется большое затрудненіе, я охотно признаю и признаюсь, что мы его еще отнюдь не побѣдили и не нашли еще вѣрнаго пути. Но вѣдь въ одной области ученической жизни, въ ученическихъ кружкахъ, самоуправлениѣ вполнѣ упрочилось и сыграло полезную роль; объ этомъ только что упомянулъ и Вашъ представитель. Свобода и право самоопредѣленія, царящія тамъ, въ мои школьніе годы были бы признаны совершенно невозможными и несумѣстимыми съ школьнай дисциплиною. Кто знаетъ, можетъ быть, то же случится въ школѣ и съ самоуправленіемъ? Быть можетъ, рѣшеніе вопроса въ ученическихъ кружкахъ дастъ намъ указанія, какъ намъ подходитъ къ рѣшенію проблемы самоуправлениѣ въ школѣ.

Одну изъ причинъ, почему, по моему мнѣнію, слѣдовало бы еще продолжать эти опыты — вѣдь только о нихъ пока и идетъ рѣчь — я уже привелъ: это надежда уничтожить двойную мораль и создать взаимное довѣріе между учителями и учениками. Къ этой причинѣ присоединяется вторая, которую Вы, или болѣе сознательные изъ Васъ, вскорѣ сумѣютъ оцѣнить. Изъ-подъ опеки родительского дома или школы большая часть изъ Васъ переходитъ въ состояніе безграницной свободы, какая только и дается человѣку въ дни студенчества. Это такой рѣзкій и непосредственный переходъ, какой рѣдко повторяется въ жизни.

Разумная педагогика не только можетъ, но и должна стремиться къ тому, чтобы сгладить рѣзкость этого перехода. Вы, привыкшіе доселѣ, чтобы Васъ направляли и Вами руководили, вдругъ должны умѣть въ полной мѣрѣ управлять собою и по собственному усмотрѣнію опредѣлять свои поступки. Не секретъ, что многіе многообѣщавшіе юноши терпятъ крушеніе у этого утеса и гибнутъ; быть можетъ, этого можно было бы и избѣжать, если бы зарлаговременно пріучить ихъ часть отвѣтственности за свои поступки принимать на себя. Этимъ я подхожу къ третьему серьезному аргументу, который говорить въ пользу этихъ опытовъ съ самоуправлениемъ и который я хотѣлъ бы иллюстрировать Вамъ извѣстнымъ примѣромъ изъ исторіи.

Въ 1806 году патріархальный прусскій режимъ съ своимъ положеніемъ приказывалъ сверху и повиновался снизу потерпѣль крушеніе, и геніальный государствоффъ Штейнъ долженъ былъ на развалинахъ старого государственного устройства соорудить новое зданіе.

Цѣль, къ которой онъ стремился, была та, чтобы одушевить прусскій народъ общественнымъ духомъ и чувствомъ отвѣтственности, и онъ надѣлся достичь этой цѣли, если онъ освободитъ руководимыя и стѣсняемыя свыше силы и привлечетъ ихъ къ государственной работе. Успѣхъ показать, какъ Вы знаете, что великий этотъ дѣятель былъ правъ, и, если нынѣшнее наше политическое положеніе оставляетъ желать еще многаго, то въ концѣ концовъ вина въ томъ, что у многихъ нашихъ соотечественниковъ чувства собственной отвѣтственности не имѣются, что они готовы критиковать и резонерствовать по поводу распоряженій правительства, но склоняются и остаются въ сторонѣ, когда надо помочь словомъ и дѣломъ. Вы не будете такъ дѣйствовать, мои дорогіе молодые друзья! Помните теперь всегда, что Вы несете отвѣтственность не только за себя самихъ,

но что Вы вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственны за благо каждой общины, въ которую Вы вступили. Руководствуйтесь впредь категорическимъ императивомъ Канта: „поступай всегда такъ, какъ будто все зависитъ отъ тебя“.—

Какъ мы узнали изъ освѣдомленнаго источника, отношеніе учениковъ къ самоуправленію въ упомянутой выше школѣ осталось такимъ же, какъ его въ свое время очертилъ представитель абитуріентовъ. Такъ какъ было бы неправильнымъ навязывать ученикамъ то, чего они сами не жалуютъ,—избрать другой путь, чтобы выработать въ ученикахъ чувство отвѣтственности. Планомърно поддерживается образованіе ученическихъ кружковъ, частично спортивнаго, частично научнаго характера. Членамъ и представителямъ кружковъ предоставляется полная свобода, но вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ возлагается и полная отвѣтственность. Уже теперь приблизительно треть питомцевъ, конечно, главнымъ образомъ изъ учениковъ старшихъ и среднихъ классовъ, принадлежитъ къ такимъ кружкамъ, имѣть, слѣдовательно, возможность проявить себя въ области, ей симпатичной, и привыкать къ чувству собственной отвѣтственности. До сихъ поръ этотъ путь оказался при мѣстныхъ условіяхъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Того же мнѣнія былъ и проф. Ферстеръ, когда начальникъ учебнаго заведенія при случайнѣ бесѣдовалъ съ нимъ о вышеописанномъ инцидентѣ и дальнѣйшемъ веденіи дѣла.

Перевель Г. Зориенбрей.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПБ., Николаевская, 9.—Телефонъ № 75-51.

Въ началѣ мая поступаетъ въ продажу новый учебникъ.

Д. Третьяковъ.

Человѣкъ и животныя.

Учебникъ по курсу естествовѣдѣнія городскихъ по положенію 72-го года училищъ, женскихъ гимназій и кадетскихъ корпусовъ.

Изъ предисловія автора: „...Авторъ не счѣлъ возможнымъ, какъ это часто рекомендуется, примкнуть къ установленвшемуся плану курса природовѣдѣнія, въ которомъ описательный материалъ зоологии и анатоміи человѣка помѣщается послѣ физическихъ и химическихъ опытовъ. Но, слѣдя оффиціальной программѣ имѣвшихся въ виду школъ, особенно же городскихъ училищъ, авторъ рѣшительнымъ образомъ перераспредѣлилъ содержаніе данного отдѣла естествовѣдѣнія. Наиболѣе подходящій для младшихъ классовъ описательный материалъ сконцентрированъ въ началѣ книги. Введеніемъ къ курсу служитъ краткій анатомо-физиологический очеркъ человѣческаго организма... Приложены всѣ старанія, чтобы полно иллюстрировать менѣе знакомыя для учениковъ понятія, касающіяся вида и строенія животныхъ. Съ этой цѣлью, кроме множества рисунковъ, взятыхъ изъ новѣйшихъ заграничныхъ изданій, книга снабжена цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ рисунковъ, а нѣкоторые рисунки переработаны съ специальной цѣлью ихъ лучшаго воспроизведенія. Въ биологическихъ характеристикахъ животныхъ поставлены строгія рамки тому слишкомъ субъективному пониманію цѣлесообразнаго въ природѣ, согласно которому левъ, напримѣръ, живущій въ чащахъ оазисовъ и охотящійся ночью, имѣть будто бы предохранительную окраску „цвѣта пустыни“... Третій отдѣлъ составляетъ физиологія человѣка, съ неизбѣжными добавленіями анатомическихъ частностей и гигіеническихъ указаній. Въ этомъ отдѣлѣ предполагается, соответственно возрасту учениковъ, широкое примѣненіе класснаго опыта“...